

*...Кто стремится к счастью, должен
Идти к нему даже сквозь огонь и мечи.*

Диоген Синопский

Глава первая

ВОЗВРАЩАЯСЬ В ПРОШЛОЕ

1.

Отмечая в ресторане Парижа среди сотоварищей по военной службе свой шестьдесят восьмой год рождения, Антон Иванович Деникин не стал ворошить события прошлых дней Белого движения. События тех лет выстраивались в его памяти по годам и числам, перебрасываясь одновременно по всем территориям военных действий с оценкой своего участия в этих делах. А сказать было что, и это – что – мучило его. Только после застолья, гуляя по ночному Парижу, стоя на мосту Александра III, дал он волю своим мыслям. Говорил быстро, по-военному отрывисто, будто боялся, что его не выслушают до конца.

- Моя память хранит события, лица, даты всей нашей борьбы за Россию. В этой череде есть то, что знаю только я, и не имею права унести это в могилу. Господа! Для Вас это будет моей исповедью, ибо рассказывать буду о том и о тех, где был участником событий и кого знаю лично. Все успехи и поражения Белой гвардии мы принимали вместе со всеми военачальниками и на свой счёт. Многое из произошедшего с нами можно было не допустить, если бы в своё время мы действовали более слаженно и стратегически расчётливей.

Сожалею, что в своё время не внял я предположениям Петра Николаевича Врангеля. Не оценил я его, как стратега-профессионала. А он был именно таковым. Хотя ему и дали кличку «чёрный барон» за смуглое лицо и чёрную черкеску, но сердцем и прилежанием был он от рождения защитником Отечества.

В Северном Ледовитом океане есть остров, названный в честь его отдалённого родственника-мореплавателя. Сам же Пётр Николаевич родом из обрусевшей дворянской семьи. Родился в литовском городе Ново-Александровске. В 1901 году окончил Горный институт в Петербурге и через десять лет – Николаевскую императорскую академию Генерального штаба. Затем курс Офицерской кавалерийской школы. В период войны ротмистр Врангель за храбрость в бою получил звание полковника. В 1917 году получил в командование 1 казачий полк Уссурийской дивизии. Со своими казаками участвовал в Русско-японской войне. Был ранен в Карпатах. Лечился в Петрограде, затем в 1917 году уехал в своё имение в Ялту вместе с женой Ольгой Михайловной Иваненко и четырьмя детьми. «Контрреволюционера и врага народа» Врангеля арестовали красные вместе с другими и держали на борту миноносца. Жена последовала добровольно за ним. Она спасла его от трибунала, а немцы освободили из-под ареста.

Но вы ведь помните, господа, что с самого начала Гражданской войны юг России стал центром антибольшевистских формирований. В январе 1919 года я с генералом Красновым, который в то время был атаманом Донского казачьего войска, договорился объединить мою Добровольческую армию с его и создать единое формирование. Так я стал Главнокомандующим. Через семь месяцев наша армия выросла до 270 тысяч человек. У нас было 600 орудий, 38 танков, 32 самолёта и 120 кораблей. Но мы были разуты,

раздеты, без денежного довольствия и боеприпасов. Так мы начинали!

Когда объединили войска, встал вопрос о назначении командующего добровольцами. Я хотел на этом месте видеть генерала Романовского, но он предпочёл остаться в моём штабе. Выбор пал на командира корпуса Врангеля, который в боях за Крым и Ставрополь проявил своё искусство маневрирования.

В первых же боях с противником Врангель отказался от наступления «лавой», как малоэффективного и вернулся к сомкнутому строю – «стремя к стremени». Эта тактика в последующем давала ему победу.

Отсутствие в войсках Петра Николаевича Врангеля (заболел тифом) все ощутили на Манычевском фронте. Как мы не пытались, но форсировать реку Маныч так и не смогли, а поражение на этом фронте грозило потерей Ростова и расчленением нашей армии. Пришлось мне вызвать из госпиталя барона Врангеля и подчинить ему всю конницу в этой операции. И вот тут-то я ещё раз убедился в военном таланте Врангеля. Нужно было решить одну из основных проблем – переправить на другую сторону реки артиллерию. Представьте себе, господа, Врангель использовал как понтон плетни казачьих домов. Через три дня боёв на Маныче, 10 Красная Армия была разбита, и мы освободили крупную станицу Великокняжескую. Это, в свою очередь, дало нам возможность развивать наступление. Против нас в районе Синельникова сосредоточилась ударная группировка красных войск, во главе которой был Ворошилов: человек без военного образования, но жестокий и решительный. Нам удалось разгромить красных, овладеть нижним течением Днепра. Генерал Шкуро занял город Екатеринослав. Донская армия под руководством генерала Мамонтова форсировала Дон выше устья Донца и пошла дальше, тесня войска красных. К концу июля 1919 года наша армия вышла на

фронт Царицын-Балашов-Белгород-Екатеринослав-Херсон, упёршись флангами к Волге и Дону. Фронт растянулся. Армия поредела. Пришлось объединить войска манычевской группы и войска генерала Улагая в одну Кубанскую армию под командованием Врангеля. Впереди был Царицын. Красные называли его «Красный Верден». Мы его трижды атаковали, но безуспешно. Оборону Царицына организовали Сталин, Ворошилов, Буденный, Жлоба. Но устоять от напора войск Врангеля они не смогли. Царицын был взят. И вот тут-то началось, господа, у меня «головокружение от успехов».

Впервые за всё время наших дел я отклонил стратегическое предложение Врангеля. Ещё когда Добровольческая армия стала успешно наступать в направлении Харькова, я посчитал это главным направлением и направил туда все ресурсы. Врангель же настаивал на сосредоточении главного удара в Царицынском направлении для установления связи с армией Колчака под Пермью, оказать им помощь и, объединившись, наступать в направлении Харькова и Воронежа, затем двигаться объединёнными силами на Москву. Я посчитал его предложение ошибочным, и в Царицыне разработал свою известную всем «Московскую директиву». Врангель, ознакомившись с этим документом, заявил мне: «Это смертный приговор всем армиям Юга России!». И он оказался прав. В конце концов, я с ним поссорился окончательно, но под давлением всех фактов военных действий вынужден был передать ему власть Верховного Главнокомандующего.

Деникин замолчал, прислушиваясь к течению реки Сены, и продолжил:

- Сегодня нет с нами, господа, замечательного воина, защитника России, верного сына Отечества Врангеля. После эвакуации из Крыма в Константинополь и Бизерту связь моя с ним не прервалась, и мы совместно решали многие

вопросы по оказанию помощи нашим людям за границей. По достоинству носил он награды Отечества: Орден св. Георгия 4 степени; орден Святителя Николая Чудотворца 2 степени; орден Святого Владимира 3 степени с мечами и бантами; орден Святого Станислава 2 степени, 3 степени с мечами и бантами; орден Святой Анны 3 степени, 4 степени с надписью «За храбрость»; Георгиевский крест 4 степени; Золотое оружие «За храбрость».

Вечная ему память и слава, господа!

После длительного молчания бывший камергер Двора Его Величества Топорков Артемий Флорентьевич спросил:

- Антон Иванович! Какова, на Ваш взгляд, основная причина необузданной жестокой бойни нашего российского народа?

- Уважаемый Артемий Флорентьевич! Господа! В своих мемуарах я частично уже ответил на этот и для меня большой вопрос. Буду предельно краток.

Наше общество, да и не только российское, давно болело. Любой вирус интенсивно размножается в больном теле, зачастую губя это тело. Этот вирус я называю стремлением жить по-другому. Главное – этого хотели многие. Но как? И вот тут-то наступает бунтарство. Недовольство выплёскивается через край терпения, и начинаются обдуманные и необдуманные действия. Люди в это время управляемы. Направление же их действиям дают глашатаи. Вспомните Древнюю Русь и Орду, стрелецкий бунт, выступления Разина и Пугачёва. Во Франции это выплеснулось в Революцию с её жестокостью по отношению к несогласным. В России же это имело другой оттенок. Наши цари из поколения в поколение преследовали всевозможных глашатаев, изолируя их от общества. Царизм этими мерами порождал усиление противоречий и дал благотворную почву для прорастания массивного, целенаправленного действия. Появились оракулы среди нашей интеллигенции. Прогнившую

систему царского правления видели и мы – военные офицеры, но пытались внести корректировку мирными приёмами. В этом плане наиболее последовательными идейными агитаторами, с их «пожарами мировой революции», оказались марксисты со своей библией – «Манифестом Коммунистической партии». Посулами, затрагивающими личные интересы крестьян, рабочих и уставших от войны солдат, на фоне отречения царя от Престола и недееспособного Временного правительства, захватили они власть. И за ними пошли. А тех, кто с их властью был не согласен, – уничтожали. Вы можете меня спросить: «А где же мы – интеллигенция, военные?». Отвечу! Наступивший хаос породил хаос в умах многих. Часть растерявшихся выехала за границу, часть примкнула к большевикам, а часть, не вполне организованная, понявшая пагубность большевистского режима для России, - встала в ряды вооружённого противостояния. Военные, кто поверил большевистской идее, кто примкнул к ним – были уничтожены. Помню всех: генерал Павел Сытин – главнокомандующий армиями красных на созданном Южном фронте – расстрелян в 1937 году; генерал-квартирмейстер Виктор Иванович Оберюхин – арестован в 1937 году и погиб в лагерях; генерал Владимир Ольдероге, комбриг красных – расстрелян в 1930 году; командир дивизии, комкор красных Альберт Лапин – арестован в 1937 году и погиб в тюрьме; штабс-капитан, кавалер трёх орденов Красного Знамени Блюхер – расстрелян в 1937 году; герой Первой мировой войны, комкор красных Михаил Тухачевский – расстрелян в 1937 году; прапорщик, комкор красных Константин Нейман – расстрелян в 1937 году. Разве можно забыть тысячи расстрелянных офицеров в Севастополе, поверивших красным и не ушедших с Врангелем! Практически, на начало этого года в Советском Союзе белых офицеров остались единицы. Всех остальных, не смотря на их заслуги перед новой Россией, уничтожили. Вот так плачевно

закончился ещё один этап нашего, больного в своё время общества. Бог им судья!

Стоявший несколько поодаль от разговаривающих бывший генерал-лейтенант Адамовский, прекратив посасывать свою вечную спутницу-трубку, задал неожиданный вопрос:

- Уважаемый Антон Иванович, в своих мемуарах вы слегка коснулись еврейской темы – относительно массового участия евреев на стороне красных. В чём секрет этого явления?

- Сложный это вопрос! Над ответом просидел я не один день, продумывая конкретику последних событий в России с участием евреев. Я ведь, господа, далеко не анти-семит и знаю многих учёных, врачей-евреев с их благородством. Народ этот – вечно гонимый, многострадальный, но он не выделялся своей воинственностью. Жизнь отселекционировала их в другом направлении. Они банкиры, врачи, учёные, торговцы. Один седой раввин заметил мне однажды: «Еврей любит деньги, еврей умеет делать деньги, даже торгуя воздухом». Это – их! Но проявилась же какая-то сила, заставившая взяться их за оружие и с особым рвением служить большевикам? Я хорошо помню оперативную справку по Красной Армии. Она такова:

...В начале войны с Германией во всех войсках практически были отстранены офицеры-немцы. Их место заняли евреи.

...В феврале 1918 года для отражения наступления немецких войск в направлении Петрограда Наркомвоендел издал приказ об учреждении Чрезвычайного штаба Петроградского военного округа, который возглавил Моисей Урицкий, а комитет обороны возглавил Яков Свердлов. Сюда вошли: Моисей Гольдштейн, Яков Фишман, Яков Дранкин и другие.

...После упразднения Высшего Военного Совета в сентябре 1918 года Постановлением ВЦИК был образован Революционный военный Совет, которому подчинялись все войска. Председателем его стал Лев Троцкий (Бронштейн), на счету которого сотни тысяч убитых, казнённых офицеров и гражданских лиц. Разные другие посты занимали: Ефраим Склянский, Аркадий Розенгольц.

...Членами реввоенсоветов фронтов Красной Армии, начиная с Восточного и заканчивая Южным, были: Розенгольц, Уншлихт, Римм, Лазаревич, Якир, Шиловский.

...В разное время начальниками штабов армии были евреи: Лашевич, Лазаревич, Сокольников, Бухман, Фельзман, Губельман и другие.

Такая же картина была в командном составе дивизий, политотделов. С большой степенью осторожности всё это можно было бы отнести к стечению обстоятельств, если бы не окружение самого Ульянова (Ленина). Вы все знаете, господа, что из эмиграции в Россию Ленин с «сотоварищи» прибыл в опломбированном вагоне, чтобы беспрепятственно проехать территорию Германии. Организатором и финансистом этого был Парвус-Гельфант. Его очень часто называют творцом «российского большевизма». В его команде: Володарский-Коган – член Петроградского исполкома; Штайнберг – народный комиссар Справедливости; Самуил Беркман – агент большевиков в Америке; Каменев-Розенфельд – делегат большевиков на Брест-Литовских переговорах; Лейба Бронштейн Троцкий – главком всех военных сил; Карахан – советский представитель в Варшаве; Мартов-Цедербаум – член Центрального Исполкома; Шрайдер – председатель Революционного Трибунала; Зиновьев Апфельбаум-Радомысльский – член Политбюро; Мойше Урицкий – Председатель Чрезвычайки; Емочка Гольдман – проповедник большевизма; Петров-Вайсброт – член Советской мирной делегации в Берлине; Аксельрод –

комиссар финансов; Виктор-Кооп – советский представитель в Берлине; Бела Кун – член ВЦИК; Томский-Хонихберг – член Всероссийского съезда; Свердлов-Янкель Свердлов – Председатель ВЦИК; Янкель Юровский – организатор расстрела царской семьи в Екатеринбурге. Кстати, у самого Ленина тоже есть еврейская кровь. Таким образом, реальная власть оказалась в руках евреев: в правительстве, армии, судах, печати. Думаю, что всё это было запрограммировано, что вызвало протестные действия других народов России. В ответ на это евреи-силовики стали убийцами-садистами. Мне известны материалы комиссии генерал-лейтенанта Фёдора Сергеевича Рорберга по массовым убийствам красными в Киеве. Пересказываю на память: ... 4800 человек убитых, чьи имена удалось установить... общее число перебитых 12000 человек (жители называют 30-40 тысяч). Среди них: 36 профессоров, врачи, инженеры, лидеры партий, высшие чиновники, духовенство, генералы, ремесленники, рабочие... Имена убийц-садистов, которые называли себя народными комиссарами, установлены. Из них: 50% евреев с еврейскими фамилиями, 25% евреев с русскими псевдонимами, 15% – латыши, венгры, китайцы; 10% – русские. Из общего числа чекистов 20% женщин, а еврей-чекисты – 20% уголовники.

Вот и загулял по Украине, Белоруссии, Польше призыв: «бей жидов, потому что они коммунисты». И их били, уничтожали массово. И не только на Украине. Наиболее жестокая расправа была учинена в Белоруссии.

- Я могу рассказать вам, господа, весьма подробно об еврейских погромах в Минске и в его окрестностях, ибо расследовал это по приказу командования, - неожиданно прервал рассказ генерал Варламов.

- Картина, скажу вам, господа, не для слабонервных! Вы ведь все знаете, что Украина и Белоруссия до 1917 года своей государственности не имели. Кто там только не уста-

навливал свою власть! Были Советы, Рада, Петлюра, поляки, немцы, Скоропадский.

Присутствие и там и там поляков сопровождалось еврейскими погромами и зверскими убийствами. Мы установили, что на один разгромленный населённый еврейский пункт приходилось от ста до пятисот погибших. Всего за время еврейских погромов погибло более 100 тысяч человек. К погромам евреев «приложили руки» все: гайдамаки, петлюровцы, красные, местные атаманы, белые. Кстати, погромы горячо поддерживало и развивало местное нееврейское население. Наводчиками служили дворники, прислуга, соседи. Многие жители «местечек» были довольны этими погромами и отказывали в убежище даже раненым.

У поляков давно существовало специфическое шляхтское презрение к евреям, их религии, культуре. Вот и глумились они над ними. Избивали нагайками, насильовали женщин, разрушали синагоги. Зачастую просто расстреливали или топили в реках. В Минске поляки сожгли 50 еврейских домов, оба вокзала, магазины, аптеки, больницы. А в селе Березине по подозрению в большевизме и шпионаже евреев закапывали живьём. В других местах заставляли пить кислоту. Повсюду убийства, грабежи, изнасилования женщин и девочек от 12 до 25 лет.

Особой жестокостью отличались вояки батьки Булак-Балаховича. Этот «батька» – герой войны 1914 года, успевший послужить и у красных и у белых, стал свирепым судьёй евреев за их служение большевикам. Человек он был необычайной храбрости. Сын польского повара и горничной дослужился до звания генерал-полковника. Военские операции – набеги. Во всех его действиях слово – закон. Заслушание – немедленная казнь. Ещё Юденич в своё время о нём говорил «С военной точки зрения он – преступник, но всё же полезен в теперешней обстановке». Истинное же лицо раскрыл он в своём воззвании: «Братья крестьяне! По

вашему призыву я встал во главе крестьянских отрядов. Я, находясь в среде большевиков, служил Родине, а не жидовской своре, против которой я создал мощный боевой отряд...».

Дальше шла характеристика действиям большевиков и призыв вступления в его армию.

Как он расправлялся с евреями, я даже и говорить не хочу. Это была самая жестокая сатанинская расправа, то же самое происходило и на Украине. Особенно обострилось всё, когда красный Главнокомандующий Крыленко послал с Юго-Западного фронта для уничтожения Центральной Второй Рады свой Гвардейский революционный корпус под руководством еврейки Евгении Бош (Майш). За её дела опять-таки рассчитались своими жизнями рядовые евреи. Те же убийства, изнасилования, грабежи.

Вновь наступила тишина.

Голос Деникина прозвучал неожиданно громко:

- Вот и ответим вместе, господа, на поставленный вопрос – что заставило евреев так рьяно сражаться в рядах коммунистов? На мой взгляд, ответа два. Первый – восстали против постоянного гонения и поверили большевистскому братству. Второй – международные сионисты при помощи Ленина, стоящего на платформе учения еврея Маркса, и больших своих финансов сами эту революцию организовали.

- Зачем?

- Для извлечения из России капитала в период революционной смуты и военных действий. Ленин крепко был ими повязан, иначе евреи не смогли бы занять значимые должности в правительстве и в войсках. Когда же большевики закрепили свою Власть, Ленин начал выстраивать новое государство, используя «мозги» евреев, и постепенно отделился от международного сионизма. Каково это государство – мы знаем теперь!

- Антон Иванович! Прокомментируйте это своё суждение, попросил граф Никольский.

- Сталин, в отличие от Ленина, как только приобрёл главенство в партии РСДРП(б), кстати, при помощи партийцев-евреев, начал от них освобождаться. Появилось целое вредительское течение – «троцкизм». Началось всенародное обсуждение и осуждение. В течение года в правительстве новой России не оказалось Троцкого, Каменева, Зиновьева, Шрейдера, Томского и других. Заговорили тюрьмы и лагеря на языке идиш и иврит. Но оставались ещё военные. А для единовластия Сталина – это серьёзная сила противостояния. И он сумел-таки разными хитросплетениями утихомирить и этих. Не стало Якира, Блюхера, Тухачевского, Уборевича, Корка, Гамарника, Эйдемана и других. Сталин моментально расчистил «еврейское поле» в России. Но завозмущались сионисты Запада и США. Тогда Сталин подал им «идейку» – обсудить возможность государственности евреев в Крыму. Сионисты эту «наживку» проглотили, но денег на неё не дали. Когда эти слухи дошли до крымских татар, начались антиеврейские выступления. Но чтобы в этой крымской идее его (Сталина) не заподозрили, повсеместно начали арестовывать евреев, поддерживающих подброшенную идею. Размах еврейского преследования приобрёл массовый характер. Даже жён-евреек членов Правительства не пощадили. Таким образом, за мнимые огромные капиталы мировых сионистов, пострадали «оглуплённые» евреи России, которые не успели или не смогли покинуть её территорию.

- Антон Иванович! А ещё вариант возможен? - опять спросил граф Никольский.

- Возможен, Ростислав Всеволодович! Но он из области фантастики! Евреи могли посчитать себя «сверхчеловеками» и, начиная с России, строить своё Общество Будуще-

го, как коммунисты во всех странах! Абсурд? Да! Но и в этом есть какая-то «теплинка».

Расходились друзья-соратники уже под утро. Прощались, не зная, что прощаются навсегда.

- Какой же я старый дурень! - вслух корил себя Деникин. Забыл рассказать, как собирали с Врангелем деньги для оказания помощи соотечественникам в разных странах. Как снарядили целую группу проверенных разведчиков на поиски атамана Семёнова с его казной и как искали российские деньги Колчака в Маньчжурии. О многом хотел ещё рассказать. О многом!

Особенно хотелось ему поделиться своим восхищением другом Врангеля, которого он вначале не признавал, а затем был очарован Павлом Петровичем Скоропадским. Это он через своих родственников помог финансово нуждающимся офицерам и их семьям.

Не доходя до своего дома, Антон Иванович свернул в аллею и присел на скамейку. Париж ещё спал. Лишь дворники, почтальоны и пекари занимались своей обычной утренней работой. Они не были нарушителями покоя Парижа, ибо были сами его частицей и трудились с утра пораньше, чтобы каждый проснувшийся имел возможность начать свой день с газетой в руках за чашечкой кофе с булочкой.

Среди этой тишины лишь он один, откинувшись на плетёную спинку скамейки, слышал далёкие голоса Петра Николаевича Врангеля, Павла Петровича Скоропадского, Карла Густава Маннергейма. Из всего этого далёкого особенно отчётливо слышен был голос Врангеля о Скоропадском:

- Павел Петрович – выходец из семьи крупного землевладельца. Окончил самое элитное военное училище – Пажеский корпус. В молодом возрасте влюбился в пышноволосяную дочь министра внутренних дел Петра Николаевича

Дурново. Тёщей стала графиня Кочубей – владелица неимоверного состояния. Она любила принимать у себя зятя с его друзьями: меня, Маннергейма, друзей-писателей, художников.

Опять память Антона Ивановича вернула его в прошлое.

...Власть в Украине менялась практически каждый месяц. Уходили сечевики – приходили красные. Уходили красные – набегали сечевики. Наиболее проворным оказался атаман Симон Петлюра. Рассчитав силы красных и поняв, что они не смогут удержать Киев, он по железной дороге быстренько, опережая немцев, перебросил к столице своих гайдамаков и занял город. Немцы вошли в Киев только через день.

А до этого... Украина стремилась к самостоятельной государственности. В этом были единодушны представители партий социал-демократической, социалистов-революционеров, социалистов-федералов. Требования были едины – автономия Украины в составе России. Была выбрана Первая Рада и её исполком в пяти губерниях. В это же время в Донбассе начали формировать Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Началось противостояние. Временное правительство самостоятельность не приветствовало. Переговоры затянулись. Но Раду поддерживало большинство населения, ибо она приобрела «козырную карту», отменив российский запрет (ещё от Петра I) об использовании украинского языка в преподавании, книгопечатании, в церквях. При Раде начали выходить газеты на национальном языке, открылась первая национальная гимназия. Временное правительство России вынуждено было пойти на согласие и даже разрешить формирование собственной армии.

...В июле 1917 года Главком российскими войсками Лавр Георгиевич Корнилов отдал приказ об украинизации

34 корпуса 7 армии Юго-Западного фронта. Одновременно с этим разрешил формирование ударных частей на добровольческой основе. Ответственным за формирование 1 Украинского корпуса был назначен генерал-лейтенант Павел Скоропадский, бывший генерал-адъютант при Дворе императора Николая II. В конечном итоге ему удалось сформировать восемь пехотных и два артиллерийских полка, сведённых в две дивизии. Общая численность – около шестидесяти штыков и сабель.

...После прихода в Петрограде к власти большевиков киевские большевики провели заседание Совета, провозгласив единственным органом Власти по всей Украине – Киевский Совет с его Ревкомом. Киевское восстание Красной гвардии возглавил Леонид Пятаков. Началось кровавое противостояние вооружённых людей. Симон Петлюра в это время назначил генерала Скоропадского командующим всеми войсками Правобережья Украины.

...В декабре Совнарком России объявил войну Украине и параллельно с этим провёл в Киеве Всеукраинский съезд Советов, но оказался в меньшинстве. Съезд принял резолюцию осуждения политики российского Совнаркома и возглавил курс на достижение Украиной независимости. Большевистские делегаты тут же отправились в Харьков, где в это время проходил II съезд Советов Донского и Криворожского бассейнов. Там они объявили этот съезд Первым Всеукраинским съездом Советов и провозгласили Украину Республикой Советов с избранием Центрального исполкома, отменив все ранее принятые решения Рады. Это решение поддержали русские, евреи, украинцы, которых в этих городах и селениях было около 80 процентов проживающих. Столицей стал Харьков. Сюда срочно со всех фронтов доставили красногвардейцев во главе с командиром фон Сиверсом и командующим Антоновым-Овсеенко.

...Симон Петлюра для сохранения своих войск начал отводить их на восток, занимая железную дорогу.

В этом противостоянии одни стремились занять Киев, а другие Харьков. Из-за серьёзных разногласий в генеральном секретариате, Петлюра подал в отставку. Следом за ним и Скоропадский. Неразберихой воспользовались войска Красной гвардии, и Киев штурмом был взят. Началась массовая «зачистка населения». В результате, 700-800 убитых и казнённых. Впервые при штурме города красные применили химическое оружие.

...В Брест-Литовске украинская делегация, несмотря на протест Льва Троцкого, сумела добиться от Тройственного Союза признания границ своего нового государства. Высока была цена этого решения. Украина обязалась до середины 1918 года поставить 1 миллион тонн хлеба, 500 тысяч тонн мяса, 400 миллионов штук яиц и многое другое.

Смерть, трупы, кровь – так выглядел Киев, когда в него въехало правительство Советов.

Недолго властвовали и бесчинствовали в Киеве красные. Немцы объявили войну большевикам и вошли на территорию Украины.

Вот тут-то опять на политическую арену вышел Павел Скоропадский, скрывавшийся от красных у киевских друзей. В скором времени избрали его Гетманом Украины. Но до этого создал он свою партию под названием Украинская Народная Громада. Его, как и многих, не устраивало превращение страны в немецкую колонию. Прежде чем предпринять какие-то действия, Скоропадский обезопасил себя и заключил, с согласия кайзера Вильгельма, соглашение с немецким командованием. Запомнились основные позиции этого соглашения: признать договор с Центральной Радой, укрепить валюту, создать единый центр по вывозу съестных припасов, издать особый Закон об обеспечении немецких войск продуктами, восстановить свободную торговлю, со-

здать свою армию, пограничный контроль и внутреннюю охрану.

Всё это он сумел сделать за восемь месяцев своего гетманства. Кроме этого, позаботиться о тысячах офицеров, находившихся в Киеве. Он даже сумел создать самостоятельные рода войск: авиацию и флот...

...А город просыпался. Побежали, перемигиваясь, светляки-окна, сплетаясь в замысловатые ожерелья. На соседней улице прошуршал шинами автомобиль, застучали по тротуарам каблучками парижанки. Шагнувшая в день ночь напомнила Антону Ивановичу такое же утро в Берлине, когда они гуляли вчетвером по Унтер-ден-Линденштрассе и вышли к католическому собору Святой Ядвиги. Любуясь архитектурой собора, его шпилями и строгостью узоров, ни он, ни Врангель, ни Скоропадский с женой не могли не заметить следы финансового кризиса Германии и прошедших революционных дней. Вроде бы всё, как и сотни лет назад: немки рано утром перед домом мыли тротуары, степенные лоточники разносили молоко и свежие булочки и в подъездах домов, так же было чисто и аккуратно стояла обувь проживающих. Но в лицах немцев просматривались печаль и тревога, да и газеты не пестрели бравыми, крикливыми заголовками. Люди, как и вся Германия, желали чего-то другого, цельного, лучшего. Но это лучшее – не просматривалось и тревожило.

Тон всем разговорам о зодчестве, о религиях Германии, о Государственной немецкой опере – задавала жена Павла Петровича Скоропадского – Варвара Петровна. Пётр Николаевич Врангель, адресуя свои вопросы супругам, часто, по-дружески, называл их «Петровичи». А Варвара была не только прекрасным знатоком культуры разных эпох, но и привлекательнейшей собеседницей. Её природная красота и манеры поведения заставляли многих с изумлением слу-

шать её и любоваться ею. Годы и пережитое не сказались на ней, лишь нет-нет да и мелькнёт в её глазах грустинка.

На обратном пути остановились на берегу реки Шпрее и разговор начал Скоропадский:

- Разумеется, господа, для меня и моей семьи урок декабря 1918 года, стал ещё одной страницей непознанности души и поведения народа, который я защищал ежедневно, ежечасно. Я радовался, когда люди избрали меня Гетманом, я видел конец пребывания немцев на Украине и готовил страну к преобразованию. И насколько же я был разочарован, когда этот же народ, потребовал суда и начал против меня вооружённый мятеж во главе с Петлюрой. А каково было бежать из гетманского дворца в гостиницу «Палась» под защиту турецкого посланника Ахмед Мухтар-бея? А переезд сюда, в Германию? Хорошо ещё, что кайзер Вильгельм предоставил моей семье достойнейший приём и поспособствовал устройству. Если бы не он и не моя тёща – графиня, туговато пришлось бы!

- Не нужно больше о прошлом и грустном, дорогой мой Гетман, - обнимая мужа, проговорила Варвара Петровна, и, повернувшись к Врангелю, произнесла: - Относительно оказания помощи нашим соотечественникам за границей России написала я письмо маме в Швейцарию, и она эту помощь окажет. Позаботьтесь, Пётр Николаевич и Антон Иванович, это письмо маме доставить нарочным и обеспечить надёжность передвижения денег. Без этого – средств не видать! Мамашу свою я знаю!

Расстались в этот же день. В момент расставания Варвара Петровна, как бы в назидание, сказала:

- Вчера все французские и немецкие газеты с фотодоказательствами утверждали, что верховенство гетмана Скоропадского (выкормыша Врангеля) и Симона Петлюры после себя оставили тысячи изуродованных трупов в Киеве. На сей раз не по социальному, а по национальному призна-

ку. Слово «еврей» полностью ассоциировалось со словами «большевик» по поведению еврейского народа. Вдоль всей железнодорожной ветки Киев-Полтава якобы «гайдамаки» и представители «гетмана» творили жестокости над еврейским населением. Вдоль всего железнодорожного полотна валялись неубранные трупы голых женщин и обезглавленных мужчин.

- Такие вы вот изуверы, господа генералы! - сказала, и, вытирая слёзы, отошла в сторону.

2.

Только на третьи сутки пришельцы с гор Тянь-Шаня восстановили силы. Вечером Рахманкул-хан объявил общий сбор. В наступившей тишине раздался его голос:

- Мы покинули Родину, но останемся по-прежнему последовательны нашей вере с традициями нашего народа, завещанных нам предками нашими. Пока вы отсыпались, мы с полковником Назаровым побывали на месте предполагаемого нашего проживания. Поселение называется Карашар, а по-китайски Яньцин. Расположено оно на берегу озера Баграшкель. На территории Китая это труднодоступный горный район. К горам нам не привыкать, а всё остальное зависит от нас. Местные уйгуры обещали оказать нам помощь жильём, пропитанием. Завтра утром с рассветом уходим из этого лагеря. Впереди пойду я с семьёй и полковник Назаров. Замыкающим будет капитан Еремеев с семьёй. Да поможет нам Аллах!

Когда все начали расходиться, Рахманкул-хан подождал к себе Захара и Степана. Отвёл их подальше от лагеря и, глядя им в глаза, заговорил:

- Мой рассказ - откровение адресую в первую очередь вам, герои-казаки. В моём окружении много преданных людей, но задуманное могу поручить только вам, ставшими моими братьями по спасению людей от красной чумы.

На устройство и размещение всех прибывших сюда, а нас две с половиной тысячи человек, нужны деньги. Много денег. С теми запасами золота, что мы с собой принесли, нам хватит месяца на три. Без крова и пищи люди начнут умирать. Но тогда и я должен умереть. А ведь они, как и прежде, верят мне. Где деньги? Они есть! Только золото на той стороне, откуда мы сбежали. Его нужно откопать и переправить сюда. Место захоронения я вам нарисую. Если согласны всем помочь, господа офицеры, то поднимите руку, и я продолжу.

Согласие Захара и Степана обрадовало его и он, обняв их за плечи, продолжил:

- Семьи ваши обеспечу по прибытию на место в первую очередь. Закуплю для них одежду и продукты питания. Ваша задача – молчать и готовиться к походу. Пойдёте вчетвером под видом охотников за снежным барсом. Соответствующую охотничью одежду мы пошьём. Подготовим железные когти на обувь и ледорубы. Не смотря на то, что находимся мы на бывшем шёлковом пути, пойдёте путём уже пройденным. С той стороны ждать не будут. Проводника я дам своего. Настоящий охотник-барсовик. Вы же возьмите с собой проводником охотника Ясира. Уходить будете в ночь через неделю после устройства на новом месте проживания.

...Шли долго, опутив головы и тяжело вздыхая. И роились в голове многие мысли: «Кто повинен в их муках? Чем прогневили Бога? Кто ответит за их страдания?». Вся надежда на Рахманкул-хана и на боевых офицеров-казаков. Никто не плакал, будто встречные ветры, да судьба высушили слёзы. Только уставшие дети изредка просились на

руки, а те, которых родители несли, испуганно прижимались к ним, ухватившись за шею. Две с половиной тысячи человеческих душ отмеряли свой путь в неизвестность. Две с половиной тысяч человеческих душ, не сдавшихся, не сломленных, шли этой дорогой, веря в будущее счастье своё. И не знали многие из них, что через каких-то десять лет проляжет их дорога в Афганистан в поисках убежища. И даже это не сломает их, не утратит мужества, веры, гордости за свой народ.

А люди всё шли и шли, загребая от усталости ногами и спотыкаясь на ровном месте. Только дважды за весь день останавливались для еды и получасового отдыха. После пиалы шурпы из баранины да пресной хлебной лепёшки многие засыпали. Окрики старших поднимали опять всех и движение продолжалось.

- Наверное, Моисей так же вёл по пустыне евреев, - скорбно пошутила Варя, прижимаясь от усталости к Степану.

- Ему надо было учиться передвижению у Рахманкул-хана. Тогда бы не плутал по своей пустыне, которую можно поперёк проехать за два перехода - поддержал разговор Степан, пытаясь шуткой взбодрить Варю. А она, поняв его намерение, только печально глянула на него и опустила свою седеющую голову. «Эх, Варя-Варюша! Как же тебя подкосила смерть доченьки нашей!» - в мыслях отметил Степан и, обняв жену, улыбнулся ей.

Уже в сумерках встречный ветерок принёс водную прохладу, и вдали сверкнули огни костров. Их опять ждали. Везде палатки и горячий ужин. Пока кушали да приводили себя в порядок, Рахманкул-хан распределил всех по палаткам и, убедившись, что все размещены, ушёл в свою юрту.

А уставшие беженцы упали сразу на мягкую кочку палатки и уснули. Уже и солнце выглянуло из-за гор, озеро засверкало своей водной гладью, играя лучиками солнца, а

люди спали. Спали настолько крепко, что не слышали говора Рахманкул-хана с поварами:

- Всем по пиале кумыса для восстановления бодрости. Всем шурпу и плов. Каждому по лепёшке и расставьте в заварниках зелёный чай, - распорядился он.

- Дяденька царь! А где можно пописать? - совсем рядом раздался детский голос, от чего Рахманкул-хан даже вздрогнул, а затем от услышанного рассмеялся, приговаривая: «Ну, если уж у детей есть культура писания, то жизнь продолжается».

Две недели в постоянных хлопотах по устройству жилья для всех Назаровых пролетели каким-то мгновением. Повзрослевшие дети с особым рвением помогали взрослым, засыпая их постоянными вопросами.

В голове Степана занозой торчала мысль: «Как я общу Варе о своём уходе? Похоже, это же самое испытывал и Захар. Как-то присели передохнуть и разговорились:

- Захар! Ты своим сообщил о нашей отлучке?

- Нет! А ты?

- Нет! Как поступим?

- Надо придумать что-то более правдоподобное. Есть, правда, у меня одна мыслишка, - многозначительно заметил Захар.

- Выкладывай!

- Начнём с демонстрации домочадцам охотничьей экипировки. Разом возникнут вопросы: что и зачем?

- И зачем? - перебил Степан.

- Скажем, что хотим для Рахманкул-хана добыть на день рождения снежного барса.

- А когда у него день рождения?

- Не знаю! Однако версию эту надо ему сообщить. Как думаешь?

- То, что ты мастак думать, Захар, убедился я не один раз! Но чтобы соврать так продуманно - слышу впервые от

тебя. Бедная, бедная Аксиния! И как она верит тебе, брехун? - разразился смехом Степан.

- Можно подумать, что ты далеко ушёл от меня, - в тон, смеясь, заметил Захар.

Всё получилось так, как запланировали мужчины. Дети поочерёдно мерили меховые шапки, да поочерёдно щупали «когти» для обуви. Женщины мужскую версию восприняли настороженно. Но мужики так убедительно ввали вместе и врозь, что убедили их. Лишь зять Николай всё понял. Отвёл как-то Захара в сторону, и вопрос «в лоб»:

- Врёте?

- Врём, Коля!

- Надо ли?

- Надо! Надо для всех!

- Страшно?

- Есть немного!

- Справитесь?

- Не впервой это нам, Николай!

- А может, меня возьмёте?

- Нет! Ты останешься за старшего! Береги детей и женщин!

- Через сколько ждать?

- Дней через пять, либо..., - не договорил Захар.

Вечером, перед отбытием отряда Рахманкул-хан беседовал с Захаром.

- Место сокрытия драгоценностей знаю только я и доверяю его тебе, полковник. Мой проводник Самбай знает все горные тропы и скрытые подходы к нашему семейному дому. Советую, Захар, быть предельно внимательным при подходе к дому. Наверняка там засада, либо размещается штаб красных. А теперь слушай внимательно! Сразу за домом, в сторону скалы расположено наше семейное кладбище. Ближе к скале, в последнем ряду погребений лежит огромный камень. Но он огромен только внешне. Под ним и

покоится наш тайник всех драгоценностей нашего рода и припасённое золото в монетах и слитках. Камень с места не сдвинешь. Нужно с противоположной стороны от скалы вынуть два клиновидных камня. Камень, после этого, отползёт сам и откроется каменная ниша. Постарайтесь забрать всё и обязательно возвращайтесь с грузом. От вас теперь зависит судьба многих! Если операция пройдет благополучно, то каждый из вас получит свою долю, которой хватит и внукам вашим. А ты, полковник, получишь двойную долю! По своему сану я не должен бы говорить это тебе. Получается, что я тебя подкупаю. Но не так! Я верю тебе, Захар! Жду твоего возвращения! Да хранит тебя Аллах!

Ещё и двух вёрст не миновали от поселения, а Степан уже начал бурчать на Захара:

- Опять золото! Опять игра со смертью! Сколько можно испытывать судьбу? Ты, Захар, - чёртовый служака! О семье не думаешь? Ты вообще упрям, как осёл!

Так бы и продолжалось это ворчание, да только догадался Захар поменяться местами с проводником Ясиром.

Вроде же совсем недавно шли этим путём, но вид огромных гор, теряющимися своими вершинами в облаках, пугал. Пока поднимались по отлогой стороне гор, усталости не чувствовали. Но вот горы пошли круче, и передвигаться с каждым шагом всё трудней и трудней. На ровном месте споткнулся Захар, да и шмякнулся бы, пожалуй, только крепкие руки Степана удержали его. И тут же ехидный его голос со смехом: «Держись, полковник! В генералы лезешь!». Захар на эту реплику только чертыхнулся и полез дальше. Через шесть часов – привал. Глоток спирта, два варёных куриных яйца и холодный чай – вот еда на привале.

Через полчаса отдыха снова ввысь. Отлогие склоны гор кончились. Началась крутизна. Закрепили на обувь «кошки», надели на руки петли ледорубов и в связке пошли на штурм вершин. Ближе к снегам почувствовали недоста-

ток кислорода: головная боль, руки и ноги деревенели, в носу постоянно булькало. Хотелось упасть и не вставать. Захар, обзлѐнный на своё слабосилие, хрипло выкрикивал: «Вперѐд! Не раскисать! Вперѐд!» Сколько ползли до перевала, уже и никто не помнил. Немного стало легче, когда начался спуск по леднику. Перестало стучать в висках, ровнее забилося сердце, ноги и руки стали более послушными. Расслабились. Неожиданно крик Самбая: «Расщелина! Крепи ледорубы!». И в это время крик Степана: «А-а!» И затих. Рывок, и Захар катится по панцирю, не успевая застолбить ледоруб. Не растерялся Ясир. Он с силой вогнал свой ледоруб, позволив Захару сделать то же. Степан болтался в расщелине, уцепившись за общий канат.

- Ясир! Швырни верѐвку в расщелину и тяните Степана на себя, как только он закрепится! - с противоположной стороны крикнул Самбай.

Захар, уцепившись одной рукой за ледоруб, другой держал канат увязки Степана. Трещали мышцы рук, пот заливал лицо, но он стонал и держал. Казалось, что ещё немного и его разорвѐт на части. Наконец-то верѐвка прослабла, из заточения появилась голова Степана с выпученными от страха глазами.

- Спасибо, братцы! - прохрипел он и распластался подалее от своей неминуемой могилы. Осознав через какое-то время своё воскресение, воскликнул:

- Родные мои! А на том свете страшно и холодно! - прокричал и нервно рассмеялся. Когда обошли выше расщелину, Захар подал Степану фляжку со спиртом, хлопнул его по плечу, заметил:

- С днѐм нового рождения, зятѐк! Выпей, а то опять куда-нибудь улетишь!

... Ночевали в знакомой всем пещере перед обрывом. Утром нашли вбитые в скалы свои крючья и начали на верѐвках спуск. Спускались зигзагами, как и поднимались ко-

гда-то. Когда до подошвы горы осталось не более километра, укрылись в редком кустарнике и начали осматриваться.

Караул на мосту с двух сторон обнаружили сразу. Там же стояли на привязи по паре лошадей.

- Двое с каждой стороны! - прокомментировал Захар.

- Перед мостом за валуном покуривает ещё один с ручным пулемётом! - шепнул Степан.

- Кто видит усадьбу? - оглядывая все, спросил Захар.

- Усадьбу не видать, но крышу с красным флагом вижу! - сообщил Ясир.

- Все ко мне! - приказал Захар. Когда улеглись голова к голове, прошептал: - В разведку к дому пойдут капитан и Самбай! В драку не ввязываться! Всё тщательно разведать и срочно доложить! Вперёд!

Видел Ясир, как напрягается, превращаясь в слух, полковник, как упирается он ногами, ища опору для прыжка. Успокоился, когда услышал осторожные шаги разведчиков.

- В доме расположилась охрана моста, - начал доклад Степан. - Кроме дневального в доме спят ещё трое. У конюшни четыре лошади под седлом. Задний двор из дома не просматривается. Войска, похоже, расположились в нижней равнинной части села! Всё!

- Поступим так! Я, Степан и Самбай уничтожаем караул в доме без выстрелов. Переодеваемся в их одежду и грузим сокровища на лошадей. Прорываться будем через мост! Тебе, Ясир, нужно убрать пулемётчика и переодеться. Когда мы начнём подъезжать, срубишь из пулемёта ближний караул. Тебе, Самбай, предстоит самое ответственное: с лошади снять охрану на той стороне моста! Справишься?

- Я очень буду стараться, господин полковник! - отчеканил тот.

- По местам, братцы! Да поможет нам удача!

... Сонный дневальный даже не вскрикнул. Охотничий нож Самбая по рукоять вошёл в сердце. Спящих без труда повязали и с кляпами во рту закрыли в подвале.

- Самбай! Быстро лошадей на задний двор к могилкам! Степан! За мной! - торопливо приказал Захар. Когда же он с лёгкостью пушинки сдвинул огромный камень, Степан остолбенел. Вернул его в реальность голос Захара:

- Набивай мешки! Чего стоишь, как столб?

Загрузили два мешка, перемётные сумы забили алмазами и украшениями, золотую утварь уложили ещё в один мешок и всё богатство надёжно закрепили на лошадь.

Захар придирчиво осмотрел всех в красноармейской форме и, оставшись довольным, скомандовал:

- За тобой слово, Самбай!

Лёгкий туман способствовал продвижению к мосту. Когда увидели ствол пулемёта, направленный в сторону охранников, стало ясно – Ясир с задачей справился.

Дальше всё прошло без сучка и задоринки. Длинная строчка пулемёта, два выстрела из винтовки – и путь свободен.

Выстрелы подняли тревогу в лагере красноармейцев. Раздалась тревожная стрельба, и понёсся перестук лошадиных копыт.

- Уходим! Лошадей забрать! Мост сжечь! - громче обычного подал команду Захар. - Вылить весь спирт на мост! Степан, поджигай!

Вспыхнуло голубое пламя и побежало, обнимая сухие перекладыны, с каждой минутой укрепляя свою силу. Когда подоспел отряд красноармейцев, мост догорал. Застучал вслед пулемёт, дважды ударили залпом из винтовок, но конники с грузом были уже в зоне недосагаемости.

На второй день, измученные длительным переходом, подъезжали они к погранпосту китайцев.

- Поправить красноармейскую форму! Приготовиться к бою! Ясир и Самбай – вперёд на переговоры. Если Ясир бросит шлем на дорогу – это сигнал к атаке. Вы бьёте по проверяющим, а мы гранатами закидываем заслон! - немного от волнения растягивая слова, распорядился Захар.

Впереди, вроде всё обошлось мирно. Всадников пропустили без досмотра. Когда отъехали на приличное расстояние, Захар задал только один вопрос:

- Как?

- Ясир наврал, что якобы командование Красной Армии отравило часть богатства отнятого у узурпаторов трудового народа, в помощь бедствующим крестьянам Китая. Его враньё было настолько убедительным, что ему поверили. А врать он, оказывается, мастак!

И раскатился по округе расслабляющий нервный смех.

...Рахманкул-хан, на радостях, всех расцеловал и пригласил к себе покушать. Мусульманам выдали щедрую награду, а казаки с ханом гулеванили до утра. Домой их не вели, несли дюжие слуги Рахманкул-хана. Передали их полутрупы домочадцам и, кланяясь, удалились, оставив в домах мешки с богатством.

Нервное перенапряжение и алкоголь бросили героев в сон, и рухнули офицеры, что-то мыча и размахивая руками, прямо у порога. Так и проспали, не шелохнувшись, до самого утра.

Не спали только женщины. Всю ночь проревели, глядя на спящих, с опаской взирая на содержимое заплечных мешков. «Сырость» эту развела вездесущая Степанида. На правах старшей по дому развязала один из мешков и запустила руку. Вытянула, зажимая горсть золотых монет, и ахнула. Посмотрела на всех, да как запрочитает:

- Ох, горе-то какое! Ой, что произошло! Мужики-то наши в разбой ударились! Варя с Аксинией только всхли-пывать начали от услышанного, а Степанида во весь голос:

- Всё это от нашей бедности, от постоянных переездов! Ой, что теперь будет? Убьют ведь их за это!

- Степанида! Не дури! Не такие они! - попытался урезонить жену Николай. Да куда там! От общего женского рёва выскочил он на улицу и жадно закурил, повторяя раз за разом: «Дуры бабы! Ох, дуры!».

Варя первой спустилась к мужу, и, глядя его седую голову, сквозь слёзы, повторяла: «Стёпушка! Проснись, миленький! Скажи, что не так!». Аксиния попыталась развернуть к себе лицом Захара, но, убедившись в тщетности своих действий, поддержала общий плач.

... Первым проснулся Захар. Очумело посмотрел на плачущее женское трио, кисло улыбнулся и выскользнул из дома. Следом, как ошпаренный, вылетел Степан.

- Что это с нашими жёнушками? - разом задали они вопрос.

- Они ваши разбойные головушки оплакивали! - заявил Николай и рассмеялся. Только теперь до хмельного сознания Захара и Степана дошла истина, и они громко захохотали. Зашли в дом, обняли жён, да всё и выложили. В заключение Захар объявил:

- Этого хватит нам, нашим детям и внукам! Радуйтесь! А ты, Степанида, не смей больше плохо о нас думать! - закончил Захар, улыбаясь.

- Эх! Хорошие жёны своих мужей уже бы похмелили, накормили, - заглядывая в глаза Варе, душевно произнёс Степан.

- Сейчас, сейчас, мои хорошие, всё приготовим, - сглаживая свою вину, засуетилась Степанида, и через пять минут выставила на стол припрятанную бутылку водки. Семейный завтрак затянулся.

Когда из-за стола ушли дети, заговорила Аксиния:

- Захарушка, родимый мой! Давайте уедем отсюда в Европу. О детях нужно подумать. Их учить нужно. Да и устала я кочевать с одного места на другое. Вот и Варя с этим согласна, Степанида с Николаем и дети давно об этом мечтают. Поедем, Захарушка! Богом умоляю!

Разговор в семейном кругу мог бы и затянуться, да прервал его прибежавший с улицы Женя:

- Папа! Там тебя на улице ждут какие-то странные мужики. Они говорят, что ты им нужен очень срочно!

- Как выглядят? - вмешался Степан.

- Обыкновенно. Старший из них назвал другого Станислав-болтун.

- Да, неужто они! - вскрикнул Захар и пулей из дома.

А там, улыбаясь во весь рот, стояли по стойке «смирно» есаул Кошкин и Бегеза. Обнялись, расцеловались и начались расспросы. Первым, как всегда, попытался выступить Станислав. Тот и двух слов сказать не успел, как его перебил Кошкин:

- Господин полковник! Мы к вам с пакетом от генерала Врангеля! Два месяца уже разыскиваем! Даже надежду потеряли! Слава Богу – нашли у чёрта на куличках!

Захар вскрыл пакет и начал читать:

...Господин полковник! Уважаемый Захар Прокопьевич!

Нуждаюсь в вашей помощи. Перебейтесь с семьёй в Чехию. Подробности изложат мои посланцы. Передайте мою благодарность Рахманкул-хану. Жду.

С уважением П. Врангель

- Ничего не понял! - передавая письмо Степану, проворчал Захар.

- Я всё объясню! - заверил есаул Кошкин и, улыбнувшись, добавил: - Если бы ещё и подхарчиться. Двое суток не ели!

Степан при этих словах сунул Захару в руки письмо и шустро в дом. Что уж он наговорил женщинам, неизвестно, но когда Захар со своими бывшими разведчиками вошёл в дом, стол ломился от снеди, а в центре даже красовалась бутылка водки.

Выпили. Плотно покушали, и пошёл деловой разговор. Первым начал Пётр Назарович Кошкин:

- Вы ведь знаете, Захар Прокопьевич, продуманность решений Петра Николаевича Врангеля. Он ещё в мае 1920 года учредил Эмиграционный Совет, который целиком всю свою работу нацелил на размещение наших соотечественников и военных за границей! Меня и Бегезу включили в этот Совет, и мы работали в Сербии и Болгарии. У есаула Бегезы, кстати, прекрасный дар дипломата.

По решению оккупационного командования Антанты, части нашей армии разместили в нескольких лагерях, изолированных от внешнего мира природой и французской охраной. Донские казачьи части разместили в районе Чаталдже, что около Константинополя. Регулярные части армии поселили возле города Галлиполи. Кубанских и тверских казаков поселили на острове Лемнос в Эгейском море. Обеспечить питанием всех взяла на себя Франция в обмен на наши коммерческие суда. Поэтому флот наш был отправлен с частью военных, гражданских в порт Бизерту, что в Тунисе. Но наглые французы постепенно забрали весь наш флот и все его грузы, оставив людей без одежды и обмундирования. Началась паника.

В это время общественные деятели России из Константинополя в адрес Врангеля направили депешу, что он является главной законной российской властью за границей, и он должен принять меры по сохранению «Русской армии», которую планируется направить на борьбу с большевиками.

Для решения этих задач был создан Русский Совет. Ему удалось воспрепятствовать Англии отправить обратно в Россию Белую армию, где всех ждала неминуемая смерть. Этот же Совет договорился разместить часть армии на Балканах. Мы с есаулом Бегезой размещали эти части «Русской армии» в Сербии и Болгарии. Пётр Николаевич тоже сейчас в Сербии. В общей сложности направили мы сюда около семи тысяч военных со всех мест прежнего поселения их. В пояс нужно всем нам поклониться Сербскому королю Александру Караджорджевичу. Всех разместил, дал работу и кров. Наверное, недаром был он крестником императора Александра III и получил образование в Петербургском Пажеском корпусе.

В других поселениях наших людей ситуация намного хуже. Нужна финансовая помощь. Пётр Николаевич просит Вас, Захар Прокопьевич, перебраться поближе к нему для решения этой проблемы. Нам с Бегезой поручил он разыскать Вас и уговорить. Всё!

- Дорогой мой Пётр Назарович и Станислав Борисович! Меня не нужно уговаривать! Я согласен! Но без всей нашей семьи – никуда не тронусь!

- Так это ж не проблема! Всех расселим и работу найдём. Ребята будут учиться! - немного бравируя, воскликнул Бегеза.

После этого началось что-то невообразимое. Есаул был нарасхват. Женщины с сияющими глазами спрашивали одно, дети – другое, затем всё заново. Когда постепенно угомонился гвалт, и все опять присели за стол – «прорвало» есаула Бегезу.

- Объявлю я вам, други мои, весть хорошую и не очень хорошую. Пётр Назарович с вашими домочадцами отправляется в Чехию на поселение. Ему с нами нельзя. Он ведь Олечку свою разыскал и женился. Она опять беремен-

на. Не дай Бог, опять аборт сделает. Похороним тогда Кошкина!

- Вот трепло! Взорвало его! - покручивая ус, заметил Кошкин. - Ты бы лучше про себя рассказал. Особенно про женитьбу!

- Это я сделаю с удовольствием! А если ещё и с водочкой, то вдвойне!

Выпил. Смачно хрустнул огурчиком и продолжил:

- Первый раз, как вы догадываетесь, глядя на меня, сбежал я в пятнадцать лет от жены в силу своего возраста и немощности. Второй и третий раз я не женился. Но вот в четвёртый раз – сердцем прирос к племяннице Ольге вот этого старика. Вроде, как и с виду не броская, молчунья, а сердце моё захватила. Опыт по уходу за мной у меня только с лошадей, а тут совсем ещё юная. Начал я к ней «клеиться», а она от меня шарахается. Мобилизовался я, кинул вовнутрь стакан водки и по-гусарски напролом.

Верите, у меня от её кулачного отпора желание жениться отпало. А дружок мой – вот этот старый хрыч, ходит и посмеивается. Видите! Видите! Он и сейчас смеётся!

За столом смеялись уже все.

Бегеза же, будто не замечая этого, продолжил:

- Вспомнил я слова геройского партизана Дениса Давыдова: «В бою, на пиру и с женщиной – нужен напор и натиск!». Вот и последовал я его совету. Полгода я ведь, как телок, за ней ходил. В конце концов, всё же согласилась стать моей женой. Да и как можно устоять против меня!

- Болтай, болтай! Тоже мне – последователь Давыдова! Если бы я тебя не пожалел, да не уговорил бы Наташу – ходил бы ты за ней не один год!

Теперь хохотали все, даже сам рассказчик.

Просмеявшись, посерьёзнев лицом, есаул Бегеза заявил, как в колокол ударил:

- Нам с Вами, господин полковник, и капитану предстоит путь на поиски атамана Семёнова и его колчаковских денег. Такова просьба генерала Врангеля. Принимайте командование, Захар Прокопьевич! Нельзя медлить!

...Судьба! Чего только она не вытворяет с человеком? Бросает его из одной крайности в другую, как бы пробуя на зуб – крепок ли.

Вот так и эта троица офицеров спешит туда, где их не ждут и даже не желательны они. А они идут, едут, бегут – вопреки порой здравому смыслу, но с верой в свою необходимость в выполнении долга перед человеком, перед людьми, которых они и знать не знают, возможно, и не встретятся никогда за свою жизнь, если она ещё и будет у них. Может, так и должно быть? Возможно, это и есть самая сердцевина человека, его земная Суть? Кто ответит? Да и способно ли последующее поколение вникнуть в суть этого проявления, оценить и, возможно, возгордиться.

Те же, кто делает это сейчас и будут делать, – об этом не думают.

...Долгим, кружным путём, постоянно оглядываясь на железнодорожных станциях и остановках, вёз семейство Назаровых в Чехию опытный разведчик Пётр Назарович Кошкин. Уставшие, измученные, наконец-то только через месяц прибыли они на вокзал Праги. Сразу же всех поразило отсутствие суеты и чистота. Носильщики тут же погрузили их поклажу на свои тележки и отвезли в удобный зал вокзала. Слышна была лёгкая музыка и тихая речь пассажиров. Пётр Назарович принёс три бутылки лимонада, стаканчики из твёрдой бумаги и дюжину горячих бутербродов. Убедившись, что его опекаемые успокаиваются, извинился и исчез.

Часа через два Пётр Назарович появился с двумя крепкого телосложения молодыми людьми, которые без лишних слов подхватили всю поклажу и повели всех на привокзаль-

ную площадь, где их усадили в два легковых автомобиля и повезли вдоль реки Влтава, затем через мост и остановились около пятиэтажного дома с красивейшим фасадом.

- Сейчас на лифте поднимемся на четвёртый этаж, и я покажу вам ваши две квартиры на одной площадке, - торопясь проговорил Пётр Николаевич, и, осмотревшись вокруг, первым вошёл в подъезд.

То, что увидели путешественники, гонимые своим народом, шокировало: большие комнаты, на стене свежие обои, на кухне кафель, туалет и ванная комната отдавали таким блеском, что казалось даже невероятным.

От всего увиденного стареющая Степанида даже разревалась.

- Приводите себя в порядок, отдохните. Завтра проведём с нашими гидами экскурсию по столице. Охранять вас будут эти два молодых человека: Сергей и Борис. Ждите меня после завтрака! - напутствовал Пётр Назарович и, подмигнув Николаю, степенно удалился.

Наступило прекрасное солнечное утро. Пеший поход по Праге начался с хорошим настроением. Привыкшие к тайге и горам, все экскурсанты оторопело, с нескрываемым восторгом любовались видами рек и множества островов.

Их гиды прекрасно знали историю Чехии и историю самого города. В памяти прибывших осталось основное из рассказанного и увиденного.

- Прага, как вы видите, расположена вдоль берегов реки Влтавы, которая впадает в реку Эльбу (Лабу). Влтаву питают девять притоков с двух сторон. Город исторически расположился на пяти холмах, между которыми пролегла долина реки. Берега и острова на реке соединяются 15 мостами. Самый длинный – Баррандовский, а самый короткий – Святоплука Чеха. Город утопает в зелени.

Основное население – славяне. Основной язык чешский. Этому языку вы обучитесь быстро, а дети через год будут свободно говорить и писать по-чешски.

Напоминаю, что Чехия граничит с государствами: Австрия, Польша, Словакия. Германия. Чехи многое переняли у народов этого окружения.

Из всего увиденного и услышанного особенно запомнился кафедральный собор Святого Вита с его главной башней высотой более 99 метров. Надолго задержались у Лоретанского монастыря, над которым возвышалась башня с часами и колоколами, играющими несколько мелодий каждый час. Впечатляющее зрелище открылось всем при виде Карлова моста с его тридцатью скульптурами и фигурами быков поддерживающих мост.

Вышли на Староместкую площадь – исторический центр Старого Города.

- Обратите внимание на замечательнейшую архитектуру здания напротив, - звучал голос гида. Это Ратуша. Фасад её украшен большими астрономическими часами, где в открывающихся дверках под циферблатом появляются ежедневно фигурки 12 апостолов.

Видя, что его слушатели устали, гид в заключение путешествия заявил:

- Знакомство с городом продолжим завтра, а теперь поднимемся на верхний этаж Ратуши и посмотрим оттуда на весь город.

...Жизнь поселенцев постепенно влилась в общий ритм пражан и их уже не пугали на улицах машины, спешащие на работу люди и зазывалы у магазинов. Недели через две послали Николая в магазин за продуктами, а заявился он домой сияющий только к вечеру с пустыми руками.

- Меня взяли на работу в депо железной дороги! - радостно сообщил он с порога. - Сегодня в ночь у меня первая смена! Поздравьте меня!

- Сейчас я тебя, муженёк, скалкой поздравлю, - напуская строгость, сказала Степанида. Ты почему нас оставил без хлеба? И через минуту, улыбаясь, расцеловала своего Коленьку, приговаривая: «Молодцом! Поздравляем, кормилец ты наш!».

Однажды вечером Пётр Назарович заявил:

- До прибытия наших мужчин нам нужно принять ещё одно важное решение. Пётр Николаевич Врангель и наш Павел Александрович Кутайсов просят организовать наблюдательный пункт в Словакии. Там для наших людей нужны «глаза и уши». На эту роль лучше Розы и Андрея я не вижу. Жильём и работой обеспечим.

- Дети, а как вы? - хрипло спросила Степанида.

- А мы согласны! Не всегда же прятаться! Да и делом настоящим пора заняться! - приобняв Розу, ответил Андрей.

Увёл Пётр Назарович молодых рано утром под печальный взгляд всех домочадцев. Степанида, всхлипывая, долго смотрела им вслед, будто прощаясь навсегда. Кошкин появился только на третий день с сообщением: «Всё нормально! Живут и работают на станции Кошица». Обрадовалась Степанида, засуетилась, угощая Петра Назаровича. Даже по стопочке местной наливочки вместе выпили.

Проводила Петра Назаровича, собрала на смену Николая и внезапно присела от острой боли в сердце. Покачнулась и замертво рухнула на пол.

Ещё одну казачку хоронили в чужой земле.

Варя с Аксинией настолько привыкли к распорядительной Степаниде, что после её похорон сразу же нарушился общий семейный быт. Всё валилось из рук. А тут ещё и Николай запил. Запил настолько крепко, что почти не просыхал. Ни сын Аркадий, ни Ромочка на него не смогли повлиять. В работе ему отказали и вежливо «указали на дверь». Дней через пять он не пришёл ночевать. Не было его и на следующий день. Через двое суток обнаружили пу-

тевые обходчики его труп около крутой железнодорожной насыпи с разбитой головой.

Увела Степанида на тот Свет своего Николая. Увела!

После этого одинокие мамы вообще растерялись. Ничего не клеится!

Радость и помощь пришли неожиданно – откуда не ждали. В один из весенних майских дней через порог шагнули супруги Кутайсовы: Павел Александрович и мама Аксинии – Екатерина Алексеевна.

Аксиния от встречи даже дар речи потеряла. Уткнулась лицом в мамину грудь и разревелась! Да так, что общими усилиями с трудом успокоили. Вместе с супругами появился и Пётр Назарович.

Женщины с ребятами уединились в соседнюю комнату, а Кошкин докладывал Кутайсову.

- По Чехии обстановка для наших эмигрантов наиболее благоприятная. Молодёжь бесплатно обучается в школах и институтах. Высшее специальное образование получили уже более пятидесяти человек. Многие из них работают в Праге, а другие выехали на работу во Францию, Соединённые Штаты и Латинскую Америку. Думаю, на днях определить всех детей Назаровых на учёбу. Предварительное согласование через наш штаб произведено со всеми учебными заведениями. Варвару и Аксинию определили на работу в Государственную и городскую библиотеки. В Словакии на станции Кошица организована явочная квартира. Там проживает молодая пара Назаровского корня: Роза и Андрей. Оба устроились на работу в депо железной дороги. Так легче перемещаться в случае необходимости. Полковник Назаров, капитан Еремеев и есаул Бегеза отправились в Китай на поиски атаман Семёнова и его валютных средств, полученных от Колчака. В других странах, откуда мы получаем информацию, среди наших поселенцев разброд и нищета. Связи с Назаровым нет, но часть своих семейных сбе-

режений он перед отбытием передал мне для оказания помощи нуждающимся соотечественникам. Сумма приличная. У меня всё!

- К сожалению, Пётр Назарович, у нас в Бизерте положение аховое. Французы за питание забрали наши корабли и снизили суточную норму питания. Крепкие духом русские люди начали покидать это пристанище. Практически остались старики и совсем обнищавшие. Нужна помощь, а её нет. Попробую у Петра Николаевича выпросить туда хотя бы какую-то сумму из общей кассы. Как бы в дальнейшем судьба ни повернулась, но мы с Екатериной Алексеевной останемся там до конца дней своих. Так подсказывает совесть!

Через месяц у меня в Берлине намечена встреча с бароном Врангелем. Из Сербии он с семьёй перебирается в Париж, ближе к эмигрантскому сообществу, для руководства. Но до этого, Петр Назарович, нам с вами предстоит выезд в Швейцарию к графине Кочубей просить деньги. Письмо-ходатайство от дочери-жены гетмана Скоропадского мне передал Врангель. Уезжаем через сутки. С собой заберём для прикрытия Женечку Назарова. Аксинью я уговорю. Екатерину Алексеевну оставим пока здесь.

...Путь в Швейцарию был не сложным и не утомительным. По адресу в Женеве быстро разыскали особняк графини. Разыскать-то разыскали, а вот встретиться с хозяйкой оказалось не так просто. Вначале около получаса никто не подошел по звонку к входу. Ещё полчаса втолковывали они швейцару, что привезли графине письмо от дочери и что они русские. Через час тот же швейцар пригласил их в дом. И как же были они удивлены, когда навстречу им с приветливой улыбкой, вышла привлекательная, скромная женщина. Её речь, жесты рук, манера сопровождать произносимое мимикой лица, глазами – выдавали в ней манеры, принятые в высшем аристократическом обществе.

Она и была представлением этого общества и подчёркивала это. Прекрасная собеседница разговорила всех. Даже молчун Пётр Назарович коротенько рассказал о своих жизненных мытарствах. Женечку она расспрашивала особенно долго, качая головой при каждом неправильно произнесённом слове. В заключение всего спросила:

- Скажите мне, милый юноша, не хотели бы вы обученья в нашем городе и познавать прелесть мироздания?

Пытаясь подражать графине, Женя, ответил:

- Да! С превеликим удовольствием!

- Вот и мило! Вот и мило! - воскликнула графиня и тут же приказала лакею:

- Пётр! К утру всех одеть в цивильную одежду. Теперь купание, приём пищи и отдых! Разговор о главном продолжим после городской прогулки.

На следующий день графиня безо всякого сопровождения повела гостей по городу. Она знала всё: стиль строительства, историю того или иного сооружения, знаковые даты истории, шедевры разных стилей изобразительного искусства. А когда она их подвела к Женевскому озеру, из сердцевины которого высоко в небо бил фонтан, – гости от красоты этой оцепенели.

Возвращались назад, словно вдохнули в них какую-то новую энергию, которая заставляла их совсем по-иному смотреть на вещи, оценить события и желание творить благо.

После обеда графиня велела принести два ёмких саквояжа и грустно произнесла:

- Здесь всё то, о чём просила моя доченька. Обратите это, господа, во благо нашего многострадального русского народа. Будьте осторожны дорогой.

Пожелала и добавила:

- А Женечку я оставляю здесь у себя. Постараюсь из него вылепить хорошего дипломата. Родителям передайте это письмо! С Богом, господа!

...Как и прошлые дни двух недель, этот день начался так же без изменений. Варя с утра накормила всех ребятшек и отправила их на учёбу. Не успела за ними закрыть дверь, как раздался звонок. «Опять что-то забыли», - подумала она о своих школьниках и, не спрашивая, открыла дверь. Через порог шагнули, улыбаясь два франта: в белых комбинированных туфлях, отутюженных брюках, в чёрных пиджаках и ярко-красных галстуках. На головах игриво сидели фасонистые береты. Не признав вошедших, Варя испуганно начала пятиться, невольно всматриваясь в лица. Наткнулась взглядом на знакомые усы Кошкина, молча, опустила на стул и, засмеявшись, проговорила:

- Ох, и напугали же вы меня, господа! Вы не магазин ли ограбили?

- Нет, Варя! Это нас графиня так придела, чтобы нас не ограбили.

- А где Женя?

- А Женю мы оставили с графиней в Женеве.

- Зачем?

- На обучение и воспитание.

- Как это возможно без родительского согласия?

- Для Аксинии мы от графини привезли письмо. Она ещё спит?

- Она вчера проговорила с мамой до самого утра и ещё не встала.

- Я уже встала и всё слышала, - громко произнесла Аксиния, выходя из спальни. Следом появилась с испуганным взглядом и мама.

- Ка...ак вы... могли моего сыночка о...оставить в чужой стране? Ка...ак вы посмели? Это же нечестно! Это подло, господа!

В этой суматохе уверенней всех повела себя Екатерина Алексеевна. Обняв дочь и успокоив её, попросила мужа рассказать всё очень подробно. Несколько смущённый такой реакцией со стороны Аксинии, он изложил ей всё в деталях, комментируя при этом. Из всего сказанного мужем выходило, что графиня сделала благое дело для семьи Назаровых, и в ноги за это нужно поклониться ей за всё то, что она вообще сделала.

Варя в это время вскрыла письма и начала читать вслух:

Госпожа Назарова! Уважаемая Аксиния Николаевна!

Вы уж простите старую графиню за вольность своего решения по Женечке. Это талантливейший юноша с уникальным мироощущением и колоритной речью, применяя порой старославянские выражения. Ваш сын – носитель российского духа свободы и полёта мысли.

Вы же, в своих постоянных скитаниях, загубите этот дар!

Вы, Аксиния Николаевна, не волнуйтесь за Евгения! У него прекрасное будущее. Я в этом постараюсь!

Ещё раз прошу простить меня за мою вольность, но через какое-то время вы всё осознаете и одобрите.

С уважением княгиня Кочубей.

Наступила пауза. Тишину нарушали только всхлипывания Аксинии. Екатерина Алексеевна, обнимая и успокаивая дочь, произнесла то, что хотели в душе слышать все:

- Дети, доченька, вырастают и разлетаются! А графиня поступила весьма мудро! Не плачь, Аксиныюшка, а пожелай лучше своему сыночку счастья, а графине долгих лет жизни! Через минуту – все за стол! Отметим хорошим семейным чаепитием возвращение наших мужчин и благополучность сделанного!

...Китай по-прежнему, как и сотни лет назад, жил своей рваной, бедной крестьянской и городской жизнью: без дорог, в грязи, с постоянно снующими людишками.

Харбин, куда, в конце концов, добрались офицеры, был похож на разбуженный улей. Захар доподлинно знал Харбин, его население и историю последних лет. Русское дальневосточное зарубежье проявилось ещё до 1917 года, когда в Харбин, в Маньчжурию интенсивно селились россияне: городские обыватели, мелкие торговцы, чиновники, интеллигенция. В зоне отчуждения КВЖД складывался своеобразный российский уклад жизни. Особое массовое заселение сюда пошло с 1921 по 1929 гг. Разбитые войска Белой армии хлынули сюда, пытаясь сохранить воинский дух и стремление бороться с Советской властью. Кого тут только не было: разбойные казаки Дутова, партизаны Анненкова, войско атамана Семёнова и барона Унгерна, войска Колчака. Именно здесь формировались вооружённые отряды белогвардейцев для нападения на Советскую Россию. Захар знал и то, что именно в Харбине существовали разведки Японии, США, Франции, РСФСР, Англии. Через банки Харбина шёл финансовый поток на разные цели.

Полковник Назаров информировал своих сотоварищей:

- Атамана Семёнова нужно искать в Харбине среди белых эмигрантов. У меня по прежним делам оставались на железной дороге свои информаторы. Попробую их разыскать и расспросить. Вы же должны войти в контакт с белогвардейским обществом сопротивления. Встречаемся через неделю в 12 часов у входа в банк.

После безрезультатных поисков ещё через неделю полковник Назаров приказал переехать в Шанхай. В этом городе было сосредоточение русского офицерства и гражданских лиц.

Захар и раньше неоднократно бывал в этом городе, но то, что он сейчас увидел, – поразило. Повсюду звучала русская речь. Основное место проживания – Авеню Жофр. Авеню и прилегающие районы прозвали здесь «Санкт-Петербург Востока». Колония эмигрантов заполнена казаками. Они унижительно, за низкую оплату трудились черно-рабочими, сторожами, таксистами, лоточниками.

В худшем положении оказались женщины. Они стали «товаром». Красавиц русских продавали в Макао, Сурбай, Бангкок, Индию, Египет. Вечерами выходили на улицы эмигрантки-проститутки. Многие из них кончали жизнь самоубийством.

Видя всё это, прибывшие поисковики только скрипели зубами, да невольно сжимали кулаки. Так и хотелось крикнуть: «Россия! Неужто сыновья и дочери твои достойны этой доли? Позор тебе!».

На третий день пребывания в Шанхае Захар в швейцаре ресторана узнал полковника Казначеева Поликарпа Илларионовича. Он Захара также признал сразу. Договорились о встрече после закрытия ресторана.

- Наше офицерство в Китае разделилось на два лагеря: лояльных к советской власти в России и непримиримых, со своими, зачастую авантюрными планами похода на Москву. В каждой группировке есть свои Советы. Между нами «матается» интеллигенция. И на всём этом фоне – невероятная бедность наших людей, - поведал полковник Казначеев.

- Есть ли финансовая помощь? - спросил Захар.

- После разгрома армии атамана Семёнова и формирования в Китае боевых отрядов, Григорий Михайлович подерживал финансово. Но теперь ни его, ни помощи.

- А где он?

- Поговаривают наши в Совете, что перебрался он с семьёй в США.

- Насколько это точно?

- То, что в Китае его нет – точно! А где – неизвестно! Возможно, даже, что и в Японии.

Захар сделал вид, что это его не волнует, и перевёл разговор в другое русло. Начал вспоминать военное время, друзей живых и мёртвых. Расстались, довольные встречей.

Как только полковники расстались, подошёл Степан и шепнул:

- Обрати внимание на выходящую из ресторана парочку. Я, кажется, знаю его. Подстрахуйте меня! Сейчас проверю! Взял за плечи Станислава и, изображая подвыпивших гуляк, вывернул из-за угла навстречу парочке, толкнув при этом спутницу. Продолжая изображать пьяного, начал извиняться, впившись глазами в кавалера.

- Перестаньте кривляться, капитан, - смеясь, проговорил Александр Васильевич Ливанов и продолжил, - познакомьтесь, Софи! Это мой боевой товарищ с дыркой в голове, которому я ещё в Москве наказывал меня при встрече не узнавать. Но коль это произошло, прошу вернуться для беседы в ресторан и заберите с собой своих спутников. Мы с Софи их давно уж «срисовали»!

- Если позволите, мужчины, то я вас покину, - проговорила Софи, и, попрощавшись, спешно ушла. Ливанов долго смотрел печально ей вслед, гоня свои мысли.

В удобной кабинке ресторана разговор начался с знакомств. Видя, что Ливанов не скрывает и не кодирует своё истинное назначение за границей, разговор изначально пошёл в дружеском, доверительном русле.

- Я, Ливанов Александр Васильевич – агент внешней разведки России. Не удивляйтесь, господа, моей откровенности, но мы – «внешние», знаем иностранцев практически всех в лицо. Да и положение моё сегодня таково, что позволяет мне быть более откровенным. Если вы с таким началом согласны, то выкладывайте всё начистоту. Представьте, пожалуйста!

- Есаул Бегеза Станислав!

- Капитан Еремеев!

- Вам, полковник Назаров, не нужно представляться. На Лубянке вас знают! - изучающе глядя, на Захара, проговорил Ливанов.- Предлагаю выпить за знакомство, и продолжим,- добавил он.

Если и существует в мире солидарность разведчиков разных «контор» и стран, то Степан и Станислав были свидетелями такого сегодня.

- Нам, Александр Васильевич, особо и скрывать то нечего. Скрывшиеся за границей военные и гражданские находятся в плачевном положении. Кругом нищета и неопределённость. Нужны деньги, а их нет! Вот и прибыли мы сюда на поиск атамана Семёнова с его казной, которую в своё время наполнили адмирал Колчак и барон Унгерн. Присутствующие здесь офицеры имели к этому прямое отношение. Если в общих чертах, то и все!

Ливанов молчал, морща лоб и потирая виски. Молчал долго, а затем выплеснул для всех такое, чего разведчики не ожидали:

- В своё время Александр Васильевич Колчак дал нам с капитаном Еремеевым задание направить в Харбин часть золотовалютного российского запаса на благо России. Операцию эту мы отлично провалили, за что я расстрелял капитана Еремеева и его банду. Благословляю Бога, что промахнулся, и Еремеев жив. Сам же я дорогой заболел тифом и часть банковского шифра потерял. После выздоровления, стал я сотрудником контрразведки Советской власти в Маньчжурии. Служил честно, добросовестно, не предавая свой народ. Но как только Советская власть укрепилась, начали последовательно всех бывших царских офицеров из разведки отзывать и уничтожать. Рок этот пал и на меня! Хорошо, что мой прямой руководитель в Москве нарочным

меня предупредил. Не было бы этого – я бы сегодня уже не существовал.

Опять длительная пауза и продолжение:

- После нашей встречи в Москве с капитаном Еремеевым и долгими сопоставлениями фактов и фактиков, удалось мне восстановить банковский код в Харбине. Деньги из американского финансового отдела Русско-Китайского банка перегнал я в банк Нью-Йорка. Сумма приличная! Доступ к ним у меня! В своё время поступить так велел мне мой крёстный отец – Александр Васильевич Колчак. Деньги эти российские, и я с лёгким сердцем готов их переправить на нужды моего народа!

- Как это осуществить, Александр Васильевич? – спросил Захар.

- Это не шарада, полковник! Так как я брошенный разведчик и ни от кого не зависим, то завтра же с вами, Захар Прокопьевич, отбываем в США, а Еремеев и Бигеза пусть исполняют своё дело. У вас ведь есть ещё дела?

- Есть,- ответил Степан, - нужно проанализировать пребывание наших в Константинополе.

- Если с таким раскладом согласны, то на сим и прощаемся! Меня ждёт Софи! Прощайте, господа! Поклонитесь моей Родине!

И никто из них не знал, какую карту «выбросит» судьба каждому!

3.

Пётр Николаевич Врангель. в силу своих возможностей, пытался оказать помощь своим эмигрантам в местах пребывания. Переживал он ещё из-за скудности информации от своих доверенных лиц в местах дислокации воин-

ских подразделений. А когда получил информацию, что французы снизили существенно объём рациона питания, – рассвирепел.

Согласно договору, французы обязывались каждому казаку выдавать по 500 граммов хлеба, 200 граммов мясных консервов, немного картофеля и фасоли, 30 граммов сахара, 4 грамма чая. И даже этот скудный рацион питания снизили до 2 тысяч калорий при потребности организма в 3 тысячи. Люди умирали от истощения. На его обращение в США об оказании помощи беженцам тут же откликнулся Красный Крест, и их помощь помогла выжить многим. Помогали питанием и местные курды.

Не лучше было и в Тунисе. Начальник финансового отдела сообщал:

...всё имущество, вывезенное из Крыма, реализовано французами...

...забрали три парохода с углём...

...забрали весь запас обмундирования и материалов для пошива тёплой одежды...

...всего отнято у нас имущества на сумму более десять миллионов франков.

Врангель понимал, что в этой ситуации поддержание военной организации – путь нравственного восстановления изгнанников, путь воскрешения веры в своей необходимости для Родины.

С такими же понятиями был и генерал от инфантерии Александр Кутепов. Его и назначил Врангель помощником главнокомандующего в Галлиполи. Прибыв на место, Кутепов увидел распад армии, её «моральный износ». Нужна была дисциплина, суровая дисциплина. В его первом приказе, который был зачитан перед общим сбором, говорилось: «... буду строго наказывать за малейшее упущение по службе и беспощадно, включая расстрел, предавать суду всех

нарушителей правил благопристойности и воинского приличия...».

Эти жёсткие меры позволили ему уже через год в полках «Русской армии» полностью восстановить занятия и внешний вид военнослужащих. Люди поверили в своё русское возрождение. Через короткий срок они стали отборной, нравственной частью эмиграции. Была построена церковь, начали работать два театра, плац для занятий, восстановили военное училище, отладили выпуск газет и журналов. В Галлиполи появился детский сад и гимназия имени Врангеля под шефством баронессы – Ольги Михайловны. Вершиной духовного подъёма стало возведение на кладбище памятника по призыву генерала Кутепова. На его сооружение пошло 20 тысяч камней.

Врангель, а с ним был согласен и Кутепов, понимали, что находиться в Галлиполи больше нельзя. Нужна материальная подпитка.

Месяцами мотался Пётр Николаевич Врангель по чужим странам-соседям: Сербии, Венгрии, Болгарии. В конечном счёте, задача была решена. Не дожидаясь зимы, началась эвакуация армии в Сербию, Болгарию, Венгрию, Чехию. Французы с удвоенной энергией помогали в этом, лишь бы побыстрей отделаться от русских. В декабре Галлиполи покинули последние воинские части «Русской армии», оставив навсегда 343 могилы.

С последними эшелонами в Болгарию погрузился на пароход генерал Кутепов со своим штабом.

Врангелю импонировал генерал Александр Павлович Кутепов за его продуманность решений, последовательность действий и патологическая ненависть к большевикам. Всего этого не доставало генералу Деникину Антону Ивановичу. На этой почве зачастую между ними возникали разногласия и споры. А генерала Кутепова в его боевитости частенько приходилось сдерживать. «Два генерала, два за-

щитника Отечества, но такие разные», - частенько ловил себя на этой мысли барон.

...Ольга Михайловна, просыпаясь среди ночи, заставала мужа лежащим с открытыми глазами, слегка постанывающим от своих чёрных мыслей.

- Что на этот раз, мой генерал? - оберегая округлившийся животик, повернулась к мужу. Где мы сегодня? - прошептала она.

- На Лемносе, Олечка. Там погибель нашим людям!

- Расскажи мне всё, что тебя мучает. Говори тише, иначе разбудишь детей.

Пётр Николаевич встал, подошёл к своему столу и, достав папку, вынул четыре листа машинописи.

- Вот донесение главного коменданта всех лагерей с каменного греческого острова Лемнос Петра Петровича Калитина. Это то место, куда были отведены в своё время войска из Новороссийска, Одессы, Севастополя и были отправлены сотни беженцев после разгрома войск Деникина. Среди отплывающих были раненые и больные военнослужащие, члены их семей, родные фронтовых офицеров.

Врангель сел поближе к жене и зашептал:

- Чтобы тебя не травмировать этими ужасами, зачитаю только основные определения.

...англичане и французы относятся к нам, как к военнопленным...

...лагеря из английских палаток без пола...

... нет топлива и воды...

...медикаментов и перевязочных средств нет...

...смертность огромна, особенно среди детей...

... нас здесь двадцать пять тысяч военных и почти три тысячи детей...

...выживаем, как можем...

...последний приказ Брукса, что Франция нашу Армию не признаёт вместе с Врангелем. Предложено: возвратиться

в Россию; выехать на работы в Бразилию; самим обеспечить своё существование...

...среди нас скрытно работают по агитации возврата сотрудники ГПУ...

...многие собираются покинуть остров и вернуться домой...

...французы очень стараются от нас избавиться, даже предлагают корабли для отбытия...

...помощи извне никакой!..

Ольга Михайловна, молча, выслушала мужа и задала только один вопрос:

- Опять в полёт на поиск укрытия для наших?

- Да, родная! Потерпи немного. Не рожай без меня!

А утром, когда был уже собран дорожный саквояж, принесли сообщение Красного Креста США, известия Одесского губревкома и губкома КПБ(у). В первом документе сообщалось, что из Лемноса в Новороссийск в Россию на пароходах отправили 6200 человек. Во втором документе подтверждалось их прибытие и что началось распределение по фильтрационным лагерям и органам ГПУ.

- Это смерть для всех! - покачав головой, произнёс Врангель и увёл «дорогой спасения» оставшихся на острове.

...Вначале отсюда в Сербию отбыли лейб-Казачий и Кубанский дивизионы. Затем через месяц отбыли оставшиеся Донцы и кубанцы. В Германию отбыли банкиры и меховщики, а интеллигенция выехала в Болгарию, Чехию, Югославию. В Аргентину отбыли безземельные казаки.

Через два месяца Ольга Михайловна родила сына, которого назвали Алексеем. На радостях Пётр Николаевич прочитал ей над колыбелью сына отрывок из стиха поэта-декабриста Кондратия Рылеева:

- Исполнились мои желанья,
Сбылись заветные мечты:
Мои жестокие страданья,

Мою любовь узнала ты.
Напрасно я тебя тревожил,
За страсть вполне я награждён:
Я вновь для счастья сердцем ожил,
Исчезла грусть, как смутный сон.

На фоне общего спокойствия за семью, за проделанную работу нет-нет, да возникает у Врангеля ощущение, что за ним кто-то постоянно наблюдает. При очередной встрече с генералом Кутеповым Врангель поделился с ним своим ощущением. В ответ тут же услышал:

- У меня точно такое же ощущение!

- Может быть, нас пытаются убрать силы ГПУ?

- Сегодня, Пётр Николаевич, всё возможно! У них руки значительно выросли! Нужна осторожность и ещё раз осторожность!

Именно из-за этой осторожности, болея за судьбу семьи, все из Франции срочно выехали в Бельгию. Через месяц Пётр Николаевич Врангель работал уже на заводе инженером.

...Захар из Нью-Йорка прибыл к своим раньше Степана с огромной сумкой разных подарков для всех. На нём висли, обнимали, целовали, расспрашивали наперебой. Потемнел лицом Захар, когда плача Аксиныюшка рассказала о сыне, о смерти Степаниды и Николая. Долго молчал, обнимая жену, прижал к себе сына Захарушку и,.. опустив голову, с расстановкой выдал из самого нутра:

- Так тому и быть! Будем жить!

Захар на следующий день утром проснулся от ощущения особой тишины. Решил, что все на кухне за завтраком. Тихонечко прошёл в ванную комнату и после душа поспешил на кухню присоединиться ко всем. Каково же было его удивление, когда там он обнаружил только Екатерину Алексеевну и Павла Александровича. Поздоровался, поводя в поиске глазами, и тут же прозвучал ответ тёщи:

- Они, Захарушка, все разошлись по своим местам: дети на учёбу, Варя и Аксиния на работу в библиотеки. Садись с нами завтракать и прогуляйся с Павлом Александровичем по городу для ознакомления.

Не успели трёх шагов сделать по улице, как услышали: «Здравия желаю, господа офицеры! Разрешите присоединиться к вам». Это был Кошкин.

До самого обеда кружили втроем по городу, любясь архитектурой его зданий и дворцов. К обеду присели к столу в ресторане и заказали себе знаменитого на весь мир чешского пива.

Наслаждение напитком прервал Павел Александрович:

- За последний год активизировала свою деятельность разведка СССР. Её агенты повсюду. Они есть и среди нашего брата. Не успели мы принять решение, как оно уже на Лубянке в Москве. Мы все под надзором. Самое опасное – у них сформирован отдел по ликвидации лидеров Белого движения за границей. Это уже серьёзно и опасно! Нужно быть предельно осторожными! С учётом особых обстоятельств, встреча с бароном Врангелем переносится в Берлин. Кошкина и Бегезу я возьму с собой для охраны и переброски денег по назначению. Вы, Захар Прокопьевич, вместе с капитаном Еремеевым остаётесь здесь на связи. Устройтесь на работу. За оказание нашему семейству финансовой помощи – всем огромная благодарность. Дождёмся из Китая наших разведчиков, и в путь!

- Час тому назад сообщили, что деньги из США поступили на наш счёт в Швейцарский банк, - гордо дополнил Кошкин.

...Только через две недели вернулись из Константинополя Степан и Станислав. Радости от встречи не было предела. Варя плакала и смеялась, плакала и целовала. Немного одумалась, когда обоих родителей разнял сыночек Роман.

До самого сна не отходил он от отца, засыпая его вопросами. А когда Степан ещё и подарил ему целую пачку банкнот хождения на Востоке в разное время, восторг выплеснулся через край.

После небольшого застолья, Степан начал свой доклад:

- Как только мы прибыли в Константинополь, русский таксист-эмигрант отвёз нас на улицу Пера, где сформировалась основная русская колония. По-разному сложилась там жизнь наших людей. Разместились они в своё время ближе к посольствам и у торговой площади Таксим. Живут беженцы в гостиницах, монастырях, госпиталях, на фабриках и даже на лестницах посольства.

На первых порах нашим эмигрантам помогали женские комитеты различных представительств в Константинополе. К примеру, французские дамы устроили бесплатную столовую с пропускной способностью 700 человек в день; итальянское посольство организовало раздачу тёплых вещей и обедов; бельгийцы вывезли к себе сотни детей-сирот и одиноких женщин с детьми. Помогали голландцы, греки, шведы, англичане.

И беженцы ожили. Мы с Бегезой побывали в русских ресторанах, кабаре, аптеках, кондитерских. Везде пестрят объявления о практикующих русских адвокатах и врачах. Выходят даже газеты и журналы. Мы привезли с собой: «Новое время», «Общее дело», «Руль». И везде русские вывески: «Эрмитаж», «Аркадия». Особую славу имеют наши певцы, балерины и магазины мод. Турки-мужчины валом валят в театры и кабаре, чтобы посмотреть на наших красавиц: Нину Сталь, Наталью Полей, Александру Балашову, Ирину Венцель, Ольгу Бакланову. Особым почётом славится кабаре Александра Вертинского «Чёрная роза».

Всё это блеск! Но есть и чёрная сторона! Мы видели камергера, который чистит на кухне картошку; жену генерал-губернатора за прилавком и других. Жёны офицеров

пошли в прачки, в прислуги. Многие молодые, красивые женщины стали проститутками. Дом терпимости у «Красных фонарей» обслуживают только русские.

Многие, накопив деньги, уезжают из Турции в другие страны. Мы думаем, что лет через пять в Константинополе русских останется горстка.

Мы предлагаем этим эмигрантам финансово не помогать, а добытые денежные средства направить в помощь другим остронождающимся нашим соотечественникам.

Доклад закончен!

- Что у Бегезы? - спросил Павел Александрович.

- Сказано всё! - бойко ответил Станислав и, крадучи, подмигнул Степану.

- Благодарю всех за службу, господа! - встав, громко объявил Павел Александрович и поочерёдно всех расцеловал.

...Пётр Николаевич Врангель в Берлине ждал с докладом своего сослуживца – генерала Кутайсова Павла Александровича. Встреча произошла в дорогом отеле Берлина в присутствии всей семьи. Кроме жены, Ольги Михайловны, были дети: Елена, Пётр, Наталья, Алексей. Девочки до удивления вобрали в себя прекрасные черты мамы, а сыновья – отца. Так распорядилась природа!

Барон очень внимательно выслушал доклад генерала, делая в своём блокноте какие-то пометки. После окончания доклада обсудили предложение по распределению собранных средств и расстановке сил.

- Относительно наших действий! - после длительного молчания, начал Врангель. - Считаю, что Армия на чужбине – это ядро национальной России. Армия не должна служить какой-то партии или её лидеру. Знамя, которое перешло ко мне от Алексеева, Корнилова и Деникина, я сохраню за границей России до конца дней своих! Ведь на нём, Павел Александрович, священное слово «Отечество». Вы ведь

знаете, генерал, что в 1924 году я преобразовал остатки своих войск в Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) и его численность на сегодня более двадцати тысяч человек. Ими нужно управлять, их нужно содержать! Нам не нужна подпольная деятельность в СССР, как предлагает генерал Краснов. Наши воинские формирования надо сохранить, как силу, способную противостоять большевизму. Я верю, что это время наступит! Для армии нужны надёжные командиры и молодое пополнение. Прошу вас, Павел Александрович, мне и моему штабу оказать в этом помощь.

Беседу прервала вошедшая в комнату Ольга Михайловна с двумя чашечками ароматного турецкого кофе. Ласково посмотрела на мужа и, извинившись, ушла.

Барон, отхлёбывая кофе, продолжил:

- Меня весьма серьёзно интересуют наши войска в Королевстве сербов, хорватов, словаков. Гостеприимство короля Александра Караджорджевича для наших всех беженцев заслуживает самой высокой оценки. Но наших военных и гражданских лиц там очень много. По нашим данным, только войск более пятидесяти тысяч человек. А если учесть, что туда прибыли инвалиды из Константинополя, учащиеся Хабаровского кадетского корпуса и офицеры Дальневосточной армии, получается огромное военизированное воинство. Нужен добрый, знающий руководитель!

- И кого вы видите на этом месте? - вырвалось у генерала Кутайсова.

- Вас, генерал! Вас Павел Александрович! - взяв за руку, ответил барон.

- А как жена? Как обещание вернуться в Бизерту? - частил Павел Александрович.

- Я вам в этом деле помогу. Напишу слёзное письмо вашей милой Екатерине Алексеевне, и она меня поддержит. Соглашайтесь, Павел Александрович!

- Когда приступить? - вместо ответа спросил Кутайсов.

- Немедля! Срочно! Забирайте жену и в Королевство! - улыбнувшись, произнёс Врангель. Минуты через две добавил: - Королевство нуждается ещё и в отлаженной системе контрразведки. Нужна помощь вашего ученика – полковника Назарова. Убедите его! В письме я всё изложу!

По русскому обычаю выпили «на посошок» и распрощались, не зная, что прощаются навсегда.

Как и ожидал Павел Александрович, разговор с семейством Назаровых и с Екатериной Алексеевной был далеко не из лёгких. Да и их понять можно: сколько можно блуждать по свету? Угомонились только после повторного прочтения письма от Врангеля. Особенно поразили слова: «Во имя России, во имя людей с Родиной в душе – сделайте ещё один шаг навстречу».

Степан был неумолим:

- Мы с Варей и детьми отсюда больше не поедем! Это так, Варя?

- Так! Так!

- И в Чехии нужны свои надёжные люди! - твёрдо заявил он и вышел.

- Павел Александрович! Когда отбываем? - держа за руку Ксению, тихо спросил Захар.

- Завтра утром, милые мои! - поставил последнюю точку в разговорах Павел Александрович и, обняв жену, ушёл в спальню.

...Опытному разведчику Кутайсову не составило большого труда разобраться с состоянием военных в Королевстве. Порадовался за офицеров и казаков, которые несли службу по охране границ. А когда увидел, что работающие на заводах русские офицеры и рядовые носят не только форму, но и сохранили уклад воинской части, готов был расплакаться.

Прав был Врангель, что вся военная система в Королевстве нуждается в опытном управлении. Месяца через два он стал надёжным советником Военного министерства Королевства. Екатерина Алексеевна с головой окунулась в организацию обслуживания российских инвалидов. Ксения пошла работать преподавателем немецкого языка в Казацкий корпус. Захар же был «редким гостем» в доме. Мама частенько заставляла свою дочь с мокрыми глазами. А когда всё же разговорилась, та упала ей на грудь и прошептала: «Я.. я беременна».

- Экая ты всё же плакса, доченька! Радоваться надо, а ты в слёзы! - прижимая к себе Аксицию, радостным голосом проговорила Екатерина Алексеевна. - Захар знает?

- Ещё нет!

- Ох, и обрадуется же он!

- А вдруг – нет?

- Что ты, доченька! Он у тебя прекрасен! Муж и отец он добропорядочный!

Только через два дня Аксиция, потупив глаза, сообщила Захару эту новость. А он, как сумасшедший, подхватил её на руки, давай кружить, приговаривая: «Сегодня пьём шампанское! Ура! Ура! Ура!».

В доме опять тревога. Три дня тому назад куда-то исчезли мужчины. Заявились только через десять дней с перебинтованными головами. На все охи и ахи женщин отмалчивались. Только через месяц Аксиция узнала, что вооружённые русские казачьи отряды и офицеры «Русской армии» участвовали в вооружённом перевороте в Албании.

...Листает судьба страницы жизни, то замедляя, то ускоряя их прочтение. В этом скоротечии чувствуем ли мы приближение смерти? Если – да, то, как и почему? А вообще, существует ли это ощущение? Если нет – то почему человек чувствует её присутствие каждый день и каждый час? С таким мыслями ложился и поднимался Пётр Николаевич

Врангель. И не ожидал он получить свой жизненный приговор из рук брата своего денщика – сотрудника МГБ по кличке «Серый», который и подсыпал ему в еду яд – туберкулин. Здоровый физически генерал умер от инфекционной болезни лёгких через две недели, не приходя в сознание. Произошло это в Брюсселе 1928 года. Перезахоронили его в октябре 1929 года в Белграде в русской церкви Святой Троицы. И помечен его сорокадевятилетний жизненный путь белой мраморной плитой с единственной надписью: «Генерал Врангель».

А «Русская армия» продолжила свой путь.

Через полтора года сотрудники ГПУ СССР среди бела дня из Парижа выкрали генерала Александра Павловича Кутепова и убили его.

«Русская армия» не прекратила свое существование и после этого.

4.

Ухаживая за больной бабушкой Агриппиной, Маша подолгу выслушивала её воспоминания о прошлой жизни. До последнего своего часа была она при доброй памяти и сознании. Повторяла свои рассказы только частично и то для продолжения предыдущего.

- Наши семьи корнями входят в донское казачество. Как сейчас помню, усадьбы Масловых и Разиных соседствовали на самом берегу Дона, где на изгибе подходит он к Волге. Ох, и красива же была наша станица. Никто ни с кем не ссорился и не враждовал. Даже когда парни из-за девок носы друг другу раскровавят, родители тут же отпрыскам своим нагайками «мозги вправляли». Деда наши крепко дружили, завсегда друг другу помогали в сенокосе и в хле-

боуборке. Первыми гостями всегда были. Ох, и певунья же твоя бабушка была. Бывало, как запоёт, так народ сбегался её послушать. Голос её и матери твоей передался. И тебя Бог не обидел.

Деда твоего в молодом возрасте убили на войне. Ему и двадцати пяти не было. А бабушка твоя на два года моложе его. И осталась она в этом возрасте вдовой с пятилетней дочкой на руках. Долго, ох долго носила она траурный платок. Многие мужики к ней сватались, а она всем отказала. Сильная у них любовь была с твоим дедом. Родители его восхищались её стойкостью и трудолюбием. Всё у них ладилось в семье. Запела первый раз после смерти мужа лет, пожалуй, через пять на свадьбе каких-то родственников. Всколыхнула она своим голосом не только гостей на свадьбе, но и других станичников. Свадьбу же справляли после Покрова, да и Дон в это время уже стоял. И вот по этой шире летела песня, как выпущенная из клетки птица. И объединилось в этой песне: красота и чистота звучания с силой души молодой еще женщины. До сих пор, Машенька, слышу я то пение.

С малых лет подпевала ей и твоя мама. А в более старшем возрасте пели уже в два голоса, умело украшая слова разными прибаутками. На семейном совете решили отправить твою маму в большой город Москву на обучение пению. Только не суждено было этому сбыться. Умерли старики друг за другом. И осталась твоя бабушка одна с мамой твоей в большом доме с большим хозяйством. Как ни старалась она, и как бы мы ей ни помогали, хозяйство рушилось. Без мужской помощи – ну никак.

Вот тут-то и нагрязнула на вашу семью беда в облике мичмана Черноморского флота, прибывшего в гости к своим родственникам.

- Бабушка! А почему бедой?

- Бедоносцем оказался для твоей бабушки этот морской офицер. А фамилия у него была самая мирная – Доброхотов.

- А как они познакомились?

- Дело, в общем-то, житейское. Ранним утром спустилась покойница к Дону за водицей, а там на зорьке купался этот морячок. Помог бедолаге ведро с водой донести до дома, да и подзадержался около красавицы-вдовушки. Ох, и прилипчивым он был. Каждый день приходил к бабушке твоей. То с букетом цветов, то с кульком конфет. И все дольше и дольше старался остаться на подворье: то ограду подправит, то крышу подлатает.

Вначале сторонилась его покойница, но постепенно увидела в нем мужчину-хозяина, чего ей столько лет не доставало. Изъяснялся он с ней, переплетая речь свою мудреными флотскими терминами, постоянно подчёркивая свою морскую удаль: то в борьбе со штормом в открытом море, то в морском сражении. Своему языку учил он и твою бабушку. Показывая на жбан, говорил:

- Это называется «анкерок» – небольшой деревянный бочонок в два-три ведра питьевой воды для спасательных шлюпок. А сиденье в лодке называется – банка.

Между нашими подворьями ограда отсутствовала, и мы слышали всё, о чём там говорили. С тех пор запомнились мне уроки морского языка.

- «Гак» – железный крюк для подъёма грузов, подвешивания шлюпок.

- «Бак» – надстройка в носовой части судна.

- «Брамсель» – третий снизу парус на мачте.

- «Бункер» – место на судне для хранения запасов.

- «Гальюн» – уборная.

- «Дрейфовать» – двигаться без помощи или от ветра, или по течению.

- «Конец» – это веревка.

- «Камбуз» – кухня.
- «Крен» – наклон судна на борт.
- «Морская миля» - это 1852 м расстояния.
- «Пирс» – портовое сооружение для причаливания судов.

- «Фут» – измерение в 12 дюймов.

Разумеется, доченька, я теперь уже и позабыла многое, но то, что этими терминами и бравадой тронул он сердце твоей бабушки, – это точно.

Однажды он со двора не ушёл.

- Бабушка! Они поженились?

- Нет, Машенька. Жил он на правах «примака»

- Любили они, наверное, друг друга?

- Возможно, и любили. Может быть, и нет. Но то, что живот у нее округлился – я видела сама. Было ей в это время уже лет тридцать с гаком, а матери твоей – четырнадцать годков.

- А в чём беда-то?

- Запил морячок. Сильно запил. Затем и вовсе исчез. Больше его в станице никто не видел.

- А как же бабушка?

- Передала она, как-то утром хозяйство и дочку нам на догляд дня на три, и исчезла. Вернулась к вечеру в субботу, а мы ее с трудом признали. Красавица-певунья предстала перед нами страшнее смерти: лицо жёлтое, глаза ввалились, сама за живот держится.

- А что случилось?

- Глупенькая ты ещё, Маша. Догадалась?

- Нет.

- Ребёнка она у знахарки ковырнула. Вот и изошла кровью. Хорошо хоть живой осталась. Неделю лёжкой лежала. Хорошо, что дочь уже смышлёная, да мы от неё не отходили. Отпоили её травами, мёдом, да куриным бульоном.

- А что дальше?

- То ли от стыда и молвы людской, а может по своему разумению, но распродала она скорёхонько хозяйство и с дочкой уехала.

- Куда?

- Долго мы о ней ничего не слышали. Где-то через год-полтора, узнали, что в верховьях Волги пристроилась она служанкой в дворянское имение.

- Бабушка Агриппина! Бабушка моя разве к вам больше не приезжала?

- Приезжала, голубушка! Приезжала! И мамка твоя ко мне приезжала. Все побывали. Но это отдельный разговор, Маша!

Дня через два, когда Маша вывела во двор на солнышко слепого бабушкина внука Романа, старушка продолжила рассказ:

- После того, как убежал от твоей бабушки приблудный мичман, добралась она ближе к Самаре в имение отставного генерала Курбанова Петра Наумовича, что в селе Елисейское. Целый год трудилась в этом поместье на разных работах от зари до зари. Дочку на обучение пристроила, да и сама за свои старания имела «собственный угол».

- Бабушка! Откуда вы это всё знаете? - заинтересованно спросила Маша.

- Так она же с мамкой твоей к нам наведалась. Приехала как-то ранней весной. Подкатила на карете. Вся разряженная, дебелая. Дочка уже невеста. Красавицей выросла – на загляденье. Подарков разных привезла. Даже две бутылки загранично вина на стол выставила.

- Откуда всё это? - опять не сдержалась Маша.

- А ты послушай, послушай! В первый день откровенного разговора при детях не получилось. На второй день ушли мы с ней на берег Дона, и там она всё и выложила. Рассказ её, со слезами на глазах, я запомнила слово в слово:

- Помыкалась я с дочкой на разных работах по сёлам, пока не добралась до имения генерала Курбанова. Село Елисейское расположено в десяти верстах от Самары в красивейшем месте на берегу Волги. Сам-то хозяин жил в Москве, а заправлял здесь на месте всеми делами его староста Кузьма Ильич Строгов. Он-то меня и приютил. Флигель нам с дочкой выделил. А имение это было выделено генералу за особые воинские отличия после 25-летней службы, как награждённому орденом Святой Анны первой степени. По этому же царскому указу выделялась пожизненная пенсия и 200 душ крестьян. Всё это подлежало передаче по наследству. Жена генеральская умерла, а единственного сына отправил он в Париж. В имение своё навещался редко, но чаще всего с гостями.

Однажды осенью, во время уборки хлеба, объезжал он своё имение и услышал моё пение.

- Кто это, Кузьма, так красиво поёт? - спросил он старосту.

- Так это наш соловей – Палаша Маслова.

- Приведи её к вечеру! Хочу рассмотреть. Уж очень голос хорошо поставлен.

В этот же день привёл меня староста к генералу на смотрины. Стою я перед ним, робею. А он, увидев меня, долго рассматривал и, наконец, произнёс:

- Определите, Кузьма Ильич, Маслову ко мне в имение горничной и выделите жильё. К субботе истопите баню! Говорит он это, а у старосты по лицу тень пробежала. Не поняла я этого тогда.

Два дня приводила в порядок свои две комнаты, примеряла принесённые сарафаны, платья, передники и забыла на какое-то время изменение в лице старосты. Напомнил мне он о себе в пятницу вечером. Заявил, как отрубил:

- Завтра банный день. Пойдёшь мыть барина. Выполнять будешь все его желания!

- Как все? - только и проямлила я.

- А вот так! Все, и баста! Не выполнишь – выкинут с дочкой на улицу! Куда пойдешь? Подумай, Палаша! Чай, не девочка!

Собрала я в субботу бельё, полотенца для генерала, накрыла в предбаннике стол с напитками и фруктами. Сижу. Жду. Хозяин заявился, наверное, через час и тут же начал разоблачаться догола. Сижу я, а сама не знаю, куда глаза деть. Слышу:

- А ты почему ещё в одежде? Раздевайся совсем и в баню!

Слёзы от стыда набежали, да только всплыли напутственные слова старосты: «Куда пойдешь, Палаша?»

С тех пор, Агриппинушка, стала я телесной служанкой барина в бане и в постели.

Мужик он оказался добрый, ласковый. Денег на меня и на дочку не жалел. Так вот в грехе и живу, в грехе и умру. Помолчала, собираясь с духом, и выдала:

- А я ведь, Агриппинушка, скоро умру. Точит меня хворь изнутри после того аборта. Кровью исхожу. А то, что лицом румяна, - так это всё пудра да краски. Даже господин мой на болезнь мою обратил внимание. Только вот опять он уехал в Москву, а я к тебе с сердечной просьбой.

Стоит она передо мной, плачет и выжимает из себя:

- Доченьку мою спаси. Денег дам, золото, какое есть, только сохрани, голубушка!

Дала я ей эту клятву. Трижды перекрестилась и поцеловала нательный крестик.

Через два дня мы расстались, обменявшись адресами, и целый год изредка переписывались.

- Бабушка! А как же моя мама жила в это время?

- О Любашеньке – твоей маме, разговор не этого дня.

- Почему?

- Вначале нужно рассказать тебе, как мы оказались в Сибири.

- И как? - превратившись в слух, спросила Маша.

- История, вообще-то, до одури проста. Муж мой – Афанасий по пьяни убил односельчанина кулаком в лоб. Собственно не убил сразу, а сбил его с ног. Ударился тот головой о скобу на крыльце и черепушку себе расколот. Умер он, не приходя в сознание. После похорон моего Афоню заарестовали и осудили. Дали семь лет. Выслали в Сибирь. Осталась я одна с двумя детьми без мужской помощи. Через три месяца получила я от муженька весточку с указанием адреса. Продала скорёхонько за бесценок всё хозяйство, и к нему. И не жалею. Здесь такие же казаки семейные и общие уклады, как и на Дону.

В этой станице за два года похоронила я пять человек. Вначале от простуды умер Афонюшка. Не успела снять траурный платок с головы, как погибли на войне с немцами сыновья-погодки Пашенька и Гена. Через полгода повесилась сноха Катюша, не выдержав разлуки с Геней. А жена Паши – Клавдия ушла в тайгу за ягодой и не вернулась, оставив теперь мне слепого Ромочку.

Я ведь, Маша, скоро умру и оставлю на твоё попечение своего внука. Если даже выйдешь замуж, не бросай его. Погибнет он без тебя!

Завтра же расскажу тебе всё о твоей маме. Она в последние годы жизни была со мной особенно откровенна.

...Сколько лет уже прошло после похорон бабушки Агриппины, сама вышла замуж за её внука Романа, сына родила, а её рассказ о маме Маша слышит до сих пор:

- Всё, что я тебе расскажу о маме, поведала она мне сама. Слушай:

Заметила твоя бабушка, что хозяин стал её сторониться из-за болезненного вида. Реже стал с ней по субботам мыться в бане, а в постель вообще перестал брать. Заволно-

валась. Опять вспомнила слова старосты: «Куда пойдешь, Палаша?» Совсем худо ей стало в пятницу ночью. Лёжкой слегла. А барина мыть нужно. Вот и решилась она на отчаянный шаг – послать вместо себя дочку. Рассказала ей подробно весь банный ритуал и крепко-накрепко наказала: «Только не раздевайся догола, будь в ночнушке, только не оголяйся!»

Когда Любаша пришла с бельём и с угощением в баню – генерал был уже там. Похоже было, что он уже успел опробовать парилку и окунуться. В его поведении ничего дурного не было. Сидел он за столиком, набросив на тело полотенце, и пил маленькими глотками светлое вино. Никаких намёков и телодвижений относительно покушения на девичью честь не проявлял. Всего то и спросил:

- Вместо мамы пришла?

- Да, - смущаясь, прошептала Люба.

Подумал, окидывая её оценивающим взглядом, и предложил:

- Давайте, мадемуазель Люба, выпьем для знакомства по бокалу доброго вина.

Разлил вино и дождавшись, когда бокал опустошила Люба, выпил сам и, прикрывшись полотенцем, шагнул в чрево бани.

Любашина голова от выпитого пошла кругом, и наступило какое-то расслабление. Быстро сняла одежду и в ночной рубашке зашла вовнутрь. Генерал сидел на широкой скамье и с усердием мыл голову. Его низ по-прежнему был накрыт полотенцем.

- Потри мне спинку, несмышлёныш! - приказал генерал.

Люба старалась всё делать проворно, но прилипшая к телу рубашка сковывала движения.

- Сними одежонку-то! - назидательно порекомендовал хозяин.

- Как? - невпопад спросила она.

- Сейчас помогу.

Люба и сообразить ничего не успела, как её сорочка сзади оказалась подолом на голове, а сама она очутилась между ног генерала. Сильные мужские руки наклонили её вперёд, и острая боль от проникающего в её нутро мужского естества заставила вскрикнуть и заплакать.

- Не плачь, Люба! Заживешь лучше мамки своей! А теперь пойдем в спальню, - увещевал генерал.

С этого дня заменила Любаша во всём свою мать, то есть твою бабушку.

Через три дня после этого умерла Палаша. Через двадцать дней после похорон матери забрал её к себе генерал, и стала она полноправной хозяйкой имения. Ох, и баловал же её стареющий генерал. Даже поездки в Москву прекратил. А если уж вырывался туда, то только за покупками для любимой своей наложницы. Крепко он её полюбил. А она отвечала ему лаской и вниманием. Генерал для Любы даже учителей нанял учить грамоте и языкам.

Есть старая пословица: «Человек полагает, а Бог располагает».

Случилось оно и здесь. Года через три их совместного проживания генерал занедужил. Сказались фронтные раны. Лекари существенно помочь не могли, а только снимали остроту боли.

Люба была уже на шестом месяце беременности. Бывало, присядет тихонечко у изголовья больного и всхлипывает. А он, превозмогая боль, коснётся живота и просит: «Сына назови моим именем. А за всё – прости. Полюбил я тебя! Полюбил!»

...Тело покойного генерала отвезли в Москву и там с воинским ритуалом похоронили на кладбище Донского монастыря. Люба из-за беременности на похороны не поехала.

К этому времени она мой сибирский адрес уже знала. Рассказала она мне, что через полгода приехал в имение адвокат и представитель военного ведомства для описи всего генеральского имущества с целью передачи по наследству его сыну. Маму твою с малой дочкой попросили удалиться.

Собрала Любонька кое-какие свои вещи, сбережения да и прибыла сюда. Купила сразу дом, где ты живёшь, отремонтировала, и зажили вы вдвоём своей судьбой. Так что ты, Маша, дочь российского генерала Курбанова. Это и сгубило твою маму. Скрыла я от тебя, Маша, истину смерти твоей мамы. Она тебя своей смертью спасла!

- Меня? Смертью? - плача, спросила Маша.

- Да! Это так! - дрожащим голосом заявила бабушка и продолжила. - После Гражданской войны и всех кровавых смут чекисты начали вылавливать князей, помещиков, офицеров и расстреливать их, а домочадцев – упекать в тюрьму. В самый разгар этого безумия, боясь разоблачения твоего генеральского происхождения, во имя твоей жизни, решила она на собственную смерть. Однажды, ранним утром, поцеловала тебя спящую и ушла на реку... Тело её выловили через три дня вниз по течению. Хоронили всем селом. Любили её станичники. Такова правда, милая моя девочка! А тебе жить, да жить, - плача, закончила свой рассказ старушка.

... Не заладилась семейная жизнь Маши. Особенно это стало заметно, когда мужа Романа назначили председателем сельисполкома. Народная мудрость гласит: «Если хочешь проверить человека, то дай ему власть в руки». Маша в книжке вычитала и запомнила ещё одно выражение: «Власть делает великого человека более великим, а ничтожного – ещё более ничтожным».

В первые годы своей замужней жизни с Романом видела Маша со стороны мужа сочувствие, помощь в делах. Она даже пыталась на этом фоне убедить себя, что любит

его, а он её. Усилилось это мнение особенно после рождения сына. Однако последующие годы жизни изо дня в день подтачивали её уверенность. Муж стал попивать. В пьяном угаре покрикивал на неё и начал ревновать. Закралась в его «дурную голову» мысль, что жена-красавица имеет мужа «на стороне». А после его избрания председателем выпивка и ревность усилились. Если Маша была к нему невнимательна – это, по его мнению, было потому, что она любит другого, и ей до мужа нет дела. Если же она ласкова с ним – значит, она старается задобрить его, чтобы он ничего не заметил. И превратилась Маша размеренная, спокойная жизнь в самый настоящий ад. С «гнильцом» оказался Роман. И откуда у него это? Всё это не один раз прокручивала в голове Маша, но ответа не находила. Несколько успокоилась, когда её назначили бригадиром овощеводческой бригады колхоза. Вот сюда-то она и уходила от всех своих семейных неурядиц. А труд работниц тяжёлый.

Овощеводство начинается с парников. Парники были расположены в пойме спокойной реки. Были вырыты не широкие ямы, которые огородили в размер оконной рамы. В эти ямы ежегодно набивали навоз и сверху засыпали землей. Навоз прел, выделяя тепло, а оно подогревало землю. Вот таким весьма примитивным способом выращивали к высадке в поле рассаду, а на освободившемся месте выращивали огурцы. И назвалось это «рамооборот». Вся работа ручная.

В труде и в общих заботах забывалась Маша, благо, что сыночек Николка был с ней. Мужа она практически не видела: то пьяный спит, то вообще дома не ночует.

Семейная лодка тонула. Расставание было неминуемо. На очередном отчётно-выборном колхозном собрании избрали Марию Петровну Маслову в члены правления колхоза «Красный партизан», а председателем колхоза единогласно избрали агронома – Нефёдова Николая Степановича.

Досужие бабёнки поговаривали, что родом он из села Сибирка, а брат его – председатель колхоза. До службы в армии окончил агрономический техникум и работал под началом брата. Два года тому назад, по решению Облисполкома, направили его в этот колхоз. А ещё они говорили, что он не женат и не был женат. «У него, наверное, не всё в порядке по мужской части», - хихикали более разбитные товарки. А тепличница Ольга Гераськина, под общий смех работников, внесла предложение:

- Надо дать поручение нашему бригадиру Марье Петровне проверить на этот предмет нашего председателя. Член правления должен знать все сильные места нашего красивого председателя! - хохоча, закончила она.

- А вот и проверю!. - краснея, парировала Маша и тут же отошла в сторону. Следом раздался такой хохот, что даже дремавшая рядом собака вскочила.

Маша и раньше замечала за собой, что иногда внутри неё просыпаются черти и толкают её на действия.

Задержалась как-то после заседания правления в кабинете председателя и, оставшись один на один, без всяких предисловий, задала чертовский вопрос:

- Вы почему, Николай Степанович, до сих пор не женаты? Неужто никого не любили?

- Нет, Маша, не любил. А вот на тебе бы женился.

- Замужняя я, Николай Степанович.

- Да знаю я твоего алкаша! - выпалил он и ушёл.

Долго шла в этот вечер к своему дому бригадирша, коря себя за сделанное. Корила себя за слова и за то, что давно уже приглядывалась к председателю. И чем больше и ближе видела его в деле, тем тревожней билось сердце. Никто её этому не учил, но внутренний голос подсказывал, что настойчивому человеку удаётся многое из того, что другому недоступно. Председатель был таким. Был он ещё предельно деловым: пустых слов не говорил, выступления были

краткими и деловыми. Разговаривая с колхозниками, никогда глаза в сторону не отводил и поверх головы не смотрел. А глаза карие с синей поволокой – заглядеться можно.

Что бы ни делала по дому Маша, или на работе – мысли всё чаще и чаще возвращаются к председателю: вот он идет, вот говорит, вот ласково смотрит на неё, ища уединений. Боже, во сне стала его видеть. «Влюбилась ты, Машенька, в этого красавца – Николая. Втюрилась по самые уши и до близости осталось несколько шагов» - диктовал ей здравый разум.

Цепляется день за день, месяц за месяц, проскочил целый год. Колхоз рассчитался с объёмом хлебосдачи натуральными поставками, засыпал семена и остатки зерна выдал работникам на трудодни. Завеселели селяне, поспешили на мельницу и на базар. В новых покупках защеголяли по селу бабы и мужики. Всем хорошо, кроме председателя Нефёдова. Вторую неделю не видит он Машу Маслову. Ох, как видеть-то хочется, поговорить, душу хотя бы этим успокоить. Не признаётся себе Николай Степанович, что влюбился и от этого мучается. Домой к ней пошёл бы, да вот муженька её с работы за пьянство сняли, а где он – никто не знает.

Не выдержал председатель своего неведения. Среди бела дня постучался в дверь. Получив разрешение, вошёл. Стоит перед ним в новом сарафане стройная, красивая женщина с чайником в руках и от растерянности льёт кипяток на половичок у стола. От этого видения пошла председательская голова «набекрень». Забрал чайник, поставил на стол и жадно припал к губам. Она не оттолкнула, не возмутилась, а наоборот, уткнулась лицом ему в грудь и заплакала. Разжали объятия от детского голоса из горницы:

- Мама, а кто к нам пришёл?

- Это, Петенька, наш любимый председатель Николай Степанович.

- А зачем?

- Решил тебя и меня попроведовать, да за лекарством на станцию сбегать.

- Ой, как хорошо!

- Давай список на лекарства, Машенька! Я мигом привезу, вновь целуя Машу, проговорил председатель.

- Я буду ждать. Приходи обязательно, миленький мой, - у порога прошептала ему на ухо Маша и подтолкнула на выход.

...Уже и за окном засерело, а долгожданного всё нет. Борщ наваристый в печи стоит-томится, пироги на столе рушником прикрыты, огурчики с грибочками солёные разложены, а его всё нет и нет. Дважды на улицу выбегала посмотреть – безрезультатно. Переложила сына спать на тёплую печь и, усталая, присела у окна. Вроде даже задремала.

Встрепенулась от стука копыт лошади и скрипа полозьев кошевы. Зашёл председатель без стука в дом, весь запорошенный, вспотевший. Поднял на руки Машу, нежно-нежно поцеловал и давай вынимать из принесённой корзины покупки: разные: лекарства, пряники, конфеты, сельтерскую воду, вафли, мяч и красивый цыганский платок, а из кармана шубы достал бутылку красного грузинского вина. Выложил всё и говорит:

- Сегодня день моего сватовства и начало нашей совместной жизни. Ты с этим согласна. Маша?

- Согласна я! Давно согласна, миленький мой!

...Счастливой была эта ночь для двух истосковавшихся сердец.

...Маша проснулась в это утро немного позже обычного. Во всём теле ощущала она особую усталость и истому. Улыбнулась произошедшему и повернулась в сторону Николая. Повернулась..., а его нет. Почти голышом выбежала из горенки и увидела на столе записку.

«Маша! Любовь моя долгожданная! Я на работе. Буду к обеду!

Целую. Николай».

Что она бы в это утро ни делала – улыбка с лица не сходила. А когда дала сыну лекарство, и он облегчённо уснул – запела. Давно не звучала в этом доме песня-радость, песня-счастье.

Николай пришёл в обед с чемоданом и двумя увязками книг.

- Принимай мужа, Маша, со всеми его пожитками - начал он с порога, но увидев у неё на глазах слёзы, растерялся.

- По какому поводу слёзы, жена?

- От счастья, муженёк, - в тон ему ответила Маша и, целуя, повисла на шее.

...Вот уже три года минуло, как создалась председательская семья. Не было такого дня, чтобы Николай не обнял и не поцеловал свою Машу. А она ему в ответ родила дочку. Назвали в честь бабушки Любой. Не ведали родители, что по всей стране пройдёт чёрная политическая туча. Накрыла она и колхоз «Красный партизан», прихватив и председателя.

Как бы ни крутился Николай по колхозным делам, как бы ни пропадал на работе, как бы ни старались колхозники – результат всё хуже и хуже. В этом году только по 200 граммов хлеба выдали на трудодень. И это при самом высоком урожае в районе.

Непомерно высокими были планы хлебосдачи государству. Вот Николай и высказал всё, что думал, на одном из совещаний. В зале наступила мертвая тишина, когда он в заключение своего выступления заявил:

- Если всё, что совершается с нами – политика государства, то она преступна!

Первым среагировал секретарь райкома партии. Побагровев лицом, шипяще выдавил злобно:

- Вы против линии партии, Нефёдов?

- Нет! Я за разумную политику! - парировал он.

С совещания расходились молча. Заметил Николай, что даже коллеги – председатели, старались обходить его стороной, а кто был согласен с его выступлением – незаметно жали руку.

В стране Победы Октября система репрессий в это время не приобрела ещё крупномасштабности, кроме казачества и кулаков. Не все ещё понимали, что домоклов меч завис над крестьянами. А те, кто понимал это, – прятались за Решениями, Постановлениями. Ещё в это время существовал барьер – членство ВКП(б). Для ареста и суда этого членства не должно было быть.

Вызов председателя колхоза «Красный партизан» на бюро райкома для Николая был неожиданным. Забежал утречком домой и выпалил:

- Маша! Жена моя ненаглядная! Сегодня меня, скорее всего, исключат из партии. После этого – арест. Срочно собирай необходимые вещи и сегодня же без меня, или со мной, отправляйся в Сибирь, под крыло моего брата. Машенька, делай всё быстро, без шума. Если к вечеру я не вернусь, то это означает – арестован лет эдак на 5-10. Ты должна этой же ночью исчезнуть!

Прощай, радость моя, жёнушка ненаглядная! Прощай! Жди, жди, жди!

Обнял Машу, долго-долго целовал, расцеловал детей и ушёл.

Заседание Бюро райкома партии началось ровно в десять часов. Повестка: «Об антипартийной деятельности члена ВКП(б) Нефёдова Николая Степановича, председателя колхоза «Красный партизан».

Всё, о чём говорил докладчик: о негативных явлениях в производстве колхоза, о партийной близорукости председателя - Николай предвидел и без этого. Знал он и причины порождения такого. Всё это пропускал он мимо внимания. Осталась в памяти заключительная фраза: «Соответствует ли член ВКП(б) Нефёдов этому членству?».

Наступила длительная пауза.

- Слово по данному вопросу предоставляется Первому секретарю райкома товарищу Неклюдову Борису Вельяминовичу – объявил второй секретарь

- Нам известно, что Вы, Нефёдов, сожительствуете с бригадиром Масловой. Это так?

- Почему сожительствую? Это моя жена! У нас ребёнок и ещё один от её первого брака.

- Но она дочь царского генерала!

- Разве мало царских генералов и офицеров было в Красной Армии в Гражданскую? Причём здесь дочь царского генерала?

- Не спешите, Нефёдов! Нам, по запросу в МГБ, стало известно, что Вы лично неоднократно общались с белогвардейскими офицерами и были с ними в родстве! Это так?

- Нет! Это не совсем так! До 25-го года в нашем селе вообще не было никакой власти. Жили мы общиной по законам наших предков – трудиться. Разные людишки к нам прибивались, но мы их кормили и выпроваживали. А кто это: красный, белый – всё едино. Это – человек!

- Вы на Пленуме нашей партии высказались против государственной и партийной линии колхозного строя. Это так?

- Я говорил о глупостях, о подмене руководства колхозами со стороны партийных и исполнительных органов.

- Вы реакционер?

- В вопросах сельского колхозного устройства – да!

- Что можете ещё сказать в своё оправдание?

- Я знаю, что за мою правду, меня привлекут к ответственности против всякой логики происходящего! Напоследок скажу: колхозники превращены в рабов нашего государства! С этим мнением я готов выдержать любое наказание.

...Нефёдова Николая Степановича ... беспартийного, бывшего председателя колхоза «Красный партизан», арестовали на выходе из здания Районного Комитета ВКП(б).

*Докопаться до истины никогда не поздно.
Агата Кристи*

*Бедствие дает повод к мужеству.
Сенека (Младший)*

Глава вторая

КОПЬЕ СУДЕБ

1.

Третью неделю ночами трудится Иосиф Виссарионович Сталин над гранками своей книги: «Вопросы Ленинизма». Хотя и составлена она была из отредактированных его выступлений по разным вопросам хозяйственного и партийного строительства СССР, главное – ни в одной строке не утерять связующую нить действий Ленин-Сталин. Он должен для всех выглядеть продолжателем идей Ленина. Там, где он видел слабость своей аргументации, вписывал выражения Ленина, или ссылаясь на его слова, вырывая их из любой его публикации.

Еще на заре своей деятельности с большевиками, после близкого знакомства с Лениным, Сталин (Коба) на всю жизнь принял решение быть вблизи вождя революции, делать все для него, прикрываясь его именем. Однако все это в осуществлении было немного сложнее, чем он думал. Под «крыло» Ленина и его партии устремились другие, а его просто «оттирали». Своенравный, зачастую жестокий, характер горца не позволял ему с этим мириться. В тюрьме, в ссылках, при побегах – выработал он стройную систему

своих действий. В её основу было заложено: всяческое одобрение мыслей Вождя, защита идей Ленина (иногда для многих абсурдных) от нападков со стороны партийцев и демонстративная забота о здоровье Ильича. Постепенно, таким образом, он приблизился к Ленину и зачастую получал от него личные задания. Знал Сталин за собой еще одно умение – умение играть на психике людей и незаметно стравливать их. Это умение оттачивал он в тюрьмах и в подполье. Навык пригодился теперь.

Многие разделы текста Сталин прочитывал вслух и, если чувствовал «слабое место», тут же подыскивал ленинское подтверждение. Этих «слабых мест» в его теории и действиях было предостаточно. Но из всех их, он осознавал три главных: коллективизация и борьба с кулачеством; невероятно высокие задачи по промышленному строительству за счет крестьянства; усиление сопротивления по мере победы идей большевизма. Именно по этим вопросам среди членов Центрального Комитета шли наиболее жаркие дискуссии. Несогласных было много. Их нужно было ему победить. А чтобы победить – нужно расчлнить их и показать (доказать) всем их непонимание учения Ленина. Но Ленина нет. Нет его «убийственной» логики убеждения, нет его авторитета в партии.

Сталин, размышляя, встал из-за стола, раскурил свою трубку и медленно прошелся по мягкой ковровой дорожке кабинета, выбрасывая, вместо слов небольшие клубочки ароматного дыма. Успокоился и вновь скрупулезно начал вчитываться в текст:

...Иные думают, что основное в ленинизме – крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Это совершенно неверно!..

...Главное в ленинизме состоит в вопросе о диктатуре пролетариата, в разработке этого вопроса, в обосновании и конкретизации этого вопроса...

На этом месте Сталин задумался и дописал: «Правилен ли тезис Ленина о том, что диктатура пролетариата является «коренным содержанием революции»? Безусловно, правилен! Правилен ли тезис о том, что ленинизм есть теория и практика пролетарской революции? Я думаю, что правилен!..

...Слов нет, - Ленин был знатоком крестьянского вопроса. Слов нет, - крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата, ...является составной частью основного вопроса о диктатуре пролетариата...

На полях текста Сталин написал: «Мы имеем врагов внутренних, мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать ни на одну минуту». Ему виделись средства борьбы в уничтожении врагов, среди которых на первом месте стояли кулаки. «А всех моих критиканов типа Бухарина, Зиновьева, Каменева, я сумею переубедить или подчинить. Возможно, уничтожить», - подумал Сталин и продолжил мысленно развивать методы осуществления задуманного: «Вначале необходимо убрать с политической арены нашей партии Троцкого – основного горлопана и раскольника. Убрать не просто так, а всем партийцам показать, что он не одинок, и что это целое явление враждебного отношения к курсу строительства социализма. Затем усилить органы ГПУ. Перейти постепенно к объединению Центрального Комитета партии и Центрального Исполнительного Комитета съезда Советов воедино и сосредоточить власть в одном органе – в Политбюро. Таким образом, появится возможность: лиц, враждебных партии, отнести к враждебности государству.

Ещё раз внимательно прочитал текст и сделал памятку: «Разработать теорию классового сдвига и на этой основе разгромить всех моих оппонентов. Внушить всем о необхо-

димости «чистки» партии. Заклеймить через выступления масс всех оппозиционеров».

Читая текст своего изложения, Сталин вносил исправления и добавления в сторону насильственной экспроприации в отношении крестьян, помня, что в этом его поддерживали соратники: Молотов, Каганович, Орджоникидзе, Куйбышев, Микоян, Ворошилов, Буденный, Андреев. Практически, через каждый абзац любого текста не забывал он о враждебности к социалистическому строю окопавшихся повсюду «врагов» и «недобитков», к которым необходимо применять самые жесткие меры.

Все выпады против него, Сталин принимал, как враждебные и делал все, чтобы убрать говорунов со своего пути. Он был уверен, что именно он является лидера партии и государства.

...Ночная Москва не могла уснуть, только притаилась ненадолго, поблескивая цепочками уличных фонарей. В кабинете Сталина горит настольная лампа. Он один и мысли его развернуты в самого себя: «Я выбрал борьбу и доведу ее до победы. Я к этому пришел не сам, меня привел народ, мои партийцы. Я не скрываю, что не люблю инакомыслие и неподчинение моей воле. Вы – мое окружение. Согласились быть под моей рукой – шагайте за мной. А всё потому, что я изначально раскусил вас, увидел то, чего вы сами стыдились всегда, боялись и таили в себе. Каждый из вас думает о власти и когда заполучит её – превращается в местного князька своей вотчины. Но вы внизу, а я – сверху, над вами. По своему усмотрению расставляю и меняю вас. Вы даже не можете понять, что делаю я это «по мнению народа», через прессу и письма мне. Я не пришиваю сразу ярлык антипартийца. Вначале я прячу человека за назначение в другое место, на другой пост, и только затем отдаю в руки НКВД.

Я покажу всему миру, как можно, умело управляя, создать могущественную империю, при упоминании которой

будут дрожать не только дипломаты, но и правители. Вот и выходит, что мы все повязаны. И у нас есть общая тайна. Но ваша тайна заканчивается там, где начинается моя. Никогда вам не удастся сразу понять мои слова и поступки в достижении моей цели. А тот, кто приблизится к этому понятию, или начинает возражать мне – исчезнет, опозоренным, навсегда. Но если даже вы приблизитесь к выигрышу, то будете стоять уже перед фактом свершившегося. Я добьюсь того, что от одного моего имени дрожь возьмёт миллионы людей, и миллионы пойдут за мной с моим именем туда, куда я их направлю. Вера в меня и страх послушаться, заставит всех действовать по моей указке. А Компартия – это теперь моя партия и до конца моей жизни будет моей. Я буду диктовать правила действий членов Коминтерна в других странах. А если этого они не захотят – уберу».

...В очередной раз просыпается Москва, постепенно гася освещение своих улиц под возрастающий шум.

Сталин ехал на отдых домой в Кунцево, думая о результатах голосования по новому составу Центрального комитета, когда против него проголосовали 270 человек. Правда, Каганович быстро среагировал и заменил бюллетени на положительный расклад, но вызов ему был брошен. «Не важно, как голосуют, а важно – кто считает», – вслух произнес он. Вызов ему был сделан и он его принял. Насторожился при мысли: «Где я допустил ошибку? У меня ошибок не должно быть! Не идет ли это с Закавказья? Может – от военных? Или от старых большевиков-ленинцев? Нужны срочные меры изоляции многих, кто кода-то был со мной в контакте!».

Немного успокоился, вспомнив статью Максима Горького: «Если враг не сдается – его уничтожают». Горького любили, его читали. Он был для многих писателем-трибуном. Как хорошо, что он подтвердил мои мысли и действия? Начинать нужно с военных! Необходимо «суди-

лице» провести под лозунгами борьбы с троцкизмом в армии. А начать нужно с Михаила Тухачевского!

Тухачевский – личность особая. Он всегда рядом с Якиром и Уборевичем. Он наверняка обвиняет меня, что не дал согласия командарму Егорову объединить с ним войска в единый фронт при нападении на Варшаву. В результате – полное поражение. Ленин, правда, попытался учинить спрос, да мы сумели отвлечь его на другие дела. Это его – Тухачевского, в стране и за рубежом называют: «военный гений революции», «красный Бонапарт». Но, рыльце-то у него в пушку! Достаточно вспомнить, как он расстреливал матросов восставшего Кронштадта, как газом травил крестьян Антоновского мятежа. Но его «в лоб» не взять. Здесь надо действовать через его окружение. Нужно почаще посылать его за границу и найти серьезные промахи в его речах и в действиях. Пожалуй, Ягода с этим справится».

Следующий день начался с вызова министра иностранных дел Литвинова. Без лишних обсуждений порекомендовал ему включить Тухачевского в комиссию по похоронам английского короля Георга. Заодно поручить Тухачевскому участие по совместным переговорам в Париже и выехать затем в Германию. Там и там «прощупать» пути военного союза, а в Германии проверить действия Гитлера относительно военных вторжений в страны Запада и Востока. Недаром же Гитлер порвал с Лигой Наций!

Сталин из донесений внешней разведки знал, что его действия, методы работы с кадрами и черты характера, особенно нетерпимость и мстительность, давно известны руководителям других государств. Знал он и то, что в большинстве государств ведутся досье на военачальников Красной Армии. В этом перечне интересов служб разведки лидировал «пробивной», думающий заместитель наркома обороны Тухачевский.

Его опасались. Опасался его и Сталин. И когда интересы гестапо Германии совпали с желанием Сталина, ему «доставили» в начале 1937 года «письмо» Тухачевского к своим друзьям в Германию, в котором он излагал схему государственного переворота. Гитлеровцы скопировали не только почерк Тухачевского, но и его стиль изложения. На письме стоял штамп Абвера «Совершенно секретно» и резолюция Гитлера: «Проанализировать слежку за «друзьями» – офицерами в Германии». Тщательно продуманным путём попало это письмо в руки Сталина. Была симулирована кража «досье» Тухачевского из здания Абвера во время пожара агентами чехословацкой разведки. В подтверждение к этому президент Чехословакии Бенеш через посольство сообщил Сталину, что с Гитлером ведут переговоры Тухачевский, Рыков о его свержении. Для безжалостного Сталина все это стало «точкой отсчета мести». Но Сталин был бы не Сталиным, если бы не продумал все по мелочам. Ему нужно «осуждение» народа и самих военных в действиях «врагов народа».

Для этого он вначале под наркома НКВД Генриха Ягода «подготовил» карлика Ежова с полномочиями контроля за деятельностью НКВД. Это он – Николай Ежов, выложил на стол Сталину схемы родственных и служебных отношений всех военачальников, начиная со дня рождения. По этим документам выходило, что все они «троцкисты», либо друзья или родственники их. Любого можно было в этом обвинить! Но Сталину нужна была военно-троцкистская организация!

За последнее время Сталин принимал Ягоду только в присутствии Ежова. Но Нарком умел угадывать скрытое желание Вождя. И летит во все концы страны его оперативная директива: «Основной задачей наших органов на сегодня является немедленное выявление и полнейший разгром до конца всех троцкистских сил, их организационных цен-

тров и связей, выявление, разоблачение и репрессирование всех троцкистов-двурушников».

Заспешили в Москву порученцы с мест, везя протоколы «разоблачений» троцкистов. Много их оказалось в стране Советов. Очень много!

На одной из встреч Сталин задал Ягоде вопрос:

- Кто будет давать показания о существовании в армии военно-троцкистской организации?

- Думаем, что это будет Смирнов – самый приближенный Троцкого, - помолчав, ответил Нарком.

- Но он не сознается, товарищ Сталин, - заметил Ежов.

- У нас что, в тюрьмах санаторий, Ягода? - прищурился глаза, спросил Сталин. - Смирнова «разговорить» и через неделю доложить мне! Плохо работаете, Нарком Ягода! Плохо!

На следующий день арестовали бывшего руководителя Московского восстания 1917 года – Муранова. В Гражданскую войну он был членом РВС армий под командование Льва Троцкого.

Командира танковой бригады, героя Гражданской войны Дмитрия Шмидта забрали перед самыми войсковыми учениями. После квартирного обыска его затолкали в вагон и отвезли в Москву. Допрашивали на Лубянке долго, часто ночью и в основном «ногами». От него требовали признания, что он вместе с Якиром готовил покушение на Ворошилова. В ответ на эту нелепицу – он хохотал. Били долго по ногам и ребрам коваными сапогами. Когда кровь пошла из всех отверстий тела, подписал все необходимые следствию признания.

Начальника штаба авиабригады Кузьмичева арестовали после Шмидта и долго держали без допросов в темной камере внутренней тюрьмы, пока не ослеп. После этого он дал требуемые показания на Якира и «заговор военных».

Ивана Николаевича Смирнова долго не могли разговаривать. Сдался лишь тогда, когда показали ему арестованную жену и дочь истерзанными, в разорванной одежде. Подписал все.

Комкора Путну арестовали ранним утром. Обыск в доме длился до самого вечера. Его не били, а изнуряли допросами. Когда это ему надоело, признался, что состоял в военно-троцкистской организации под руководством Клима Ворошилова.

Старый коммунист Томский, написал прощальное письмо своему старшему боевому товарищу – Иосифу Сталину и застрелился в своем доме. Жену и сына Юрия отправили в лагерь, а двух старших сыновей расстреляли.

Арестовали Туровского и Гарькавого. Допросили «с пристрастием». Добились от них признаний о вредительстве и заговоре.

Не одну ночь просидели Сталин с Ежовым над планом «ликвидации гнезд троцкистов и их руководителей». При этом он постоянно требовал:

- Из стен НКВД, из мест заключения – никакой информации. Шумиху поднять через центральные газеты по основным фигурам!

- Уже есть, - услужливо проговорил Ежов, разворачивая перед Сталиным отгиск завтрашней газеты «Правда».

Сталин остановил свой взгляд на главном разделе:

«...11 июня перед Специальным Присутствием Верховного суда Союза ССР предстали главные предатели и главари отвратительной изменческой банды: Тухачевский М. Н., Якир И. Э., Уборевич И. П., Корк А. И., Эйдеман Р. П., Фельдман Б. М., Примаков В. М., Пугна В. К.

...Конечной целью этой шайки было: ликвидировать любыми способами советский строй, уничтожить Советскую власть, свергнуть рабоче-крестьянское правительство и товарища Сталина.

...Верховный суд вынес свой справедливый приговор: смерть врагам народа!»

- Из текста уберите «товарища Сталина», а то могут подумать, что это месть товарища Сталина. И как можно больше возмущений народа к врагам: митинги, собрания, газетные статьи, - после долгого молчания проговорил Сталин.

- Подготовлена разгромная статья газеты «Правда» о покровительстве и слепоте руководства Омского обкома партии. Читаю: «Пора Омским большевикам заговорить полным голосом... Если руководители Сибирского обкома бездействуют и покровительствуют троцкистско-бухаринским шпионам, то пора, чтобы Омские большевики заговорили полным голосом».

- Это своевременно, товарищ Ежов, - заметил Сталин.- И ещё, товарищ Ежов, упростите следствие на местах! Приговор к врагам должен быть исполнен в короткие сроки!

...Несмотря на ночное время в кабинет к Сталину вошли заместитель Председателя Верховного Суда В. В. Ульрих, прокурор А. Я. Вышинский и следом появился Вячеслав Михайлович Молотов.

Ульрих принес список законченных дел по санкциям, а Вышинский на утверждение список возбужденных дел на разного рода и уровня «врагов народа». Сталин, молча, достал из правой тумбы стола объемную папку фамилий осужденных и еще раз прочитал: Василий Анисимович Анисимов, Николай Иванович Бухарин, Андрей Сергеевич Бубнов, Николай Иванович Вавилов, Иван Яковлевич Врагов, Ян Борисович Гамарник, Николай Иванович Глебов-Авилов, Григорий Евсеевич Зиновьев, Алексей Иванович Рыков, Акмаль Икрамов, Лев Борисович Каменев, Николай Дмитриевич Кондратьев, Александр Васильевич Кисаров, Николай Николаевич Крестинский, Ян Эрнестович Рудзутак, Буду Мдивани, А. Сванидзе.

Список военных не удосужил взглядом и накрыл его новым сообщением. При мертвой тишине читал внимательно и долго. Красным карандашом вычеркнул фамилии: Л. Брик, М. Шолохов, С. Кавторадзе, Л. Ландау, П. Ощепков. Этим же карандашом дописал: «Дыбенко, Косиор, Чубарь, Постышев, Ягода».

Напротив фамилий: М. Цхакая, Ф. Махарадзе, Е. Стасова, Л. Фотиева, Н. Семашко написал: «не трогать впредь». В уголке общего списка разборчиво написал: «Использовать только на тяжелых физических работах» и передал на подпись Молотову. Тот подписал, не читая. Коллегиальное партийное решение было принято. Вождь решал, соратники одобряли, генеральные чины и военные исполняли. Народ гневно клеймил предателей.

«Собакам – собачья смерть», - писали рабочие завода «Динамо»;

«Они заплатят своей кровью», - письмо из Иваново;

«Никакой пощады изменникам Родины», - завод имени Горбунова;

«Расстрелять всю шпионскую шайку», - завод «Красное Сормово»;

Поэт Александр Безыменский по всему этому разразился гневным стихом:

Шпионы и предатели страны
Заслуживают одного: расстрела.

.....

И видит мир, что это подлецы.
Стариннейшие «ваши благородья»
Изменьщики, шпионы и лжецы,
буржуйских свор отвратное отродье.
За каждое – своё!

Намного позже на все творимое в это время другой поэт заявит:

Громыхает смутная эпоха

Лживыми словами на крови.
Но еще настанет время Вздоха –
Время возвращения Любви.
Луг блеснет – и сердце отзовется,
Сквозь базарный звон и пестрый план,
Подлинность поющая пробьется,
Разломив эпоху пополам.

Когда все покинули кабинет, Сталин, посасывая трубку, обураемый тяжелыми мыслями, заговорил сам с собой: - Как только меня ни уговаривали изменить планы эти подлещы по формированию и созданию промышленности. Я не сдался, а провел в жизнь это дело! Мы построили заводы, фабрики, электростанции. Страна превращена в сильное промышленно-развитое государство. Сделан небывалый рывок вперед, и мы с этого пути не свернем. Наше государство, под моим руководством, по всем направлениям достигнет небывалых высот. Нас будут знать все народы, а правители будут бояться. Мы всему миру продемонстрируем мощь и возможность советского строя хозяйствования. За нами последуют многие. А всех крикунов и кликуш я уберу с этого пути. И впредь буду к ним безжалостен! Лес рубят – щепки летят!

Неожиданно всплыло в памяти распространенное среди коммунистов письмо кандидата в члены ЦК, бывшего командира Иркутского военного округа Рютина.

«...Ко всем членам ВКП(б)! Прочитай, предай другому. Размножай и распространяй!

...Партия и пролетарская диктатура Сталина и его свитой заведены в невиданный туннель и переживают смертельно опасный кризис. С помощью обмана и клеветы, с помощью невероятных насилий и террора, под флагом борьбы за чистоту принципов большевизма и единства партии, опираясь на централизованный мощный партийный аппарат, Сталин за последние пять лет отсек и устранил от

руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установив в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру, стал на путь самого необузданного авантюризма и дикого личного произвола...

...На всю страну надет намордник – бесправие, произвол и насилие, постоянные угрозы висят над головой каждого рабочего и крестьянина.

...На партийную работу, вместо наиболее убежденных, наиболее честных, принципиальных членов партии, чаще всего выдвигаются люди бесчестные, хитрые, беспринципные, льстивые, готовые по приказу начальства десятки раз менять свои убеждения, карьеристы и холуи.

...Сталин и его клика через печать создали чудовищную фабрику лжи, надувательства и терроризирования. И они будут защищать свое господство в партии и в стране, ибо они смотрят на них, как на свою вотчину...

...Ни один самый смелый и гениальный провокатор для дискредитации социализма и его строительства, для взрыва их изнутри, не мог бы придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики...

...Кто не видит этого ... не чувствует произвола ... тот раб, холоп ...

- Собака лает – караван идет, - громко произнес Сталин и начал собираться на отдых.

Серые дома московских улиц, словно мрачные гробы на массовых похоронах, пронеслись мимо взора Вождя.

И все же письма Рютина крепко «зацепили» его мозг, вызывая его на действия. «Надо этих самых «холуев» вокруг меня покрепче пристегнуть. Пусть почувствуют мою несокрушимую власть. Арестую их жен, а над ними будет висеть «дамоклов меч». Они же наизнанку вывернутся, выполняя мои указания», - подумал он.

...Не прошло и двух месяцев, как начались аресты жен: Калинина, Буденного, Молотова, Хрущева, Поскребышева,

Куусинена; снохи Хрущева. А пострадавшие мужья с ещё большим рвением прислуживали Сталину.

В начале года Сталин вызвал к себе Молотова и начальника Иностранного отдела ОГПУ СССР Артузова.

- Через две недели мне понадобится аналитическая справка по всем аспектам мер в руководстве Германии, особенно: жизнеобеспечение населения, уровень образования и безработицы, рост промышленного производства, сельского хозяйства, рост военного потенциала, а по Гитлеру: его окружение и предполагаемые планы. Задействуйте все источники информации. Всё должно быть выверено! - с небольшим акцентом распорядился он.

Получив в назначенное время объёмную аналитическую информацию по Германии, Сталин, уединился от всех и принялся скрупулёзно читать, сравнивая с тем, что ему уже было известно. Ещё будучи в ссылке, с подсказки товарищей, научился он чтению информации с собственным участием в событиях, но от третьего лица. Получалось что-то наподобие кино. Это проделывал он и сейчас.

...Внутри страны шла самая жестокая мирная война по всем направлениям, от которой вздрогнут даже потомки. Основной удар пришелся на военных. Это они – военачальники оставались основной силой противостоянию хитроумному продвижению Сталина к единовластию в партии и стране. Но Сталин их «переиграл». Он оказался намного смекалистей. Вначале, многих из них втянул в борьбу с «троцкизмом», а затем начал их «натравливать» друг на друга. Убедившись, что это ему удалось, приступил к основному действию во имя незыблемости идей большевизма, несокрушимости Его Величия.

Начал он с героев Гражданской войны: маршалов, командармов и комкоров. Новый Вождь большевиков спешил. Он понимал, что именно они в любое время, используя свой авторитет, свое военное братство, объединившись, «разо-

бьют» в пух и прах его «коллективизацию», раскулачивание и «громатье» планов строительства. И его - Сталина, с лидера партии в одночасье отстранят от всех постов, и тогда наступит крах. Быть же ниже своего сегодняшнего поста и положения - он уже не хотел. Задумался, перелистывая страницы книги Адольфа Гитлера «Моя борьба».

Вот оно, о чем долгими ночами думал Сталин. Гитлер писал: «...масса нетерпима, но послушна авторитету. Она требует от своих героев силы, и даже насилия. Она хочет, чтобы ею управляли и ее подавляли, и боится своих господ». Именно это и стало лейтмотивом власти Гитлера. А разве он - Сталин, в «борьбе с троцкизмом», не поднял на «всеобщее осуждение» массы. Газета «Правда» ежедневно публиковала возмущения народа: «Великий гнев великого народа»; «Раздавить гадину»; «Германские фашисты выгораживают Троцкого»; «Троцкий – Зиновьев – Каменев – гестапо»; «Никакой пощады изменникам родины». Еще в ссылке и тюрьмах Сталин накопил огромный опыт тактических уловок для решения каких-либо задач. Вначале своего восхождения, убирая с пути своего главного конкурента – Троцкого, он объединился против него с Зиновьевым и Каменевым, а затем, когда Троцкий был «низложен», объединился с Бухариным и Рыковым против Зиновьева и Каменева. Успех был очевиден. Толпа приветствовала его борьбу за «чистоту ленинской партии». Но все это было пока «мелочью» в его планах. Нужны были «громкие дела» против известных личностей. И он сумел это сделать, особенно после убийства Кирова, сплетая по капелькам большую государственную «смирительную рубашку». Но ещё нужны были «вредители», «враги строя», а самое главное – общенародное «судилище» над ними. И он организовал это.

Анализируя восхождение Гитлера к власти, Сталин сделал вывод, что тот шел по трупам. Первый кровавый след он оставил в Берлине ещё в восемнадцатом году, когда

на улицы Берлина вышли «спартаковцы» и революционные матросы. И тут страстный борец за спасение страны от большевизма – Гитлер, вывел на подавление этого восстания свою военную силу – «Фрайкор». Через неделю жесточайших действий всё было закончено. Убитых похоронили, лидеров «Спартака» поймали и зверски убили, в том числе и Розу Люксембург. После этой «победы» Гитлер уверовал в свое призвание политического деятеля. Совместно с осевшим в Мюнхене немцем из России Альфредом Розенбергом он выдвигает основные ключевые направления своей идеологии: евреи – главное мировое зло; евреи организовали мировую войну и большевистскую революцию, евреи совместно с масонами других стран стремятся к мировому господству. Всю эту заразу надо выкорчевывать. И он опять проявляет свою «политическую жесткость» при подавлении красного мятежа в Мюнхене. И опять «отличились» войска «Фрайкор». В Мюнхене началась кровавая резня, неопишная оргия убийств. Было расстреляно более тысячи «красных». Именно на этом фоне Гитлер входит в роль «спасителя Отечества».

Иногда ход исторических моментов способствует движению масштабных лидеров, влияя на весь ход истории. В июне девятнадцатого года Германией, под диктовку победителей, срочно был подписан и ратифицирован Версальский мирный договор. Германия вынуждена была взять на себя всю ответственность за развязывание войны и оплатить гражданский ущерб. У Рейха забрали в счёт расчетов Эльзас и Лотарингию, почти полностью Померанию и все колонии. Армию сокращали до ста тысяч солдат.

Разумеется, теперь уже бедная Германия не могла за всё это рассчитаться. И тогда, в двадцать третьем году, французские и бельгийские войска заняли Рур. Оккупация Рура, денежная инфляция, безработица, увеличили число приверженцев Гитлера, продвигая его к вершине власти. И это

произошло в 1933 году. Человек, не получивший даже среднего образования, бывший венский уличный бродяга, стал канцлером Германии.

По-разному восприняли эту весть в стране: ужас охватил либералов; среднее сословие граждан вздохнуло с облегчением в надежде, что закончилась парламентская чехарда; озлобленные патриоты и расисты ликовали. Через много лет вспомнят выражение Карла Маркса: «Ни нацию, ни народ не прощают за беспечный час, в который первый же появившийся авантюрист может сбить их с ног и завладеть ими».

Гитлер интуитивно понимал, что Власть и Лидер не одно и то же. Соединить эти два понятия можно только через революцию, опираясь на армию. И тогда он принимает решение организовать эту революцию в самой армии. За основу он взял существующие противоречия между его коричневорубашечниками и армией «Рейхсфер». На очередном совещании руководителей СА, Рема и армии Бломберга, Гитлер усиливает конфликт, объявив, что СА будет заниматься внутривнутриполитическими делами: полиция, охрана граждан, обучение молодежи военному делу. Армию же необходимо оснастить самым современным вооружением и на нее возлагается защита интересов государства и военные действия за его пределами на Западе и на Востоке. Это был неожиданный удар по штурмовикам. Гитлера посчитали предателем «коричневой» революции, а Рем в кругу своих единомышленников, обозвал Гитлера предателем и дураком-ефрейтором. А в заключение этого он заявил:

- Если мы не добьемся своего с ним, мы добьемся этого без него!

В унисон этому прозвучало выступление заместителя канцлера Франца фон Папена в Марсбургском университете. В своем выступлении он обвинил Геббельса в лишении пе-

чати какой-либо свободы. Осудив фашистских фанатиков и однопартийную систему, он обратился к Гитлеру:

- Ни один народ не может все время восставать, надо остановиться и заняться формированием солидной социальной защитой своего народа.

Эти два выступления были сигналом к действию. Но и армия не дремала, она была готова к действиям. И Гитлер дал сигнал к этим действиям. Сотнями, тысячами убивали прямо на улицах и в домах.

Арестованного Рема застрелили в камере тюрьмы. Два дня расстреливали коричневорубашечников во дворе тюрьмы «Штадельхайм». Многие из них перед смертью кричали: «Хай Гитлер!». А Гитлер в результате этого стал героем толпы и теперь уже никто ему не мешал вершить свои дела, прикрываясь заботой о немцах и Германии. Гитлер, будучи «совой», работал в основном ночью.

Неторопливо без лишней суеты по сонному Берлину движутся автофургоны с надписью «Хлеб». Навстречу спешат вереницей фургоны с надписью «Мебель». Только не хлеб и не мягкую мебель везут они, а горе людское развозят. Кого-то вытащили из постели, кого-то отвозят с ночного допроса в тюрьму, а кого и в сторону кладбища. Не слышен людской стон, не улавливается человеческая боль и унижение обреченных.

Такие же машины с такими же надписями с улиц и переулков Москвы уходят в сторону Лубянки. А с вокзалов города мчатся сюда черные лимузины с зашторенными окнами. Все везут и везут «врагов народа». И откуда они только берутся в таком количестве? Нет ответа!

Мало кто знал, что уже в двадцатых годах Германия сотрудничала с Россией. Почти два десятилетия укрепляла она Красную Армию. Для более предметного сотрудничества в Москве разместилось отделение министерства обороны Германии. Компания «Юнкерс» после этого получила

разрешение в пригороде Москвы организовать выпуск авиационных двигателей, а компания «Берсолъ» производила отравляющие вещества недалеко от Самары.

В это же время специалисты Германии помогли построить три завода по производству боеприпасов. Немецкие инструкторы подготовили целую эскадрилью летчиков из российских немцев. А танкисты вермахта проходили подготовку на полигоне под Казанью. Тайное сотрудничество двух стран постепенно переросло в политическое сближение. С приходом к власти Гитлера эти взаимоотношения резко сократились, хотя каждая страна отслеживала действия другой страны. Первый шаг сделал Сталин, поддержав Гитлера заключить расширенный торговый договор. Руководители обоих государств искали сближения, демонстрируя друг перед другом силу и «национальный патриотизм».

Сталин пытался перехитрить Гитлера, а Гитлер Сталина, зачастую, копируя действия друг друга. Властолюбие и гигантомания взяли верх в их отношениях и заставили согласовать свои действия по захвату чужих территорий и народов. Сталин «прибрал к рукам» всю Прибалтику, обеспечив флоту выход в Балтику, отхватил лакомый кусок от Польши и начал войну с Финляндией. Гитлер, продолжая военные действия в Испании, захватил Польшу, Чехословакию и двинулся на Францию.

Военная машина вермахта раскручивалась с невероятным ускорением. Практически все заводы и фабрики Германии работали на военный заказ.

Советский Союз тоже «не стоял на месте». Строились военные объекты, каждый завод имел десятки оборонных цехов, увеличился призыв на службу в ряды Красной Армии. Но Сталину необходимо было для укрепления пошатнувшегося величия время. В конечном итоге все же был подписан Советско-германский Пакт о ненападении.

Кремлёвский диктатор в этот момент забыл прочитанное в книге Гитлера «Майн Кампф» изречение о том, что любой союз немцев с русскими неизбежно приведет нацию к войне. И все же в фигурах этих двух диктаторов не было разительного различия. Те же концлагеря, та же ложь в газетах, страсть к парадам, гигантомания и везде страх и кровь. Весьма быстрое продвижение своих войск по Европе, практически бескровный захват многих стран укрепили Гитлера в своем величии стратега. И он начал готовиться «в поход» на Москву. Гитлер спешил, а подтолкнул его к этой спешке Сталин, когда уничтожил весь профессиональный командный состав Красной Армии.

...Вот уже и вторую трубку раскуривает Сталин, а картины пред глазами одна зловещей другой и вопрос один и тот же скребет мозг: «Неужели Гитлер посмеет напасть на СССР? Неужто он меня переиграет?»

А за пределами Москвы была не игра в «своих» и «чужих», а шла кровавая бойня со своим народом.

2.

Храпя и дыша морозным стылым паром, поводя заиндевельными боками, жеребчик ходко отмерял километры зимника в сторону районного центра «Зареченск». Сюда, в районный комитет ВКП(б) спешил председатель колхоза «Сибирь» - Иван Степанович Нефёдов по вызову первого секретаря Полторанина Игната Савельевича. В районе появился он три года назад и сразу же возглавил партийную организацию. Поговаривали, что в Гражданскую войну партизанил он в этих местах. После разгрома их отряда карателями атамана Семёнова чудом спасся, долго скрывался в крестьянских семьях под видом печника. Район он знал, как и знал

«острые» углы жителей посёлков. Невысокого роста, плотного телосложения, до белизны седой головой, прихрамывая на раненую ногу, мог он без всякого предупреждения заявиться в колхоз в любое время. Уважали его председатели колхозов за откровенность в разговоре, за деловитость и знание крестьянских забот. Председатели же местных исполкомов его побаивались за «острый язык», за требовательность. Заметит где-то неряшливость, достанет из кармана деньги и спокойно советует: «Вот тебе, Иван Иванович, полтора рубля на исправление, а остальное сообразишь сам». За эту манеру общения прозвали его сельсоветчики – «полтора рубля».

Рассветало. Иван Степанович остановил своего жеребчика для отдыха, да и самому размять ноги. Не привык председатель к сидячему положению: всё бегом, да бегом. Выехал ещё затемно из расчета отмахать пятьдесят вёрст и успеть к десяти часам на встречу. Хорошо, что за последние четыре года построили через реку мост и проложили через тайгу прямую дорогу от Сибирки до Зареченска. Всего-то и расстояние пятьдесят километров, а всё не «киселя хлебать» в сто вёрст до узловой железнодорожной станции. Дорогу эту построили для геологической партии к их разросшемуся посёлку Дубровка. Всё золото ищут. Правда, найти не могут, но зато в магазине есть всё, всё. В сельских магазинах – «сельпо» такого отродясь не водилось и, похоже, никогда не будет. Но магазин этот только для геологов, и только для них.

Ночь неохотно отступала под хмурым натиском таёжного дня. Всё окрасилось в бело-зелёные краски, и только вдали серела небольшими перечётами дорога. Налево и направо громоздились в снежных шубах сосны да ели, пугая не местных своей мощью.

Дорога пошла вниз, и жеребчик, после отдыха, прибавил ход. Иван поплотнее запахнул доху и, под перебор копыт, полетели его мысли.

...Совсем недавно были живы отец и мама. И жили они в своей Сибирке по установившимся порядкам от предков, под чутким руководством отца. Много почерпнул он от него: работоспособность, расчётливость, предвидение и главное, – делать добро. Когда жили общиной – всё просто и понятно: это твоё, а это – общее. А теперь – всё общее: скот, сельхозугодья, поля и сенокосы. При общине также часть из этого была общей. Но тогда каждый в этом общем имел свою реальную долю. Если это сенокос, то сено для своего хозяйства, если посев зерновых, то урожай делили по вложенному наделу своей пашни. Если урожай был слабым, то, по решению Совета села, оказывали дополнительно помощь многосемейным и вдовам с детьми. Поэтому и прилежание к работе было у всех «без сучка и задоринки». А теперь... А теперь на фоне всеобщего – нет личного «его», которое столетиями воспитывалось трудом для себя в зависимости от этого труда.

Не более как в первый год своего руководства столкнулся он с проблемой распределения натуральной продукции от результатов общего труда. Перешли на распределение по едокам основного труженика – зашли в тупик. Оказалось, что сторож колхозных амбаров, но многодетный, получал в конечном итоге больше, чем бездетные супруги, работающие от зари до зари. Дисциплина труда резко снизилась. Началась, так называемая «халтура». Выход из этой ситуации подсказал братишка Николай:

- Вычитал я, Ваня, в рекомендациях для колхозов, что учёт труда колхозников можно вести по трудовням.

- Это как?

- Вышел на работу – трудовень. Не вышел – ничего.

- Но тогда нужно отработать какой-то минимум.

- Нет, брат! Выходы на работу – это полмеры.

- А что в основной части?

- Думаю, что разный труд нужно трудоднём оценить по сложности. А то получится, что работа кузнеца и уборщицы конторы колхоза будет оценена одинаково.

- Да, но всяких работ наберётся больше сотни. Неужели для всех нужно делать свои начисляемые трудодни?

- Именно так, председатель!

- И кто это сможет сделать?

- Ну, естественно, я!

- А справишься?

- Справлюсь! Через неделю будет всё готово! Тебе останется только научить и утвердить на Правлении колхоза, а затем на общем собрании колхозников!

Слово своё Николай сдержал. Целыми днями верхом «мотался» он по всем производственным участкам: что-то записывал, что-то подсчитывал. В назначенное время вручил он ему стопочку аккуратной писанины с заголовком: «Основы начисления трудодня колхозникам». Два дня вечером изучал Иван писанину брата и, поняв всё, воскликнул: «Башковитый всё же ты, братец! В отца пошёл!».

Новинку члены правления выслушали с осторожностью. Кузнец Цаплин задал вопрос: «Как же это получается? На хуторе молодой кузнец Степашка будет получать такие же трудодни, как и я? Но он же даже обод на колесо путём не оденет. Несправедливо это будет, Иван Степанович!».

- И то, правда, Степаныч! - с места вставил бригадир животноводства.

...Заседание правления колхоза в этот день затянулось до темна. После бурных обсуждений и множества предложений, сошлись на том, что обсуждаемая разработка – вещь добрая и нужная, но нужно ещё доработать с учётом умения работников.

Поздно вечером всё это изложил он дома Николаю. А тот, прихлёбывая чай, неожиданно выдал:

- Подготовительную шкалу начисления трудодней нужно поделить на три части: базовый трудодень, надбавка за сложность и третья часть – надбавка за качество исполнения. Но базовую часть нужно начислять с учётом выполнения задания, или точнее, нормы выработки.

- Родной мой! Так это же нормативы нужно разрабатывать! - ошеломлённо воскликнул он.

- Не так страшен чёрт, как его малюют, - смеясь, заметил Николай. Для работ в полеводстве выдам для обсуждения нормы-задания дня через четыре, а в животноводстве пока доверюсь бригадирам, исходя из результатов месяца. Думаю, что члены правления это начинание поддержат. А с тебя председатель – хозяйку в дом!».

«Эх, Коля, Коля, как мне, порой, не достаёт твоей смелости», - вслух произнёс он, зарываясь носом в ворот дохи.

Тёплое дыхание в овчину согрело лицо и обволокло всё тело. Под мерный скрип полозьев кошевы задремал. Снился ему отцов дом, куда Николай привёл ему жену. Видит он, как в окружении знакомых и родни идут они с невестой в исполком регистрировать свой брак, и слышит радостные слова Ани: «На всю жизнь, Ваня?». Почему-то нет брата – основного виновника торжества? Где он?».

От этого видения заворочался и ...проснулся.

- Добрую жену просватал мне братишка, - улыбаясь, проговорил он и шевельнул вожжами. Жеребчик прибавил рысь. Полетели председательские мысли опять в прошлое.

Из года в год крепнет его колхоз. Вот уже и два трактора «Фордзон» купили. Хлебомолотилку запустили. Отстроили две сушилки зерна и возвели при них крытые тока, а рядом поставили амбары. Ни одной зернинки не потеряли. Всё – вовремя, всё в срок. Но гложет всё же председателя червь сомнения относительно Сталинского призыва о

сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. О переходе к политике ликвидации кулачества Сталин объявил 27 декабря 1930 года, в «Правде». Передовица гласила: «Ликвидация кулачества становится в порядок дня. А дальше шёл призыв: «Объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку и в конце концов смести его с лица земли». Для него – крестьянского сына, это было шокирующим. В придачу ко всему Аня раскопала в старых книгах статистические данные о балансе товарного хлеба России, когда она им торговала. Расклад такой: 30 процентов отводилось помещичьим хозяйствам, 30 – крестьянам-беднякам и 50 процентов – кулацко-средняцким хозяйствам. В ликвидации помещичьих хозяйств и кулацких не было резона. Да и сплошная коллективизация, зачастую под дулом пистолета, ничего хорошего для советской власти не сулила.

В Сибирке кулаков не оказалось по причине глухomanства нахождения и общинного уклада жизни. Выселения, расстрелы, конфискация имущества их миновали. А в соседних деревнях долго слышен был рёв и мат проклятий властям.

Похоже, Сталину нужно было укрепить свою власть. Реально это можно сделать через новую революцию, теперь уже крестьянскую – методом коллективизации. На этом пути вождь никого не жалел. Миллионы хозяев были ликвидированы, и не один миллион добрых тружеников оказался в тюрьмах и в ссылках.

Когда «эта вольница» по раскулачиванию раскрутилась до колоссальных масштабов, и в Сибирь начали прибывать первые спецпоселенцы – кулаки, прорезалась весьма здравая председательская мысль: «Срочно строить для них на хуторе жильё, а на станции «Узловая» организовать Дом колхозника с ночлегом и питанием. Там же приглашать прибывающих на поселение в колхоз. Поручить это «щекотливое дело» мог он только супругам Крикуновым. К ве-

ликой его радости Степан Степанович и Аглая Кирилловна согласились без колебаний, и через три дня на станции в арендуемом добротном доме закипела работа по организации ночлега с койками, простынями, подушками, одеялами. Во второй половине дома орудовала Аглая Кирилловна – кухневладелица. Она же руководила баней.

И покатил в колхоз на хутор народ крестьянской закваски, злой на Советскую власть, но любящий кормилицу-землю. Пришлось даже землянки сооружать, хотя дома строили четырьмя бригадами, даже при фонарях. Помогали в этом и прибывшие.

Никого Иван не оставил без внимания, со всеми переговорил, с каждым определился на перспективу, но в душу не лез. Накормленные, обогретые, с крышей над головой потихоньку, полегоньку прибывшие начали отходить душой.

Через два года на хуторе всю работала полнокровная овощеводческая бригада с частичной переработкой своего урожая. Печалило только одно – поднадзорность НКВД.

Жизнь не остановишь. Пошли свадьбы, рождались дети. Пришлось строить детский сад. Нянечек, медсестёр, воспитателей – хоть отбавляй. Многие из них имели медицинское или педагогическое образование.

Но в его председательской голове крепла одна и та же мысль: «Разорили помещичьи хозяйства, ликвидируют теперь крепкого хозяина – кулака, а кто хлебом накормит? Бедняки-безлошадники? Нет! Нет! И ещё раз – нет! Быть голоду! Быть!»

- Эх! Грамотёшки бы мне! Возможно, быстрее бы во всём разобрался! - вслух произнёс он, и слова эти накрепко осели в сознании.

Возможно, долго бы ещё мучили его различные мысли, но навстречу замаячила упряжь. Посторонился, пропуская, и когда поравнялись, узнал председателя соседнего колхоза «Заря» Лоскутова Игнатия Константиновича.

- Привет, сосед! - разлепляя от инея ресницы, прококал тот. Куда путь держишь в такую рань?

- Кто раньше встаёт – тому Бог даёт, - смеясь, ответил Иван.

Выпростились из своих дох и вылезли из кошёвок. Поздоровались за руку, и покатила немногословная беседа:

- Всё богатеешь, Иван?

- А ты, Игнатий, всё беднеешь?

- Хреново стало, Ваня! Грабят нас из года в год! Готовы шкуру содрать! Сил нет смотреть на это! Брошу я своё председательство и дёру дам отсюда к чёртовой матери! Иначе ждёт меня участь кулаков, как в Зелёной Пади!

- А что случилось? - насторожился Иван.

- Ты же знаешь этот таёжный урман?

- Знаю! Дважды пришлось побывать в этом богом забытом уголке.

- Так там, Ваня, тридцать трупов обнаружили на прошлой неделе наши охотники.

- Кто они? - догадываясь, спросил Иван.

- Люди они наши – российские, Ваня! Вывезли этих кулаков в тайгу и бросили там. Все погибли! Все! А там – дети! Даже женщин и детей не пожалели, Ваня! Кто ответит? Никто! - сам себе ответил председатель, и чтобы как-то успокоиться, - закурил.- И тебе, Ваня, нужно заканчивать свои председательские дела, иначе поставят тебя «к стенке» за твоих хуторских кулаков. И не глазей на меня так! Поставят! И скоро поставят! Коба свирепствует!

Молча, распростились и покатали председатели каждый своей дорогой. А в голове одно и то же: «Поставят! Скоро поставят!» Эти слова всплывут в его памяти намного позже, когда он будет уже «забран». Поднаторевшие в политике сокамерники сообщат ему, что объявленный в стране индустриальный скачок дал финансовый сбой. Нужны были

деньги. Решено было (Сталин сумел «протянуть» это решение) сделать это за счёт продажи зерна.

Валовой сбор зерна с 1930 года резко снизился, а отгрузка хлеба на продажу увеличилась. У колхозов забирали всё, даже семенной фонд. Выдача хлеба по году крестьянам «и не снилась». За малейшее сопротивление – пять, десять лет тюрьмы или расстрел. Побегали крестьяне из деревни в поисках любой работы. Колхозы, из-за оттока работников, разваливались. А в 1932 году на Кавказе, на Нижней и Средней Волге, Украине колхозы не смогли выполнить заданий по сдаче хлеба. В ответ на это начался массовый санкционированный террор против крестьянина. Заработали «чрезвычайные комиссии». Аресты, расстрелы в любое время суток. Кто только не арестовывал: председатели колхозов и члены правления, сельсоветчики и секретари партячеек, представители ОГПУ. Погибло в этой неразберихе около десяти миллионов человек, из них половина от голода, который принял массовый характер практически по всей стране. Вымирали целыми сёлами.

В январе 1933 года после провала хлебозаготовок ввели обязательные поставки колхозной продукции государству, имевшие характер и силу налога. В то же время цены на эту продукцию были установлены в 10-12 раз ниже рыночных. А крестьянина-единоличника в сентябре 1934 года начали «давить» единовременными налогами и увеличенными нормами обязательных поставок своей продукции государству.

Колхозы нищали, а крестьянин-частник, плача, вступал в колхоз. С этого началось порабощение крестьянина в Стране Советов.

...Намёк соседнего председателя колхоза об ответственности за «кулаков» Ивана взволновал. Полетели мысли к первому году их пребывания на хуторе. Тяжёлое это было время для них. Многие ведь эту Сибирь видели впервые. В европейской части России природа давала какой-то межсе-

зонный отдых, а здесь каждый день – на выживание. В первые месяцы не слышал он вообще детского смеха, а взрослых видел только со стороны сгорбленной спины. Только после прожитой зимы без потерь поселенцы растаяли немало душой и разговорились. О многом поведали они ему, с трудом скрывая страх и ненависть.

Появились первые помощники-умельцы. Приходит как-то к нему здоровенный мужчина и говорит:

- На золоте, председатель, сидишь, а взять не хочешь.

- Как понять?

- Кирпичное производство можно организовать. Глина здесь для этого отличная! Я и мои предки этим занимались. От этого и богатство имели. Если доверишь, то к середине лета запущу кирпичный заводик. Продавать его будешь, Иван Степанович!

- Прежде всего – представьтесь, а уж после этого приступим к обсуждению.

- Черемисин я, Родион Матвеевич. С Волги мы. Приобщили к кулакам, потому что богато жил в селе.

- Рад знакомству, Родион Матвеевич! А теперь, по сути. Что нужно для реализации идеи.

- Первое – не мешать и не надзирать. Второе – выделить две лошади, шесть мужиков по моему выбору и вели сохранять опилки. Пусть складывают в отдельном месте. А за результат не сомневайся. Черемисины болтать не любят!

- По рукам, Родион Матвеевич! Сделаю всё по плану!

Как ни старался удержаться от контроля за пуском кирпичного заводика, но не выдержал и в середине лета приехал. То, что увидел, – поразило. Стоит огромный длины сарай с нижним сквозняком для просушки кирпича-сырца. В гору вмонтирована печь для обжига. Рядом огромная поленица берёзовых дров. Лошади по переменке в ямке месят глину, а сам Родион Матвеевич из ведра под ноги лошади сыплет опилки и приговаривает: «Сюда, сюда, Родион!

Правильно, Родион!» При этом покрикивает ещё и на раскладчиков замеса по формам: «Лучше трамбуйте углы! Повнимательней, мужики!».

Увидев председателя, зло проворчал: - Не вытерпел! Примчался! Через час начнём выемку! Приходи часа через два с доброй бутылкой водки! Окропим наше начало и Черемисинскую мечту!

Как он выдержал эти два часа, до сих пор помнит. Запомнил волнение и радость. Всё перемешалось. А когда прибыл в назначенное время с водкой и закуской и увидел огромную стопку ещё горячих кирпичей, а рядом блаженно улыбающихся потных мужиков – чуть не заплакал от радости за сделанное.

До самой осени работал завод без перерыва.

Хуторяне исподволь, с особым интересом следили за работой кирзавода, считая это своим «кулацким» детищем, убеждая всех при этом умением жить на земле.

Не прошло и месяца после этих значимых событий, как ранним утром появился в контору богообразный старичок и с порога зачастил:

- Я к тебе, господин старшой, с предложением. Позволь мне на старости лет по-своему устроить парниковое хозяйство в овощеводстве.

Старичка этого он запомнил по первым поселенцам. Запомнил и имя – Фрол Федотович.

- Фрол Федотович, я не господин, а Иван Степанович.

- Ась?

- Я не господин!

- Господин, господин! Ты для нас, председатель, как дар господний. Вот и зовём мы тебя так между собой.

- Я внимательно Вас слушаю, Фрол Федотович.

- Вот я и говорю. Теплицы у тебя работают сезонно, а я предлагаю работать круглый год.

- Как это?

- Я когда был у австрийцев в плену, видел у хозяев ихние «брудергаузы» для обогрева цыплят. Это такие длинные борона из кирпича по всей длине птичника. Тепло от него проходит по этим трубам и обогревает пол, где размещены цыплята. Когда я с плена-то возвратился домой под Тамбов, решил я это сооружение опробовать в теплице. Только борона эти заложил под землю. Земля круглый год тёплая, а растениям это и надо. Круглый год торговал я на рынке свежими помидорами и огурцами. Накопил капитал и построил хороший дом. Да вот, пожить не пришлось! Выгнали! Помогите мне это дело организовать на хуторе. Я тебе и план составлю и затраты посчитаю.

- Наверное, в копеечку это обойдётся?

- Окупится всё через год! Я гарантирую! Хоть зол я на власть, но гордость за своё умение не растерял и в зле не утопил!

А старичок оказался вьедливым: то раму криво собрали, то стёкла штапиком не придавили, то печь неверно выложили и тому подобное. Жаловались в столярке мужики: «Уйми, Степаныч, этого овощевода. Замучил ведь: это исправь, это переделай. Ещё и оскорбляет: руки, мол, у нас не отсюда растут».

- Вы на него не обижайтесь. Он мне по секрету сказал, что первыми зимними помидорами угостит меня и вас. Так что, ждите!

На Покров снег прилёг основательно. В общих хозяйственных делах отвлекся от овощеводства, и, пожалуй, месяц к Фролу Федотовичу не заглядывал. Заявился он сам однажды вечером прямо домой с полной корзиной красных помидор. Поставил всё на стол и, молча, гордо подняв голову, вышел.

В защиту этих изгнанных людей пошёл Иван ещё на одно ухищрение. В связи с тем, что все они относились ко второй категории (высылка без права учредительства в ко-

оперативах), зарегистрировал он свой хутор под названием деревни «Выселки», как бы подтверждая соблюдение буквы Закона. Хуторянам же объяснил весьма просто:

- Мера эта с моей стороны сегодня – для вашего блага необходима. Пройдёт время, сбросит с себя Россия эту дурь, и станете вы все полноправными гражданами Страны. Надеюсь, что это произойдёт ещё при моей жизни. А пока – терпите! Смерть – ещё хуже! Многое хранила его память. О многом мог бы он рассказать, излить душу, снять груз сомнений. Да только не с кем! Единственная отдушина – жена Аня. Даже ей всего не расскажешь. Да, и нужно ли погружать её в свои проблемы. Она и так целыми днями в школе с учениками. Придет домой, приготовит ему покушать, засядет за проверкой тетрадей, да там за столом и уснёт. Всё это для него – мелочи. Но вот детей нет. Какой уж год он надеялся, и всё впустую. А тут ещё от Николая нет вестей. В прошлом письме писал, что в колхозе общих забот, как по всей стране, хватает. И ещё сообщил, что женился на красивой певунье и зовут её Маша Маслова. На этом – всё!

...Морозец перед началом дня крепчал. Время поторапливало, и Иван хлопнул вожжами своего жеребца. Лошадь ускорила рысь, и за излучиной кромки леса появились характерные дымы сельских домов. Ночь окончательно отступила под натиском нового дня с малыми и большими заботами.

Новый день! Какой он?

Поднимаясь по лестнице на второй этаж районного комитета ВКП(б), поймал Иван Степанович себя на мысли, что в здании какая-то гнетущая тишина, вроде, как все готовились покинуть здание по первому приказу. Даже обычного стрекота пишущих машинок не слышно было. Никто не заходил и не выходил, а за закрытыми дверями кабинетов стояла зловещая тишина.

С таким ощущением непонятого и шагнул он в кабинет первого секретаря Полторанина Игната Савельевича. Похоже, он Ивана ждал, и разговор, наверное, будет долгим за закрытыми дверями. Подумал он так, когда увидел на стене лист бумаги с красными пометками и цифрами по его колхозу. По тому, как весьма сухо Игнат Савельевич поздоровался с ним, понял Иван, что разговор будет не только долгим, но и неприятным.

- Как доехали, Иван Степанович? - разливая горячий чай по двум стаканам, начал секретарь.

- Нормально, Игнат Савельевич. Недаром говорится, что без шубы сибиряк не сибиряк.

- И то верно.

- Как дела в колхозе?

- Крутимся. Работаем.

- Судя по сводке, в этом году вы не так уж плохо покрутились.

- На трудодни мало выдам, Игнат Савельевич.

- В других колхозах ещё хуже! - оборвал он Ивана, прекращая разговор на эту тему - Помидорами додашь! Они ведь не входят в перечень облагаемой продукции?

- Нет!

- Вот и хорошо, хорошо..., - барабаня по столу пальцами, механически проговорил секретарь.

«Крутит что-то наш секретарь», - решил Иван. - Никак до основного добратся не может».

Следующий вопрос сразу насторожил:

- Как брат? Давно ли писал?

«Что-то с Николаем?» - резанула мысль, но ответил сдержанно:

- Месяца три как нет писем.

- Похоже, Иван Степанович, и не будет.

- Почему? - поднимаясь из-за стола, задал Иван вопрос.

- Арестован он!

- За что?

- Не задавай по этому делу вопросов, Иван! Если бы знал, за что арестовывают большевиков – ответил бы!

- Как поживают твои «кулачки», - перевёл тут же Игнат Савельевич разговор на другую тему.

- Живут! Трудятся! - механически, почти в шоковом состоянии, ответил Иван.

- Докладывают мне, что запустили вы с ними кирпичный заводик.

- Заводиком назвать нельзя, но кирпич делаем.

- Показал бы что ли.

- Готов! Хоть сейчас!

Наступила длительная пауза. И вот, неожиданно для Ивана: – Центральный комитет нашей партии требует от всех низовых партийных организаций возложение обязанностей руководителей только на членов партии. Замолчал, перебарывая свои мысли, и неожиданно, глядя в глаза Ивану, произнёс, как отрубил: - Надо, Иван, тебе быть коммунистом! Надо, Иван Степанович! Надо! - ещё раз подчеркнул он. - Рекомендацию я дам! Напишешь, не выходя отсюда заявление! Разговор на эту тему мы закончили!

«А ведь он меня спасает от чего-то», - решил Иван и начал писать заявление.

После этого начался деловой разговор.

- Как ты, Иван Степанович, смотришь на создание повсеместно МТС?

- Принцип хороший, но нельзя всё пристраивать к одному. Нужна комбинация. Часть техники нужно передать колхозам, особенно отдалённым от МТС. А то трактора придут к посеву, когда уже убирать хлеб нужно.

- Вот и я так думаю! Но нужны кадры механизаторов!

- А почему бы, Игнат Савельевич, не организовать школы подготовки механизаторов при МТС и курсы подготовки в наших сельских школах?

- Молодец! Зришь в корень!

Трижды разговор прерывался телефонными звонками. И каждый раз чернел лицом от этих разговоров Игнат Савельевич.

- Расскажи-ка мне, уважаемый председатель, о своей особой системе начисления трудодней. А то мне все уши прожужжали, - после долгого молчания, проговорил он.

- Моей заслуги в этом деле мало. Основным разработчиком был мой брат Николай.

- О брате своём, Ваня, постарайся временно не упоминать! А теперь всё поподробней!

Долго с карандашом в руках рассказывал Иван, а закончил так: - Наступит такой момент, когда мы труд работника будем оценивать по его рангу умений и знаний. Я в это верю!

- Молодцом, председатель! Хотя за границей у Тэйлора это уже есть. Хорошая, Ваня, у тебя голова! Хозяйственная! Но с грамотёшкой слабовато! Согласен?

- Согласен, - задумавшись, ответил Иван, и, спохватившись, спросил: - К чему это, Игнат Савельевич?

- Есть мнение, Иван Степанович, направить тебя на год в Москву на учёбу в Высшую школу подготовки председателей колхозов.

- А как колхоз? - невпопад спроси Иван.

- Подберём на время твоего отсутствия доброго мужика, а они у тебя есть, и утвердим на общем собрании. Через паузу: - Отчего молчишь, председатель?

- Думаю, Игнат Савельевич. Это же не шапку одеть.

- А я ведь припомнил тебя, Ваня. Долго мучился, вспоминая, и вспомнил, - неожиданно, радостно, у порога объявил секретарь.

- Как?

- А вот послушай. Разгромили наш отряд белогвардейцы, и мы вчетвером чудом спаслись. Долго блуждали по

тайге, пока не наткнулись на деревню. Отвели нас в дом старосты. Накормили, помыли в бане и после отдыха завязали глаза и долго вели куда-то. Поводырём был пацан. А это ведь был ты, Ваня. Я по голосу тебя признал. Спас ты нас тогда! Спасибо от всех уцелевших! Теперь я тебе по гроб жизни обязан. Оплачу тем же! Не сомневайся! Обнял Ивана, скрывая слёзы, трижды поцеловал. И уже в коридоре вдогонку:

- Через неделю, Иван Степанович! Через неделю!

До своего колхоза Иван Степанович добрался уже по темноте. Распряг лошадь, занёс тулуп и сбрую в конюховку и наткнулся на сонного Крикунова Степана Степановича.

- Что-то случилось, Степан Степанович? Почему вы здесь? Где дежурный конюх?

- Конюха, председатель, я отправил домой, чтобы не было лишних ушей при нашей встрече.

- Да, не томи, ты чёрт! Рассказывай!

- Привезли мы сегодня ещё две семьи выселенцев. Люди хорошие, грамотные. С ними прибыла ещё жена твоего брата с двумя детьми. Сейчас, Ваня, они у тебя дома. Ждут. А зовут её Машей.

- Быстро домой! - крикнул Иван и заспешил в темноту.

Старый Крикунов, естественно, за председателем не успевал. Когда уже порядком отстал, издали услышал:

- Сбегай за Андреем с Вовкой, и ко мне!

Несмотря на поздний час, в доме светила большая потолочная десятилинейная лампа. Аня встретила Ивана на крыльце и предупредила:

- Постарайся, Ванечка, быть потише. Дети после мытарств и бани спят.

Не успел Иван шагнуть за порог дома, как тут же оказался в объятиях красивой женщины. Всхлипывая, она настойчиво твердила:

- Как же ты похож на моего Коленьку! Как похож!

Минут через двадцать прибежали Андрей с Вовкой и Степан Степанович. После непродолжительного знакомства присели все за стол поужинать. Вот тут-то Маша, порой плача, всё и выложила: как вышла замуж за Коленьку, как сбежала из собственного дома искать здесь убежище. Закончила свой рассказ почти криком:

- Коля не враг! Он от родителей перенял доброту к людям! Это нелепость!

Наступила гнетущая тишина. Долго все молчали. Только из горницы доносился сап спящих детей.

- Слушайте меня все! - прорезал тишину голос Ивана. - Мы все родственники по крови и судьбе. Но никто об этом не должен знать! Меня ведь так же может постигнуть участь брата Николая! Но если это произойдёт, то участь будет незавидной. А поэтому, всё наше знакомство и родство скрывать до определённого момента. Как будем жить дальше – я обдумую!

Подошёл к Маше и, положив, на плечо руку, продолжил:

- Сегодня, Маша, с детьми будешь ночевать в доме Андрея и Степана Степановича. Сейчас мы детей тихонечко перенесём и воспользуемся для эвакуации тёмной ночью. Не смотри на меня так испуганно! Я всё сделаю нормально! Поверь мне так же, как верила Николаю.

Ночь поглотила быстрые шаги от председательского дома.

Ходики на стене показывали уже два часа ночи, а Иван всё не мог начать разговор с женой о поездке в Москву. Мучайся – не мучайся, а сказать надо.

- Анечка, - приобняв жену за плечи и глядя ей в глаза, начал Иван, - предстоит скорая нам с тобой разлука. Направляют меня на год в Москву на учёбу в Высшую школу по подготовке председателей колхозов.

- Так долго? А как же я без тебя? - сразу, всхлипнув, проговорила Аня.

- Придётся потерпеть, родная моя! Придётся! Жить будешь с моим племянником Володей. Он уже вполне взрослый. Будет тебе помощником по дому. Топлива и продуктов пока много, а когда закончатся – обратись к моему зятю Андрею Крикунову.

- А колхоз? - вытирая обильные слёзы, спросила она.

- Буду рекомендовать колхозному правлению оставить за себя Андрея.

- А он сможет тебя заменить? Ты ведь, вон какой хваткий и с людьми ладишь.

- Заменит и справится. Он Еремеевско-Назаровских казачьих кровей! Да и возраст за тридцать!

- Ваня! А ты там, в столице меня на москвичку не меняешь? - уткнувшись Ивану в грудь и целуя, прошептала она.

- Эх, Аня, Аня! Сколько лет вместе, а у тебя в голове такая чепуха, что даже обидно! - отстранив от себя жену и глядя ей в глаза, проговорил Иван и, хохоча, легонько стукнул её в лоб. Обнял Аню и, показывая на часы, увёл в спальню. Не слышал он, когда она вскоре тихонько встала и до самого утра проплакала на кухне.

...Ещё и рассвет не наступил, а председатель уже стучался к Крикуновым. Двери открыл Степан Степанович и, приложив палец к губам, показал на спящих.

- Ничего не поделаешь! Буди всех! - командно проговорил он, приостановив попытку Степан Степановича зажечь лампу.

Андрей быстренько разжёл печь, и в скором времени пламя осветило комнату. Не задавая вопросов, Маша пришла к себе сонных детей и присела на лавку.

- Степан Степанович! Сколько ещё свободного жилья у нас на выселках?

- Одна половина. Я её на всякий случай придержал.

- Молодец, дипломат! - заметил Иван и жестом показал подойти к нему ближе. - Сейчас мы поедем на Выселки устраивать Машу с детьми на проживание и трудоустройство. Там, Маша, у нас и школа и детский сад. Работать пойдёшь по своим навыкам – в овощеводство. И видя, как засветились Машины глаза, добавил: - Работать будешь под началом чудесного ворчуна Фрола Федотовича. Это овощевод-кудесник! Посидел, молча, и продолжил:

- На выселках живут одни сосланные кулаки. Злости на Власть Советов у них предостаточно. Однако подлости не творят и дело крестьянское, житейское знают. Постарайся, Маша, сжиться с ними, но о своей жизни ничего особо не рассказывай! За тобой постоянно будут доглядывать и заботиться оба Крикуновы! А теперь все в кошеву и на Выселки!

Чуть-чуть только забелел день, а во всех домах хутора уже горел свет, и люди спешно расходились по своим делам. Пока Степан Степанович с Андреем занимались поселением и затаривали жильё продуктами питания и топливом, Иван Степанович срочно поспешил к теплицам. Фрол Федотович был на месте. Убедившись, что старик в теплице один, Иван начал говорить без всякого предисловия:

- Часа через три, Фрол Федотович, прибудет к вам ваша помощница Маслова Мария. Она опытный овощевод, но такая же гонимая, как и вы все. Примите её без всяких распросов, по-отечески. Это моя просьба, ибо она с детьми мне очень дорога! Ясно ли, Фрол Федотович?

- Куда ясней, милоч! Но она не краля твоя? Нет?

- Нет, старый богохульник! Нет! - рассмеявшись, ответил Иван и вышел. Попутно зашёл к размещающемуся семейству. Маша уже всё успела помыть и разложить пожитки. Андрей разжигал печь, а Степан Степанович мостил на стену какую-то картину.

- Маша, тебе через три часа надо быть на работе в теплице. По школе и детсаду всё решит Степан Степанович, а мы с Андреем уезжаем. Наклонился к Маше и на ухо прошептал: «В добрый путь, осколки врагов народа!». Грустно усмехнулся и шагнул за дверь.

Не доезжая до села, остановил лошадь и, повернувшись к Андрею, заговорил:

- Предстоит тебе, Андрюша, серьёзное испытание! Меня на год отправляют на учёбу в Москву, а председателем останешься ты!

- Как? Какой я председатель? Ты не белены объелся, Иван?

- Нет! Я в здравом уме и детище своё могу доверить только тебе. Надеюсь на тебя, Андрюша! Очень надеюсь! Очень! Ведь ты казацких корней! Не забывай об этом! Не забывай!

- А как же Вовка?

- А Вовочка будет жить у меня дома с Анной Игнатьев-ной и помогать ей!

- А нас ты спросил?

- Так я же и спрашиваю. Но если ты считаешь, что он мне не племянник, то поступай, как хочешь! Но от председательства не отвертеться!

До самой деревни ехали, молча, гоняя в голове разные мысли.

...Игнат Савельевич прибыл в колхоз «Сибирь» только к обеду и сразу же с председателем пошли по производственным объектам. Видя кругом чистоту, порядок и словоохотливых колхозников, причмокивал губами и повторял: «Молодцы! Ай да молодцы!»

Когда прибыли на Выселки, то этой словоохотливости и доброжелательности в свой адрес Игнат Савельевич не обнаружил. Хотя на всех участках производства была идеальная чистота и продуманность труда, но взгляды у рабо-

тающих колючие, злые. «Эх, люди, люди! За что же вы так ко мне? В вашем горе нет моей вины,- подумал он.- А может, и есть эта вина? И я должен за всё ответить!» - гонял он мысли.

Особый восторг и интерес проявил он при посещении кирпичного заводика. А когда зашёл в теплицу и увидел красные помидоры – перехватило дыхание. На улице мороз, а тут женщины работали в сарафанах и платьях! Видя всё это и попробовав на вкус свежий помидор, посерьёзней лицом и для себя произнёс: «Я изначально был уверен, что раскулачивание – это глупость нас – большевиков, а людей этих нужно защищать!»

...До начала общего собрания колхозников оставалось ещё часа два.

- А не угостит ли нас твоя хозяйка, Иван Степанович, горячим борщом?

- Уверен, что всё это и ещё что-то мы у неё на кухне найдём!

Аня была дома и быстренько накрыла стол. Кушали с улыбкой и похвалой в адрес хозяйки, хотя не заметить грусть на её лице было невозможно. Паужин заканчивали чаем из душицы с молоком. Выпив свой чай, Игнат Савельевич попросил хозяйку налить ещё. Когда Анна Игнатьевна подошла к нему с чайником, он встал и, глядя, в глаза произнёс:

- Мужем своим, Вам голубка, нужно гордиться! А я ему жизнью обязан. Но он всем нужен грамотным. Не нужно печалиться! Отправляйте его в Москву с лёгким сердцем! Ещё раз спасибо за паужин и разрешите на сим откланяться. В случае необходимости – обращайтесь!

...Общее собрание колхозников прошло деловито, но с явным налётом траурности. Исполнение обязанности председателя колхоза «Сибирь» единогласно возложили на Крикунова Андрея Степановича.

А для председателя Ивана Степановича путь лежал в Москву.

Каково там?

3.

По гороскопу 1944 год не предвещал Гитлеру каких-либо существенных душевных и жизненных улучшений. Любой расклад показывал: плохо. Ситуация на Восточном фронте подтверждала эту оценку. После Сталинграда и Москвы советские войска начали по всем направлениям массированные наступления. Расчленили и уничтожили четвертую танковую Армию и оперативную группировку "Фреттер-Пико" между Ворошиловградом, Днепропетровском и Ростовом-на-Дону. Эта же участь постигла вторую танковую армию под Орлом и Брянском, четвертую Армию под Ржевом и Смоленском. Опасаясь окружения со стороны Орши и Могилева, группа Армий «Центр» отвели свои войска к Минску. Не лучше обстояло дело и с группой Армий «Север». Вера немцев в божественное предвидение Гитлера таяла изо дня в день. К тому же, бомбардировщики дальней авиации Великобритании и США сбрасывали свой смертельный груз на города: Мюнхен, Нюрнберг, Франкфурт, Дортмунд, Кельн, Берлин, Штаттин, Гамбург, Бремен, Штутгарт.

Какие только меры он не принимал, результат – тот же: отступают. Менял и армейских генералов, ввел заградотряды, все управление войсками взял на себя: - безрезультатно. И с каждым днем он все отчетливее видел кончину Рейха, но все же продолжал надеяться на перелом в войне.

Гитлер реально понимал, что «проигрывает» Сталину, но, в то же время, относился к нему изучающее, по-новому

и не как к врагу, а с позиции аналитика военных, стратегических решений. Из раза в раз, убеждался он, что Сталин его превосходит и опережает. Первый раз это ощущение он испытал при походе на Сталинград, когда он, став под городом, расчленил свои войска по двум основным направлениям: на Кавказ – за горючим, на Украину – за хлебом. А это-го делать было нельзя: растопыренными пальцами кулак не сожмешь. Сталин тут же воспользовался этим промахом: сгруппировал войска и устроил в Сталинграде гибель армии Паулюса. А как он лихо разбил все его войска под Курском, разгадав все маневры! Немецким генералам учиться нужно у русских! А ведь всего-навсего, два-три года назад Гитлер был уверен в своем превосходстве над Сталиным и оценивал его совсем по-другому. О Сталине он говорил так: «Сталина я не считаю последовательным коммунистом. На самом деле Сталин продолжает дело русских царей и просто воскресил традиции панславизма. Для него большевизм – лишь средство, маскировка, чтобы надуть германские и латинские народы». С позиции Гитлера, между ним и Сталиным было много общего. Один преклоняется перед Петром Великим, другой считал себя наследником Фридриха Великого.

По оценке политиков – оба они были приверженцами беспощадной силы и руководствовались идеологиями, которые по существу ничем одна от другой не отличались. Похожими коммунистов и фашистов делали фанатизм и догматизм, убежденность, что цель оправдывает любые средства. И все это свершалось во имя своего народа. И Сталин, и Гитлер считали, что могут использовать друг друга в обоюдных целях. Но в то же время, плели за спиной друг у друга свои интриги. Случай взаимовыгоды не заставил себя ждать. Сталину понадобилась официальная версия, чтобы «прижать» своих военных, которые пытались «высоко держать голову», - он её получил.

Информацию о том, что Тухачевский и другие военачальники готовят заговор против Сталина, Гейдрих передал Сталину через президента Бенеша. Прибывший на свидание с Гейдрихом советский представитель за три миллиона рублей заполучил эти живые документы, не зная о том, что сфабрикованы они были по указанию Сталина. За два года Красная Армия осталась без командного состава.

...За время своего владычества в Германии, уничтожения евреев, захвата Франции, Польши, а затем вторжение на территорию СССР; в порыве осознания своего величия забыл он собственные выводы, изложенный в книге «Майн Кампф»: «Любой союз с русскими неизбежно приведет немцев к войне, которая станет для Германии началом конца».

Но Гитлер помнил и другое, и это его в начале войны с СССР вдохновляло: слова Сталина по случаю церемонии подписания советско-германского пакта о ненападении: «Я знаю, как немецкий народ любит своего фюрера, поэтому мне хотелось бы выпить за его здоровье!».

Мало кто из окружения этих диктаторов знал, что они увлекаются оккультизмом, и каждый из них ищет потусторонние силы для своего долголетия и непобедимости. В войне с разными странами Гитлер стремился для своей непобедимости добыть Копье Судьбы, то самое Копье, которым римский легионер проткнул тело мертвого Христа, и из раны которого побежала священная кровь в Грааль, ставшая рогом изобилия и бессмертия. Обладатель же Копья становился непобедимым. Гитлер знаком был по описаниям древних о чудедействии этого Копья. После долгих поисков он нашел его в Вене. С помощью именно этого оружия Гитлер хотел овладеть Миром. Рядом был всегда астролог Карл Эрнст Крафт, за спиной которого маячила разведка СССР в лице астролога Сергея Вронского.

...Сталин долгое время искал Землю обетованную, где каждый станет счастливым: Шамбалу, Эльдorado, Гиперборею. Копье Судьбы, кстати, у него было, и он в него верил. Долго пользовался он предвидениями знаменитого экстрасенса Вольфа Мессинга.

... Под гнетом всех своих черных мыслей Гитлер не стал отмечать 20 апреля свой день рождения, а уединился с Евой Браун в своей резиденции Бергхоф.

Через два дня, возвращаясь в Берлин, принял он решение развернуть крупномасштабное использование военных формирований бывших и настоящих русских под руководством российских командиров. Первым, на кого он запросил досье, был генерал-лейтенант РККА Власов Андрей Андреевич. В сформированной им Русской освободительной армии насчитывалось 50 тысяч солдат и офицеров (3 дивизии, 2 бригады, 17 полков, 80 батальонов). В зашнурованной папке отдельно лежал конверт с обращением Власова под заголовком: «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом».

Гитлер, привыкший читать текст по диагонали, письмо прочитал дважды, построчно:

- Призывая всех русских людей подниматься на борьбу против Сталина и его клики, за построение Новой России без большевиков и капиталистов, я считаю своим долгом объяснить свои действия. Я – сын крестьянина, родился в Нижегородской губернии, учился на гроши, добился высшего образования. Я принял народную революцию, вступил в ряды Красной Армии для борьбы за землю для крестьян, за лучшую жизнь для рабочего, за светлое будущее Русского народа. С тех пор моя жизнь была неразрывно связана с жизнью Красной Армии. 24 года непрерывно я прослужил в ее рядах. Я прошел путь от рядового бойца до командующего армией и заместителя командующего фронтом. Я командовал ротой, батальоном, полком, дивизией, корпусом. Я

был награжден орденами Ленина, Красного Знамени» и медалью «XX лет РККА». С 1930 года я был членом ВКП(б).

И вот теперь я выступаю на борьбу против большевизма и зову за собой весь народ, сыном которого я являюсь.

Почему? Этот вопрос возникает у каждого, кто прочитает мое обращение, и на него я должен дать честный ответ. В годы гражданской войны я сражался в рядах Краевой Армии потому, что я верил, что революция даст русскому народу землю, свободу и счастье.

Будучи командиром Красной Армии, я жил среди бойцов и командиров – русских рабочих, крестьян, интеллигенции, одетых в серые шинели. Я знал их мысли, их думы, их заботы и тяготы. Я не порывал связи с семьей, с моей деревней и знал, чем и как живет крестьянин.

И вот я увидел, что ничего из того, за что боролся Русский народ в годы гражданской войны, он в результате победы большевиков не получил.

Я видел, как тяжело жилось русскому рабочему, как крестьянин был загнан насильно в колхозы, как миллионы русских людей исчезали, арестованные, без суда и следствия. Я видел, что растаптывалось все русское, что на руководящие посты в стране, как и на командные посты в Красной Армии, выдвигались подхалимы! люди, которым не были дороги интересы русского народа.

Система Комиссаров разлагала Красную Армию. Безответственность, слежка, шпионаж делали командира игрушкой в руках партийных чиновников в гражданском костюме или военной форме.

С 1938 по 1939годы я находился в Китае в качестве военного советника Чан-Кай-Ши. Когда я вернулся в СССР, оказалось, что за это время высший командный состав Красной Армии был без всякого повода уничтожен по приказу Сталина. Многие и многие тысячи лучших командиров, включая маршалов, были арестованы и расстреляны,

либо заключены в концентрационные лагеря и навеки исчезли. Террор распространился не только на армию, но и на весь народ. Не было семьи, которая так или иначе избежала этой участи. Армия была ослаблена, запуганный народ с ужасом смотрел в будущее, ожидая подготавливаемой Сталиным войны.

Предвидя огромные жертвы, которые в этой войне неизбежно придется нести русскому народу, я стремился сделать все от меня зависящее для усиления Красной Армии. 99-я дивизия, которой я командовал, была признана лучшей в Красной Армии. Работой и постоянной заботой о порученной мне воинской части я старался заглушить чувство возмущения поступками Сталина и его клики.

И вот разразилась война. Она застала меня на посту командира 4-го мехкорпуса.

Как солдат и как сын своей Родины, я считал себя обязанным честно выполнить свой долг.

Мой корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление, но мои предложения были отвергнуты. Нерешительное, развращенное комиссарским контролем и растерянное управление фронтом привело Красную Армию к ряду тяжелых поражений.

Я отводил войска к Киеву. Там я принял командование 37-й армией и трудный пост начальника гарнизона города Киева.

Я видел, что война проигрывается по двум причинам: из-за нежелания русского народа защищать большевистскую власть и созданную систему насилия и из-за безответственного руководства армией, вмешательства в ее действия больших и малых комиссаров.

В трудных условиях моя армия справилась с обороной Киева и два месяца успешно защищала столицу Украины. Однако, неизлечимые болезни Красной армии сделали свое

дело. Фронт был прорван на участке соседних армий. Киев был окружен. По приказу верховного командования я был должен оставить укрепленный район.

После выхода из окружения я был назначен заместителем командующего Юго-Западным направлением и затем командующим 20-й Армией. Формировать 20-ю Армию приходилось в труднейших условиях, когда решалась судьба Москвы. Я делал все от меня зависящее для обороны столицы страны. 20-я Армия остановила наступление на Москву и затем сама перешла в наступление. Она прорвала фронт Германской армии, взяла Солнечногорск, Волоколамск, Шаховскую, Середу и др., обеспечила переход в наступление по всему Московскому участку фронта, подошла к Гжатску.

Во время решающих боев за Москву, я видел, что тыл помогал фронту, но, как и боец на фронте, каждый рабочий, каждый житель в тылу **делал это лишь потому, что считал, что он защищает Родину.**

Ради Родины он терпел неисчислимые страдания, жертвовал всем. И не раз я отгонял от себя постоянно встававший вопрос: **да полно, Родину ли я защищаю, за Родину ли я посылаю на смерть людей? Не за большевизм ли, маскирующийся святым именем Родины, проливает кровь Русский народ?**

Я был назначен заместителем командующего Волховским фронтом и командующим 2-й ударной Армией. Пожалуй, нигде так не сказалось пренебрежение Сталина к жизни русских людей, как на практике 2-й ударной Армии. Управление этой армией было централизовано, и сосредоточено в руках Главного Штаба. О её действительном положении никто не знал и им не интересовался. Один приказ командования противоречил другому. Армия была обречена на верную гибель.

Бойцы и командиры неделями получали 100 и даже 50 граммов сухарей в день. Они опухали от голода, и многие уже не могли двигаться по болотам, куда завело армию непосредственное руководство Главного Командования. Но все продолжали самоотверженно биться.

Русские люди умирали героями. Но за что? За что они жертвовали жизнью? За что они должны были умирать?

Я до последней минуты оставался с бойцами и командирами армии. Нас оставалась горстка, и мы до конца выполнили свой долг солдат. Я пробился сквозь окружение в лес и около месяца, скрывался в лесу и болотах. Но теперь во всем объеме встал вопрос: **следует ли дальше проливать кровь Русского народа? В интересах ли Русского народа продолжать войну? За что воюет Русский народ?**

Я ясно осознал, что **Русский народ втянут большевизмом в войну за чуждые ему интересы англо-американских капиталистов.**

Англия всегда была врагом Русского народа. Она всегда стремилась ослабить нашу Родину, нанести ей вред. Но Сталин в служении англо-американским интересам видел возможность реализовать свои планы мирового господства, и ради осуществления этих планов **он связал судьбу Русского народа с судьбой Англии, он вверг Русский народ в войну, навлек на его голову неисчислимые бедствия, и эти бедствия войны являются венцом всех тех несчастий, которые народы нашей страны терпели под властью большевиков 25 лет.**

Так не будет ли преступлением и дальше проливать кровь?

Не является ли большевизм и, в частности Сталин, главным врагом Русского народа?

Не есть ли первая и святая обязанность каждого честного русского человека встать на борьбу против Сталина и его клики?

Я там, в болотах, окончательно пришел к выводу, что мой долг заключается в том, чтобы призвать Русский народ к борьбе за свержение власти большевиков, к борьбе за мир для Русского Народа, за прекращение кровопролитной, ненужной Русскому народу войны за чужие интересы, к борьбе за создание Новой России, в которой мог бы быть счастливым каждый русский человек.

Я пришел к твердому убеждению, что задачи, стоящие перед Русским народом, могут быть разрешены в союзе и сотрудничестве с Германским народом. Интересы русского народа всегда сочетались с интересами Германского народа, с интересами всех народов Европы.

Высшие достижения Русского народа неразрывно связаны с теми периодами его истории, когда он связывал свою судьбу с судьбой Европы, когда он строил свою культуру, свое хозяйство, свой быт в тесном единении с народами Европы. Большевизм отгородил Русский народ непроницаемой стеной от Европы. Он стремился изолировать нашу Родину от передовых европейских стран. Во имя утопических и чуждых Русскому народу идей он готовился к войне, противопоставляя себя народам Европы.

В союзе с Германским народом Русский народ должен уничтожить эту стену ненависти и недоверия.

В союзе и сотрудничестве с Германией он должен построить новую счастливую Родину в рамках семьи равноправных и свободных народов Европы.

С этими мыслями, с этим решением, в последнем бою, вместе с горстью верных друзей я был взят в плен.

Свыше полугода я пробыл в плену. В условиях лагеря военнопленных, за его решеткой я не только не изменил своего решения, но укрепился в своих убеждениях.

На честных началах, на началах искреннего убеждения, с полным сознанием ответственности перед Родиной, народом и историей за совершаемые действия, я призываю народ на борьбу, ставя перед собой задачу построения Новой России.

Как я себе представляю Новую Россию? Об этом я скажу в свое время.

История не поворачивает вспять. Не к возврату к прошлому зову я народ. Нет! Я зову его к светлому будущему, к борьбе за завершение Национальной Революции, к борьбе за создание Новой России - Родины нашего великого народа. Я зову его на путь братства и единения с народами Европы и в первую очередь на путь сотрудничества и вечной дружбы с Великим Германским народом.

Мой призыв встретил глубокое сочувствие не только в широчайших слоях военнопленных, но и в широких массах Русского народа в областях, где еще господствует большевизм. Этот сочувственный отклик русских людей, выразивших готовность грудью встать, под знамена Русской Освободительной Армии, дает мне право сказать, что **я нахожусь на правильном пути, что дело, за которое я борюсь, - правое дело, дело Русского народа. В этой борьбе за наше будущее я открыто и честно становлюсь на путь союза с Германией.**

Этот союз, одинаково выгодный для обоих великих народов, приведет нас к победе над темными силами большевизма, избавит нас от кабалы англо-американского капитала. В последние месяцы Сталин, видя, что Русский народ не желает бороться за чуждые ему интернациональные задачи большевизма, внешне изменил политику в отношении русских. Он уничтожил институт комиссаров, он попытался

заключить союз с продажными руководителями преследовавшейся прежде церкви, он пытается восстановить традиций старой армии. Чтобы заставить Русский народ проливать кровь за чужие интересы, Сталин вспоминает великие имена - Александра Невского, Кутузова, Суворова, Минина и Пожарского. Он хочет уверить, что борется за Родину, за отечество, за Россию.

Этот жалкий и гнусный обман нужен ему лишь для того, чтобы удержаться у власти. Только слепцы могут поверить, будто Сталин отказался от принципов большевизма.

Жалкая надежда! Большевизм ничего не забыл, ни на шаг не отступил и не отступит от своей программы. Сегодня он говорит о Руси и русском только для того, чтобы с помощью русских людей добиться победы, а завтра с еще большей силой закабалить Русский народ и заставить его и дальше служить чуждым ему интересам.

Ни Сталин, ни большевики не борются за Россию.

Только в рядах антибольшевистского движения создается действительно наша Родина. Дело русских, их долг - борьба против Сталина, за мир, за Новую Россию. Россия - наша! Прошлое Русского народа - наше! Будущее Русского народа - наше!

Многочисленный Русский народ всегда на протяжении своей истории находил в себе силы для борьбы за свое будущее, за свою национальную независимость. Так и сейчас не погибнет Русский народ, так и сейчас он найдет в себе силы, чтобы в годину тяжелых бедствий объединиться и свергнуть ненавистное иго, объединиться и построить новое государство, в котором он найдет свое счастье.

Генерал-лейтенант А. А. ВЛАСОВ

«Предавший раз – предаст ещё», - пренебрежительно подумал о Власове Гитлер и произнёс вслух:

- Этого с Армией направить в Чехословакию!

Листая дальше документы, остановил свое внимание на 15-ом горно-стрелковом корпусе особого подчинения вермахта, с его охранным корпусом, тремя дивизионами, отборными бригадами, гвардейскими полками. Обратил особое внимание на итоговые цифры – 30 и написал: «Усилить! И на подавление югославских партизан!».

Вспомнил все, что было связано с этим государством. Гитлер хорошо помнил, что когда-то эти места были заселены славянами. Часть из них попала под Османскую империю, а остальная часть – под власть Габсбургов. После Русско-турецкой войны Сербия и Черногория получили полную самостоятельность. От турков освободились только в 1918 году. Под влиянием России в 1918 году было образовано Королевство сербов, хорватов и словенцев. В 1929 году, теперь уже под его влиянием, была установлена военномонархическая диктатура. До начала военных действий с Россией удалось Югославию присоединить к Берлинскому пакту фашиствующих держав.

Возмущенная интеллигенция, коммунисты и часть военных свергли после войны свое правительство и в начале апреля заключили с СССР договор о дружбе и ненападении. Как только это стало ему известно – тут же распорядился оккупировать Югославию. Германии нужен был этот лакомый кусок, тем более, выход к Адриатическому морю. Этого нападения не стерпели коммунисты, и им удалось вместе с остатками царских россиян организовать освободительную войну, нанося ощутимый урон германским войскам. Во главе этой партизанской армии стоит бывший Коминтерновец – генерал Иосиф Броз Тито. Вот этих «вояк» он и решил загнать в горы и там уничтожить.

...В моменты особого психологического напряжения, но очень редко, Гитлер позволял себе расслабиться с Евой Браун. Он понимал, что она далеко не стратег и не советчик,

но ему нужно было общение. И не просто рассказ чего-то, а полное опустошение мозга и духа. Он доверял своей любовнице и верил, что она его не предаст.

Вот и на этот раз, положив свою руку на ее плечо, заговорил:

- Впервые за многие годы в свой день рождения, Ева, я никого не хочу видеть. Мне надоели все эти воинские награды и льстивые речи. Восхваление моего стратегического ума. А где он – этот стратегический ум? Где? Мы на всех фронтах терпим поражение за поражением. Мне уже не верят мои генералы. Они позволяют себе со мной спорить и огрызаться. Они даже предлагают сейчас, когда нас вытеснили за пределы границ СССР, заключить со Сталиным перемирие. Но я не могу пойти на это, ибо я еще ариец и у меня на подходе производство сверхмощного оружия и ракеты. Я надеюсь, что мой Бог и мое предвидение, данное мне Свыше, поможет моему народу быть счастливым. Боюсь, Ева, только одного: могут убить меня. Я тебе до этого не говорил, что на меня было шесть заговоров с целью убийства. Даже организован был взрыв. Но я жив, и помог мне избежать смерти мой Бог и внутренний голос. Но если мне и приготовили эшафот, то я поднимусь к нему, не склонив головы, ибо хотел я лучшей доли моему могучему народу. До этого и сейчас, я стараюсь свои идеи реванша, неповторимости – вложив в мозг молодого поколения разных стран, и озлобить их против коммунистов. А они, в свою очередь, передадут это другому поколению и те разрушат мифический мир коммунизма. Пройдут годы, Ева, сменятся поколения людей, но еще долго будут вспоминать, не только историки, имя Гитлера и Сталина.

- Мой фюрер! Долой мрачные мысли! Предлагаю выпить за день рождения и за свершение всех Ваших дел! – проворковала Ева.

Вождизм Гитлера в период победных походов на Францию, Польшу, Чехию, Югославию, притуплял его здравомыслие. Смерти и миллионы пленных его мало интересовали, когда его войска с суши и с моря пошли в Россию. Он был занят уничтожением евреев. Утвердил проект формирования в Варшаве еврейского гетто и даже рассмотрел предложения по более эффективному массовому их уничтожению. Наиболее эффективным им был избран, наряду с повсеместными расстрелами, газовые камеры и сжигание. Он был уверен, что совершает благо для всех народов. Эти сионисты захватили во всех странах ключевые позиции управления, и коммунизм пошел на них. Во избежание покорения – этого народа не должно быть.

На обилие военнопленных Гитлер обратил внимание только тогда, когда ему начали докладывать о желании многих бороться против коммунистов и создавать свои воинские подразделения. Основным советчиком по этим вопросам был у него рейхсфюрер СС – Генрих Мюллер. Это его Гитлер наделил неограниченными полномочиями создания партийной и резервной армии, включая пленных. Войска СС доросли до размера полевой армии. Это была огромная сила, и часть из них, особенно занятых карательными функциями, отправили на Восточный фронт, заменив русскими и смешанными воинскими формированиями. Гиммлер докладывал, что местная полиция и карательные отряды проявляют изощрённую жестокость в борьбе с евреями и партизанами. За что пришлось по приказу верховного фюрера СС в Центральной России и Белоруссии Эриха фон ден Баха, расстрелять кавалера Железного Креста Бронислава Каминского за особую жестокость при подавлении Варшавского восстания.

Отправляя в Чехословакию Русскую освободительную армию под командованием генерал-лейтенанта Власова, не мог Гитлер предположить, что тот повернет свое оружие

против его армии, спешащей на подавление Пражского вооруженного восстания.

Гитлер, как в свое время и Сталин (порой брал с него пример), был настолько уверен в своем стратегическом мышлении, что не сразу поверил в высадку союзников СССР в Нормандии. По его планам, это должно было произойти в самом узком месте Ла-Манша – в Па-де-Кале, куда он и нацелил свою бронетехнику. Требования генерал-фельдмаршала Роммеля о передислокации войск и артиллерии были им проигнорированы. В результате этого англо-американские союзники высадили здесь почти один миллион человек и 500 тысяч мест грузов. Кольцо вокруг Германии сжималось с катастрофической скоростью. Все основные и добровольно-вспомогательные войска были обречены на уничтожение и плен.

Но до этого на всех фронтах и в тылу шла кровопролитная бойня, которую остановить могли только двое: Гитлер и Сталин. Но, ни тот, ни другой не могли мыслить об этом. Вождизм взял верх. Им даже не важны были людские потери и слезы матерей.

...Третий Рейх пал! А оставшиеся потомки, с той и другой стороны, поделят Мир по своему усмотрению, скореехонько осудят виновных и расправятся с тремя миллионами пленными.

4.

После смерти Владимира Ильича Ленина не было покоя Иосифу Виссарионовичу Сталину. Его идею «всемирного коммунизма» видел он по-своему, вопреки «заветам Ленина». Вначале нужно было завоевать лидерство в партии большевиков, а затем проводить свои идеи и решения.

Наиболее тяжелым для него стали 1939 и 1940 годы. В это время в обществе и в партии зазвучало его «стратегическое мышление и лидерство». Ни одна газета, ни один митинг или собрание не проходили без упоминания его гениальности в руководстве страной. Глупо было бы думать, что он не понимал всего этого, но он это создал и он этому подчинялся. Везде Он и только Он. Особых причин отхода от этого у него не было: рывок в промышленности сделан, сельское хозяйство зажило колхозным укладом, военная мощь возрастает.

Но именно эти годы потребовали от него наибольшего напряжения. Нужно было ликвидировать «заговор военных», враждебные действия интеллигенции и ликвидировать все «шпионские гнезда». Верил ли он во все это разнообразие? И – за, и – против! Инстинкт бывшего экспроприатора богатств, говорил – «за», а опыт «глубин политических интриг» говорил – «нет». Все эти: «за» и «нет» давали ему возможность выстраивать свое суждение и действия. Вот и засиживался он не один год ночами в своём кабинете до самого утра. Теперь, как никогда, мог он диктовать свою волю, своё видение политических процессов. Ему верили и доверяли. Как не верить? Аграрная, разрушенная страна, не имеющая своей тяжёлой индустрии, стала одной из ведущих стран в мире! Как не верить?

Когда с его приходом к управлению страной были присоединены к СССР исконно русские земли Прибалтики и Польши? Как не верить? Когда, не сумев уговорить финнов отодвинуться подальше от Ленинграда, он силой заставил это сделать! А чего стоят великие стройки: Волго-Донской канал, Беломоро-Балтийский канал, метрополитен в Москве, ДнепрОГЭС, гиганты-заводы по всей стране? Да и создание СССР прошло под его руководством! О нем начали с боязнью говорить за границей, не говоря уж о хвалебных одах внутри страны.

На мировом уровне к СССР начали относиться как к могущественной державе, во главе которой стоит Он – Сталин! Если бы его спросили: «Какая цена этих достижений?» Он, скорее всего, ответил бы: «Какая разница? Был бы результат!».

Всё это мысленно перебирал он в памяти зимними ночами по крупицам, из раза в раз убеждая себя в необходимости похода в Европу. «Мировая революция» не давала ему покоя. Именно сейчас наступил этот момент!

... Гитлер шагнул войной в Европу – это хорошо! Чем дальше он пойдёт, тем больше будет ему противостояние, а ему – Сталину добрая помощь при походе на Гитлера. Гитлер Англию бомбит – тоже хорошо. Англичане будут ему помогать в походе против Гитлера. Американцы Гитлера давно уже не воспринимают. А это ещё один серьёзный союзник в его намерениях! Застрял Гитлер в Польше – хорошо! Пусть раскроет мощь своей техники. За три недели завоевал Францию – очень хорошо! Пусть поверит в свою непобедимость. Гитлер надолго увяз в своих военных походах в трёх направлениях – замечательно! Это и нужно! Нам же необходимо подтянуть к границе живую силу, танки, артиллерию, самолёты. И наступать, наступать, наступать! Всех бить танками, бронемашинами, самолетами, а в тыл выбросить миллионную армию воздушно-десантных войск.

Правда, война в Испании показала отставание нашей истребительной авиации конструкции Поликарпова (И-15, 16) против новейших немецких машин, но мы это быстро исправили, и сейчас в небо поднимутся новые модели самолетов: ЛАГГ, Миг, Як, штурмовик – ИЛ-2, и наша гордость – СУ-2. Уже сейчас на аэродромах вблизи границы самолётов больше, нежели у Гитлера. А чего стоят наши тяжёлые танки КВ-1 и КВ-2, опробованные в войне с Финляндией! У Гитлера вообще нет тяжёлых танков, а у нас сейчас всех

танков и артиллерии намного больше, чем во всех войсках Гитлера. Пора!

Иосиф Виссарионович вспомнил, как вздрогнули его верные соратники – члены Политбюро, когда он в августе 1939 года выложил им суть своего стратегического плана похода в Европу и распределение сил. Дрогнули «собратья», но согласились! А как можно было не согласиться, когда они вместе с ним создавали Миф о могуществе Страны социализма, во главе с товарищем Сталиным, и, как неотвратимое – внедрение этого опыта во всех странах – любыми средствами. И ещё он вспомнил, что его недавнее напутствие генштабистам прозвучало для них убийственно-жестко: «1941 год – наиболее благоприятное время для осуществления наших военных наступательных операций. Военная машина Германии в скором времени начнет пробуксовывать из-за ресурсного голода, и мы на «плечах» её войск войдём в Европу и защитим мир от фашизма! Готовьтесь!».

Сталин и мысли не допускал, что Гитлер его перехитрит! Однако это произошло 22 июня 1941 года ранним утром. В какой-то момент он даже растерялся от этой наглости и вероломства. Но сообщения шли: одно хуже другого. Разбиты все приграничные аэродромы и сожжены самолёты. Без авиаразведки артиллерия – слепая. В танковых частях не закончено переоборудование к наступлению. Крутом хаос и сумятица.

Армия, которая готовилась к наступлению, должна обороняться. Но она не готовилась к обороне. Не готовилась! Вот и пятится, бросая танки, артиллерию, сдаваясь в плен. Потери ужасающие: в боях под Ржевом погибла в окружении 39-я Армия; отрезана и погибла 2-я ударная Армия Власова; на Крымском фронте погибли 44, 47, 51-я армии; под Харьковом уничтожены 6, 9, 28 и 53-я армии; семь отдельных танковых и кавалерийских корпусов, потеряны

тысячи танков и орудий; стратегические запасы; миллионы солдат и офицеров сдались в плен или убиты. Прорван Южный фронт, и гитлеровцы беспрепятственно рванули на Кавказ и к Сталинграду. Если их не остановить, то наступит крах всему. Нужны жёсткие меры: штрафные батальоны, штрафные роты, заградотряды и расстрелы паникёров.

Не первый раз вспомнил Сталин своего недруга Троцкого и подписал приказ № 227.

*Не рождается зло от добра и обратно...
Различать их – нам взгляд человеческий дан!*

Омар Хайям

Глава третья

ЗМЕИНЫЕ УКУСЫ

1.

Меряет колесами вагонными поезд дорогу в Москву, отстукивает на стыках рельсов время, то убаюкивая, то замедляя его ход. Спит, убаюканный монотонностью движения, председатель колхоза «Сибирь» Нефедов Иван Степанович. Раскинул свое большое тело по всей полке, похрапывает, улыбаясь чему-то порой. Снится ему его могучая тайга и братишка Коля рядом с папаней. А вот и жена Анна. Только почему-то с ребенком на руках и удаляется от него. Он бежит за ней, а догнать не может. Заворочался, застонал и начал просыпаться.

На нижней полке молодой девичий голос декламировал:

- Придет внезапно: дверь откроет.
Занеет сердце, опалит.
Порою, ласковой улыбкой,
Смущаясь, молча, одарит.
А ты, влекомый ожиданьем,
Возможно, сразу не поймешь,
Что очарованный вниманьем,
За истину воспринял ложь.

Иван прислушался. А голос продолжал:

Не верьте тем, кто утверждает,
Мол, без любви спокойней жить.
Уверен, что они не знают:
Какое счастье – полюбить!

При последних словах в памяти всплыл сон: отец, тайга, Анна с ребенком на руках и ее удаление. «Что-то не ладное сон мне вещает», - подумал Иван, хотя не верил в вещи сны.

Чем ближе к Москве, тем горше и тревожней на душе Ивана. То ли это от сна, то ли от неизвестности, то ли...

Застучав по входным стрелкам, поезд медленно втачивал свое тело в Москву. Выйдя из вагона, Иван оторопел. Все спешат, суетятся, толкают друг друга, каждый норовит обойти, пролезть вперед, отругать. «Дом сумасшедших», - решил Иван и начал искать поверх голов фигуру дежурного милиционера. Пока тот проверил документы, подробно расспросил о цели приезда в столицу, пустой состав отогнали и на его место поставили другой. Гвалт и шум на перроне не смолкали. Получив от милиционера подробную информацию о пути следования к Петровской земледельческой и лесной академии, что на Лиственичной аллее, Иван, увлекаемый толпой, добрался до нужной остановки трамвая.

Пока с пересадками трясся в переполненных трамваях, обратил новоявленный житель Москвы внимание на непривычные вывески: «Центроовощ». «Внешторг», «Тео», «Поэзия и религия», «Религия и любовь» и очень много портретов Ленина и Сталина. Сталина было больше. Они красовались в витринах магазинов, на фасадах домов, в частных киосках и даже рядом с вывесками магазинов. «Удивительная любовь к вождям! - мелькнула мысль. - А может быть заискивают?».

Первый день прошел в столичной суете. Оформил пропуск в корпус обучения и общежития, поселением, про-

пиской, времени занятий по предметам, оформлением в учебной части.

В отделе кадров Ивана встретил до боли знакомый, крутошей мужчина. «Где я его видел? Где? - сверлила мысль. И вдруг, как озарение: Вяземский Константин Игнатьевич – полковник Колчаковской армии! Но почему он представился Игнатовым Константином Васильевичем? Почему?».

Иван долго и подробно давал ответы на задаваемые вопросы, а когда начал рассказывать о своем колхозе и его расположении – в глазах Игнатова проскочила искорка возбуждения. Но он тут же загасил ее и перевел разговор на другую тему. Расстались весьма холодно.

Учебный день начался с общего знакомства.

- Наша академия основана в 1865 году и названа в честь Великого Петра. Обучать вас будут известные ученые и практики. Все обучение построено в три составляющие: лекции по изучаемым предметам, закрепление на лабораторно-практических занятиях и, в заключение, практика на полях и скотных дворах нашего хозяйства с выездом в передовые колхозы Подмосковья, - звучал голос начальника курсов. - Через год проведем аттестацию и выдадим свидетельство. На сегодня распорядок такой: до обеда я вас познакомлю с общим устройством нашей академии, а после обеда, на нашем транспорте едем знакомиться с Москвой, - закончил он.

...В Москву поехали на двух грузовичках с оборудованными сиденьями. В каждой машине гид-проводник. На лицах слушателей прослеживалась какая-то особая радость от встречи со столицей и об услышанном.

- Первое упоминание о Москве встречается в Ипатьевской летописи и относится к 1147 году. С этого года ведется летоисчисление города. Множество свидетельств говорит о том, что первые поселения на этой территории появились

еще в каменном веке. К концу десятого века население Москвы и прилегающих земель составили два славянских племени: кривичи и вятичи. Вятичи были в основном народом тогдашнего городища между реками Неглинной и Москвой. Из разрозненных княжеств Москва постепенно превращается в центр самостоятельного большого княжества. Укрупнение Москвы началось от князя Даниила Невского, а затем его последователей: Андрея Боголюбского, Дмитрия Донского, Ивана Грозного, Бориса Годунова. Москва со временем крепла и стала теперь столицей СССР. Но городу частенько «не везло». В 1237 году его разорили монголо-татары, в 1382 году он серьезно пострадал от нашествия хана Тохтамыша, в 1571 году город завоевал крымский хан, а в 1610 году – польско-литовские войска, которые были изгнаны народными ополченцами под предводительством Минина и Пожарского. В 1812 году Москва была сдана французам. По Москве прокатился народный гнев: крестьянское восстание под руководством Ивана Болотникова, крестьянская война под предводительством Степана Разина, Стрелецкие бунты, крестьянская война под руководством Емельяна Пугачева, революционные выступления в 1900 году, в 1905 году и в 1917 году.

Царь Петр I перенес в 1712 году столицу России в Санкт-Петербург, а Советская власть вновь в 1918 году вернула Москве статус столицы России. И это действительно сердце России: по образованию, культуре, архитектуре. Улицы Москвы расширяются, сохраняя свой исторический наряд. Строится Метрополитен. Первая его очередь должна войти в строй в 1935 году.

Поднимаясь к мощеной площади, гид продолжал:

- Сейчас мы идем по Александровскому парку в сторону Красной площади, вдоль Кремлевской стены. С правой стороны – Мавзолей Владимира Ильича Ленина. Теперь свернём к Спасским воротам в Кремль. Прямо по ходу – ве-

личественный храм Василия Блаженного. В летописи он записан, как собор Покрова Пресвятой Богородицы на Рву. Построен в 16 веке. Если подняться на его верхотуру, то можно увидеть всю Москву.

Кремль не только место нахождения нашего Правительства, но и проживание его членов семей. Здание слева от нас – Совет Министров. Не останавливаясь и не ускоряя шаг, ведущий продолжил:

- Площадь Кремля в пределах 30 гектаров. Его форма – неправильный треугольник, выгороженный широкой кирпичной стеной с переходами к бойницам. С южной стороны течет река Москва. Кругом видны башни различной архитектуры. Их 20 штук. Дальше по порядку: Грановитая палата, Теремной дворец, Оружейная палата, Успенский собор, Архангельский и Благовещенский соборы, Арсенал. А вот там, на возвышенности расположена колокольня «Иван Великий». Внизу стоит огромный колокол весом в 200 тонн. Рядом – огромная пушка под названием «Царь-пушка». Ее, как устрашение врагам, отлили во второй половине шестнадцатого века.

Видя, что все от ходьбы устали, гид успокоил:

- Все эти места мы отдельно посетим по плану наших занятий. А теперь возвращаемся к мавзолею Ленина и посетим его усыпальницу.

От обилия информации, от картин увиденного Иван до того устал, что, не раздеваясь, прилег на свою койку, да и уснул. Проснулся от разговора своих соседей. Жили они в комнате втроем: Глушко Микола был из-под Киева, работал председателем колхоза «Червонный пахарь», Никита Скрябин был направлен председателем колхоза «Светлый путь» где-то в глубинке Ростовской области, по решению парткома завода, где он работал мастером цеха. Микола, зачастую, в разговоре в русскую речь вплетал украинские слова, от чего сказанное приобретало какой-то особый колорит. Ни-

кита же, слова произносил грамотно, выверено, будто рубил по разметке металл.

Иван прислушался.

- Многое мы о Ленине знаем, по многим вопросам нацеливал он партийцев на главные решения. Но я, как и многие наши заводские, не согласен с его лозунгом: «Религия – опиум для народа». Не церкви и храмы надо рушить и попов расстреливать, а через христианскую веру людей приобщать на свою страну. Да и тело его нужно было предать земле, как он и завещал. Убежден я, что надоедливая похвала и показуха - вызывают в мозгах отрыжку. А это плохо, Микола! - говорил Никита.

- А ты, Никита, не боишься так открыто и громко балакать? Ни?

- Нет, Микола! Мои слова – это мои мысли и моя правда!

- Ну, тогда слухай и мою мову про Ленина. Кажись, то было в конце февраля 1918 року. Красные командиры со своими отрядами покидали Киев, и немцы без особого сопротивления заняли город. Батько мий у то время на Подоле держал шинок. Я ему помогал и не один раз слышал рассказ немецкого офицера о Ленине. Говорил этот Карл-Густав на чистейшем русском языке и утверждал, что он родственник Карла Маркса и знает его теорию коммунизма. Так вот, по его словам выходило, что Ленин вообще немецкий наймит, и послан он немцами в Россию делать революцию. Дали много денег на это дело и препроводили его со своими сподвижниками в запечатанном вагоне через всю Германию. Еще он утверждал, что до февраля 1917 года Ленин не верил в возможность революции в России. Он утверждал, что пролетарская революция возможна в промышленно-развитой стране. А Россия – аграрная страна. И, вообще, он собирался перебраться в США на постоянное место житель-

ства и оттуда «разжигать революционный пожар в Европе». Но большие деньги все зробыли!

- Ты бы, Микола, со своими речами про Ленина поостерегся!

- Ни! Трошки еще добавлю!

- Нет, Микола! Хватит! - приказал Никита, показывая пальцем на Ивана.

«Не верят мне! Не доверяют!» - в сердцах подумал Иван и, молча, пошел умываться. Выросший на просторах тайги, привыкший к крестьянскому труду, к беззлобным отношениям соседей и колхозников, мерил Иван по жизни все на свой «аршин» доброты. И вот только что получил он первый урок недоверия. Поливая лицо холодной водой из-под крана, пытался он так охладить свое возмущение и сосредоточиться на принятии необходимого решения. Амбиций не было, а была обида и какая-то, еще не до конца понятая, несправедливость. Решив все поставить на «свое место» шагнул в комнату.

За столом хозяйничал Микола, изредка подавая указания Никите. На чистом рушнике высилась горка ноздреватого хлеба, десяток вареных яиц, крупными шматками нарезанное сало и посередине красовалась бутылка «Горилки».

- Сидай, Иванко! Трошки заморим утробу и побратымося, - простодушно улыбаясь, проговорил Микола. Никита в это время успел уже на троих разлить горилку. «Побратымося, так побратымося!» - с нажимом произнес Иван, и, встав из-за стола, заговорил:

- Нам вместе жить почти год, и я бы не хотел, чтобы было у нас между собой какое-то недоверие и мысли о предательстве. Возможно, я и уступаю вам в грамотёшке, но сибирское свое начало сохранил и сохраню до конца. В наших краях «стукчей» и предателей нет! И помыслов таких нет! Давайте верить друг другу и доверять! Это и будет нашим братством! Предлагаю за это и выпить!

Не ожидали соседи от своего молчуна-сибиряка таких слов. Выпили, чокнувшись поспешно с ним, и давай «молотить» молодыми зубами сало с хлебом. Правду говорят, что в здоровом теле – здоровый дух. Этот самый дух позвал трицу на продолжение застолья. Иван быстренько выудил из своих припасов вяленую медвежатину, добрый кусок ароматной конины и бутылку настойки на кедровых орехах. Никита выставил объемную банку черной икры и нарезал ломтиками сыр. Микола добавил сала, нарезал хлеба. И пошло, закружилось новоселье душой раскрепощенных мужчин, без яканья и похвальбы.

Неожиданно Микола обвел ласковым взглядом своих сотоварищей и прекрасным баритоном запел:

...Ох, очи, очи! Очи дивочи!

Страшно дивится, очи, на вас.

Где же вы, очи, плакать навчились?

Где вы навчились зводить людэй?..

В двери постучали. Микола прервал песню и, продолжая мурлыкать, пошел выяснять. Еще с коридора донеслось:

- Микола! Как тебе не стыдно? Когда уже приехал, а ко мне не заглянул! Срам-то какой!

- Наталочка! Прости меня, любонька моя!

Обнимая до удивления красивую девушку, в комнату вошел Микола.

- Други мои! Знакомьтесь! Это моя любимая сестренка Наталка. Могу похвастать – она студентка Московского архитектурного института. Но сейчас – зла-презла на меня!

Пока Микола говорил, Иван внимательно разглядывал гостью. Стоит рядом с братом стройная женщина с гибким станом и огромной русой косой через плечо. Ее огромные глаза за пушистыми ресницами при черных бровях притягивали к себе. Засмотревшись на эту красоту, Иван невольно поднялся из-за стола и усадил Наталку на свое место. Не

успели мужчины и глазом моргнуть, а на столе всё прибрано, всем разложены бутербродики с салом и каждому налита настоечка. Наталка выпивку не поддержала, а, обняв брата, наблюдала, улыбаясь, за захмелевшими мужчинами. Похоже, что кроме брата, она более внимательно следила за Иваном: как он говорит, как вскидывает брови, как нежно берёт в руки хлеб, как улыбается и как чётко излагает мысли.

Провожать Наталку пошли Иван и Микола, а Никиту оставили прибираться в комнате и заварить покрепче чай.

Пока шли – говорила только Наталка, сбиваясь иногда на украинскую «мову», при этом поправляя свою пышную косу. Прощаясь на трамвайной остановке, поцеловала брата, ласково дотронулась щекой до щеки Ивана и, уже с подножки трамвая послала им воздушный поцелуй.

Дни учебы складывались в недели, в месяцы. Иван увлекся обучением и подолгу засиживался в библиотеке. Все тридцать обучающихся председателей выбрали своим старостой Никиту, и теперь он ещё и вынужден был окунуться в работу командира. Наиболее тяжкими для Ивана были предметные лекции. Он не успевал вести записи, учебников же по курсу не было, а потому и налегал он на учебники по спецдисциплинам. Через две недели освоился и, даже немного прихвастнув, написал домой письмо. Ответа нет! Через месяц написал еще. Ответа нет!

Наталка стала частой гостьей брата. И появились в мужской «берлоге»: блинчики со сметаной, голубцы на сале. А по воскресным дням еще и украинский борщ. Мужчины ей в ответ – конфеты, фрукты. А Иван подарил ей букет цветов. Нравилась ему эта говорунья. Он даже ждать стал ее прихода. А когда она появлялась, пытался быть с ней рядом, и с каждым разом все затяжней расставались.

Из дома все нет писем и нет! Разные мысли роились в голове Ивана. Не выдержал и поделился своей тревогой с Никитой. Тот долго молчал, что-то обдумывал и выдал:

- Перехватывают твои письма! Похоже, за тобой установлена слежка! Будь предельно внимателен! У нас НКВД и ГПУ «просеивают» всех прибывших в Москву. Чего-то опасаются! А за сибиряками догляд особенный!

Столь частые гостевые визиты своей сестры, Микола расценил по своему разумению: «Наталка, кажись, втюрилась в Иванко! У него же жинка е! Шош робыть?» Так ничего и не придумав, решил за ними проследить и если надо – вмешаться. Если он шел ее провожать с Никитой, то она всю дорогу молчала. Но если с Иваном – щебетала весь путь, зачастую лаская того взглядом.

Через месяц таких «провожанок» Наталка начала появляться почти ежедневно. Однажды не пришел ночевать Иван. На вопрос: «Где пропал?» - ответил: - Заночевал у знакомого сибиряка». Затем отлучки участились. А когда в очередной раз пришла в гости Наталка, Микола всё понял и ахнул. Его цветущая, всегда румяная сестра осунулась, появилась под глазами синева. Но зато, при виде Ивана, глаза загорелись таким огнём любви, который невозможно было скрыть, даже ресницами. Никита понял все сразу и только озабоченно крикнул. Микола же растерялся. Ему правда нравился Иван за силу характера и несгибаемость воли, и за сестру был рад, что влюбилась. Но вот объект её любви был с серьёзным «прогоном» – женат. Хорошо, что детей у него нет, а то бы совсем «ратуйте».

Только было Микола собрался серьёзно поговорить с Иваном, а тот, будто угадав его намерения, заговорил с ним сам:

- Ты, Микола, меня и Наталку не вини! Дай нам самим разобраться в наших отношениях. Знай только – подлости я не совершу! Дай нам время!

Не знал Иван, что нет у него этого времени.

Вначале прошел слух, что арестовали кадровика Игнатова Константина Васильевича. Поговаривали, что он якобы колчаковский офицер. Затем арестовали ещё двоих педагогов и лаборанта кафедры химии за «подготовку теракта» в Кремле. Аресты профессорского состава вузов прокатились по всем учебным заведениям. Москва насторожилась. Из группы председателей колхозов арестовали вначале бывшего молодого подпольщика Наседкина. Ивана забрали прямо с занятий.

Допрос начался только через пять дней.

- Назовите себя полностью под запись!

- Нефедов Иван Степанович.

- Год и месяц рождения!

- 18 апреля 1908 года, село Сибирка.

- Кем работали до прибытия в Москву?

- Председатель колхоза «Сибирь».

- Был ли судим?

- Нет.

- Был ли связан с белогвардейцами?

- Нет.

- Откуда знаете колчаковского полковника Вяземского?

- Я его не знаю.

- Он утверждает, что ты был их проводником.

- Это ложь!

- Знаете ли Игнатова Константина Васильевича?

- Он начальник отдела кадров.

- Вы женаты?

- Да.

- Кем работает жена?

- Учительница в школе.

- С кем переписывались за семь месяцев пребывания на курсах?

- Безответно с женой.

- Где ваш брат Николай?
- Не знаю.
- А его семья?
- Не знаю.
- Почему все письма вашей жены оказались у Игнато-
ва?

- Не знаю.
- А может быть, ты всё же его знаешь?
- Нет.

После непродолжительной паузы.

- Прочитайте протокол и подпишите на каждой стра-
нице. Завтра продолжим!

Завтра не было.

На допрос вызвали на третий день. Допрашивал дру-
гой следователь. Вопросы почти те же. Неожиданно, между
словоблудием, прозвучало:

- Кто для вас полковник Захар Назаров?
- Полковника Назарова не знаю.
- Кого из белогвардейцев знаете?
- Никого.
- Может, освежить память?
- Я все помню и так.
- Где и зачем вы встречались с полковником Вязем-
ским?
- Я такого не знаю.
- Знакомы ли вы с секретарем ВКП(б) вашего района?
- Да.
- Насколько хорошо?
- Только по работе и партийным заданиям.
- Известно ли вам, что он белогвардейский шпион?
- Не имею понятия.
- Есть ли среди ваших колхозников враги Советской
власти?
- Это мне не известно.

Опять после продолжительной паузы:

- Подпишите протокол на каждой странице и до следующего раза.

Опять предварилровка. Сплошная интеллигенция. Некоторые избиты в кровь. Евреи молятся, христиане – матерятся. Но те и другие проклинают Коба.

Присев на край своих нар, Иван начал анализировать происходящее и сказанное. Постепенно в мозгу сложилось весьма стройное понимание: «Если Игнатов признался, что он полковник Вяземский, то либо это вранье, рассчитанное на мою трусливость, либо меня впрягают в одну с ним упряжку. Во всяком случае, мне нужно отказываться, даже при очной ставке. Гораздо хуже с братом Николаем! Где он – они знают. Ищут не его, а его семью, чтобы через них добиться каких-то признаний от него. Секретарь райкома либо уже арестован, либо подбираются к нему. Что им известно о наших взаимоотношениях? Практически – ничего! Но почему не проводят очную ставку с Вяземским? Это же козырная карта! Может быть, его уже и нет в живых? Надо настоять! Если не дадут, то козырная карта у меня!».

К концу третьей недели уже третий следователь объявил Ивану:

- У следователя нет доказательств вашей вражды Советской власти. Вы свободны! Продолжайте учебу!

Завшивленный, желтолицый, с впалыми глазами шагнул он за ворота СИЗО и тут же попал в объятия друзей. Страстнее всех была Наталка: целовала, обнимала, плакала и опять целовала.

Целую неделю отмывали его, откармливали, приводили в реальность для обучения. Микола угрожающе гнал от него сестру, а она упрямо была рядом и подкармливала, нахваливая то или иное яство. Добыла даже где-то кумыс.

Не успел Иван вновь втянуться в учебный процесс, как в деканат на его имя пришла телеграмма: «Выезжай срочно. Дома несчастье. Андрей».

Собрал Иван вечером свой походный чемодан, присел за стол, попрощался со своими жильцами, да и давай мысли гонять. Лицом даже сдал. Внезапно из-за стола поднялся Никита, быстренько скидал необходимое в свой чемодан, выговаривая: «Друзей в беде не бросают! Я, Ваня, с тобой поеду! Вдвоем легче все делать! И не спорь!».

- А как же я? - не то спросил, не то возмутился Микола.

- А ты, Микола, за нас будешь учиться и ждать. К встрече чтоб горилка была!- стараясь быть бодрым, сказал Никита и направился на выход.

...Мотает по рельсам вагон, мчится поезд из Москвы в Сибирь. Летят впереди поезда мысли Ивана. Не спится мужику. Даже водка «не берет». Хорошо, что Никита рядом, а то и мозгами можно «поехать». Никита спит, а может быть притворяется, но глаза плотно закрыты. Будоражит он Ивана, старается отогнать тяжелые мысли, рассмешить его. Порой удается, а когда не достигает цели, пользуется своим излюбленным приемом – критиковать себя, втягивая в разговор Ивана:

- Ну, какой я, Ваня, к черту председатель? Я же в этом деле ничего не петрю. Мое дело – механизмы, конвейерное производство. Это мое!

- А я ведь, Никита, с тобой согласен, - ответил Иван.- На земле должны работать люди, знающие крестьянство, болеющие душой за их дела. А все эти партийные посланцы – ересь несусветная. А вот применить бы твои знания к облегчению крестьянского труда, механизировать бы технологию производства – это было бы твоим!

- Ох, как же ты прав! - вставил Никита, улыбаясь в душе, что втянул товарища в разговор. - Как только подумаю о том, чем придется заниматься – совесть съедает.

- А ты возьми, да и откажись! посоветовал Иван. - Это будет честно!

- Но есть еще и партийная дисциплина, - парировал Никита.- Какие будут после этого решения?

- А где была наша партия, когда меня в кутузку спрятали? Где? - начал горячиться Иван. Кто меня защитил, кроме вас? Кто? Партия? Да меня до сих пор даже никто и не спросил! А разве те, кто арестовывал и допрашивал, – не члены партии? Молчишь, Никита? Молчишь! И все молчат. А в тюрьмах сидят видные ученые, интеллигенция. И все это творится под руководством нашей с тобой, Никита, партии. Подумай об этом, друг мой!

Смотрит Никита на разгорячившегося Ивана, а сам думает: «Вот это шевельнул сибирского медведя. Эх, выдаст! Молодец! Добрый руководитель! Ох, добрый! Однако голову потеряет! Горяч, но справедлив!».

Как ни старается Никита разными разговорами вытянуть Ивана из ямы черных мыслей, особо похвастать было нечем. «А что, если про охоту?» - внезапно появилась зацепка, и он начал:

- Ваня! У вас в Сибири, говорят, отменная охота!

- Что значит отменная?

- Ну, это такая запоминающаяся, обильная.

- Охота не должны быть обильной!

- Не понял!

- Отстреливать всякую дичь нужно в определенный срок и без жадности.

- Может, ещё и считать нужно?

- А ты как думал! В определенные годы ни боровую, ни водоплавающую дичь не стреляют. Популяцию всегда нужно охранять в необходимом размере. Иначе потеряется вид.

- И медведей нельзя отстреливать?

- Бывает, что и нельзя.

- Ваня, расскажи подробней, просвети меня.

- Каждая лесная тварь, Никита, нужна для баланса существования. К примеру: уничтожь медведя или волка, и некому будет уничтожать больных лосей, косуль, лисиц. Они ведь как санитары, и жить должны только здоровые особи, иначе будет хилое потомство и массовый мор. Высуши болото – не будет комаров. Не будет комаров – исчезнут птицы. Все, Никита, взаимосвязано. А глупый человек с ружьем – это вредитель!

- У вас, Ваня, что – плановость в охоте?

- Бывает и так!

- Как это?

- Мы, Никита, зверя считываем по следам. Если зверя много – охотимся. Если мало – не смей. Раньше, когда до колхоза мы жили общиной, были годы, когда даже рыбу разрешали ловить по счету на двор. Не говоря уж о лосях и косулях. На медведя и волка охотятся самые опытные охотники. Они и регулируют их наличие.

- А как же медведи-шатуны?

- Это опасный зверь! Но его не всегда отстреливают. За ним особый догляд. Зачастую голод гонит его к хозяйствам. Это беда! Надо убивать!

- А я, Ваня, тоже люблю побродить с ружьем. Стрелок я неплохой, а вот охотник – хреновый. По природе я мечтатель. В тех далеких днях детства мною владела мечта путешествий. Глядя на облака в небе, уносился я в мечтах в далекие страны, открывал новые земли, защищал туземцев. Я мог часами представлять себе, смотря как бы сверху, на проплывающие снежные вершины, голубые моря, леса, серебряные реки. Я завидовал птицам. Их радостная свобода манила меня. С особенным восхищением смотрел я на пролетающих журавлей. Это было детство, а то, что я сейчас сказал, словесно, сформировалось из книг. Теперь же, будучи взрослым человеком, беру ружье и отправляюсь бро-

дить по самым глухим местам нашего края. Там я отдыхаю! Там я один на один с природой. А ружье – это для форсу.

За такими душевными разговорами скоротали друзья время пути до станции «Узловая». Еще один день потратили на то, чтобы добраться до Сибири. Пока ехали, Никита зачарованно смотрел на величие тайги, на её особую силу и спокойствие. «Вот и у Ивана такой характер», - решил он.

К председательскому дому подходили уже затемно. Обычно жена подолгу засиживалась в зале за проверкой тетрадей, и окна светились до самой ночи. Предчувствуя что-то совсем плохое, Иван в два прыжка заскочил на крыльцо и начал барабанить в дверь. Через какое-то время засветилась веранда, и из дома вышел Володя. Увидев Ивана, бросился ему на грудь и заплакал. Сквозь всхлипы можно было разобрать лишь: «Умерла... она умерла».

- Кто умер? - взревел Иван, тряся парнишку.

- Анна Игнатьевна умерла при родах, - кое-как выдавил он из себя.

Поплыло у Ивана все перед глазами, слова застряли в горле, ударило что-то по голове, и он, качнувшись, начал приседать. Начал приходить в себя и мыслить уже в доме, когда Никита плеснул ему в лицо холодной водой. Не было слов, не было слез. Окаменело все: нутро, сознание, тело. Куда не посмотрит – везде Аня.

Пока Никита приводил в чувство Ивана, Вова сбегал за отцом и Крикуновыми. На немой вопрос Ивана говорить начала Аглая Кирилловна:

- После твоего отъезда, Ваня, всё у нас пошло своим чередом: Аня работала, Вова содержал хозяйство, а мы с Андреем во всём им помогали. Где-то через месяц призналась она мне, что беременна. От счастья даже светилась. Все приговаривала: «Вот Ваня обрадуется, когда узнает!». Ежемесячно писала письма, а ответа нет. Начала волноваться, схуднула вся. Я уж от нее не отходила, подбадривала,

как могла. Вроде даже успокоилась. Начала нормально кушать, ребенок особо её не беспокоил. «Буйный. Весь в отца!» - частенько проговаривала она, смеясь, ощущая толчки из нутра. А глаза, Ваня, все равно печальные. Ждала писем от тебя.

Все было бы нормально, но однажды вечером прибыли с обыском сотрудники НКВД. Все перевернули, все простучали, даже в погребке ковырялись. На все вопросы они отмачивались. Недели через две обыск повторился. Вот после этого её и скрутило. Начались преждевременные роды. Пока сбегали к геологам, пока на их машине протрясли её до райцентра, – начала исходить кровью и потеряла сознание. Ребенок, Ваня, родился в семь месяцев, а Аня умерла.

- Где их похоронили? - кое-как выдавил из себя Иван.

- Кого их? - недоумевающая, спросила Аглая Кирилловна.

- Аню с ребенком! - крикнул хрипло Иван.

- Анну Игнатьевну похоронили на нашем кладбище, а ребенок жив и набирает вес. Дома он у нас! А что ему делается? Дудонит титьку, как клещук.

Вот тут-то Иван совсем потерял голову: бегает по комнате, натывается на все, что на пути и плачет. Горькими крупными слезами плачет. Прорвало!

К дому Крикуновых Иван не бежал, а летел. Только Володя и смог его догнать.

- Дядя Ваня! А я знаю, что в доме искали, - проговорил между вдохами от бега.

- И что? – не задумываясь, спросил Иван.

- Именной пистолет Вяземского!

-А где он?

- Я его сразу же спрятал в свой валенок, а потом отдал папе.

- Вот почему они меня отпустили! Не нашли улику подтверждения признания Вяземского! - вдруг проговорил Иван и благодарно обнял племянника.

...Стоит взрослый, седеющий мужчина над маленьким тельцем сына, смотрит на его пухленькие щечки, боится взять на руки, а только горько вздыхает.

- У нас в хуторе в это время родила раскулаченная, вот я ее и уговорил быть кормилицей. А она оказалась еще и медиком. Долго возилась с ним, но выходила, откормила. Теперь сама по три раза на день прибегает кормить и обследовать. Так и растим твоего сына, Иван!

- Ты почему не писал? - немного погодя, спросил Андрей.

- Я-то писал! Ответов не было! Только в тюрьме узнал всю правду,- глубоко вздохнув, ответил Иван.

- Как в тюрьме?

- Арестовали за связь с белогвардейцами. Долго допрашивали, но, не найдя улики, отпустили. Думаю, что на этом не закончится!

- Могут опять арестовать?

- Могут, Андрюша! И тебя могут! Будь к этому готов! Страна наша стала тюрьмой!

Ранним утром, без свидетелей отправился Иван на могилку, упал на камень перед холмиком захоронения жены и заговорил, выплёскивая из себя слова, вместо слез.

- Аннушка! Жена моя верная! Верю, что при встрече на том свете ты меня простишь за мою измену. Видно, не завладела ты мной полностью, а я оказался предателем твоей любви. Я знаю, что за все мои похождения Судьба меня накажет. Накажет жестоко, но справедливо. Справедливо – за измену тебе. Жестоко – за любовь к другой женщине. Прости меня, родная! Мое предательство ты покрыла своей смертью, а это удесятерит мою вину перед тобой. За сыночка – жданочку мою, благодарю особо. В труде и в любых муках я вложу в его душу – часть твоей души и сделаю все, чтобы в его памяти ты была всегда живой. Ты видишь, Аннушка, я не плачу! Нет слез! Все внутри пересохло!

Трижды держал ствол нагана у своего виска и трижды от рокового выстрела удержал меня наш сын! Я теперь, Аня, перед ним в ответе за твою смерть!

Прощай, родная! Не кори меня! Скоро, ох, скоро, по-хоже, увидимся!

Иван поднялся с колен, погладил еще свежую землю могильного холмика, поклонился кресту и заспешил к людям, к тем, кто горе его делили и делят сейчас. Бегом, бегом к сыну и к ним!

Не добежал, не дошел. Присел на чью-то завалинку дома и заплакал.

Обедали всем большим семейством, молча. Даже прибежавшая Маша Маслова словом не обмолвилась, только, глядя на Ивана, вытирала обильные слезы.

Неожиданно Иван отложил в сторону ложку и заявил:

- Назад, Никита, поедешь один! Я остаюсь здесь рядом с сыном!

- Не дури, Ваня! Надо доучиться! Сын твой в надежных руках, при заботе! За три месяца с ним ничего не случится. Я правильно говорю, Андрей?

- Верно! - моментом ответил Андрей.

- Только так! - подала свой голос Маша. Именем Кольеньки моего заклинаю тебя, Ваня – не делай глупость! Возвращайся на учебу! Там и боль поутихнет!

... Никита видел, что дорога назад в Москву для Ивана была болевым шоком. Как ни старался он рассказами, шутками расшевелить его – результат нулевой. До самой Москвы промолчал, гоняя свои мысли. Лицом почернел, и в его еще богатом чубе обильно проросла седина.

- Нас наверняка будут встречать сейчас на вокзале Микола с Наталкой, - предположил Никита.

- Навряд ли, - безразлично, как показалось Никите, сказал Иван.

- Встретят! Я им телеграммку успел с «Узловой» отстучать.

- Может быть. Может быть, - скрывая волнение, среагировал Иван и, что бы скрыть свое нетерпение, начал спешно укладывать вещи.

Как и предполагал Никита, их встретили. Но Микола был один.

- Где Наталка? - не вытерпел Иван.

- Хибо ж я знаю, - не глядя на Ивана, ответил Микола и переключился тут же на разговор с Никитой.

А Москва была уже не той прежней, шумной. Ивану показалось, что на всех ее жителей легла какая-то тень: не то страха, не то горя. Да и старые стены высотных домов прижимали всякого пешехода, превращая его с высоты - в букашку, которую раздавить могут в любое время. Люди старались не разговаривать друг с другом, а если приходилось, то постоянно озирались по сторонам, будто искали «большие уши».

Микола слово своё перед жильцами сдержал. Стол был накрыт для плотного обеда и долгой посиделки. Удивительно, но кроме картошки со шкварками, большими варениками и салом, был ещё и наваристый украинский борщ. В центре стола красовалась литровая бутылка горилки с перцем. Даже беглым взглядом можно было определить, что в приготовлении женщина участия не принимала.

За столом разговор начал Никита с тоста:

Святая влага! Я топлю

В ней долю горькую мою:

На дне веселье – пью до дна.

Пью и смеюсь... Еще вина!

После второй порции горилки и плотной закуси расслабились и разговорились. Если Ивана и Никиту интересовали, кроме общих житейских проблем, ещё и вопросы дел

на курсе, то Микола, после полной информации по поездке в Сибирь, начал ерзать и умудрился куда-то исчезнуть.

Не успели мужчины выпить стопочку успокоительного напитка, как задыхаясь, прибежала Наталка, и, никого не стесняясь, припала к Ивану и начала осыпать его поцелуями, приговаривая: «Миленький! Я всё знаю! Буду с тобой в радости и в горе! А детей наших я выращу!».

- Каких наших? - оторопело спросил Иван.

- Беременная я, Ванечка! Третий месяц пошёл. Хотела аборт сделать, да Миколка не разрешил! Уж очень он в тебе уверен!

- А ты? - опять оторопело спросил Иван.

- А я с тобой, любый мой! Хоть на край света! Ты только позови! - твердо ответила Наталка и заплакала.

Иван нежно обнял Наталку, крепко прижал к себе и, обращаясь ко всем, произнес:

- Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Поднял свою стопку и добавил:

- За радость жизни! за Наталку! За нас!

Микола за всем происходящим между сестрой и Иваном наблюдал влюбленными глазами и каждый раз повторял: «Вот и гарно! Гарно! Любо!».

Наталку провожали втроем. Улучшив момент, Никита склонился к уху Ивана и спросил:

- Откуда ты, сибирский медведь, знаешь поэта Брюсова?

- Оттуда же, где и ты заводский клепала, знаешь Бёрнса!

Разом вместе прыснули. Наталка, ничего не поняв, посмотрела недоуменно на обоих и ещё крепче прижалась к Ивану.

...Россия, как и судьба человека – непредсказуема.

Наталка успешно закончила очередной курс и поджидала председателей с выпускного вечера. Договорились через два дня ехать на Украину в гости к Миколе с Наталкой, а за одним познакомиться с Ивановой будущей тещей.

Вечером «обмыли» свои дипломы и удовлетворённые под утро уснули.

Разбудил их громкий стук в дверь комнаты. Иван открыл, и моментально на его руках защелкнулись наручники.

- Гражданин Нефедов Иван Степанович, вы арестованы! Оденьтесь и следуйте за нами!

- По какому праву? - возмущенно крикнул Никита.

- Всем оставаться на местах! В случае неповиновения – применяю оружие! - крикнул один из сотрудников НКВД, пока другой следил за сбором Ивана.

Иван только успел прощально махнуть друзьям головой, как тут же его толкнули на выход в спину.

За все время совместного проживания мужчины плакали навзрыд...

2.

Вторую неделю Ивана не вызывают на допрос. Вторую неделю он повторяет следователю Медведеву одно и то же, что не организовывал в своём колхозе группу террористов из раскулаченных под руководством колчаковского приспешника Полторанина Игната Савельевича, который «втёрся» в ряды ВКП(б) и стал секретарём районной партийной организации. Не добившись от него признания допросами днём, чекисты начали вызывать на допрос ночью, не разрешая днём спать в карцере.

Через трое суток подкашивались ноги. На допросы уже не вели, а волокли. После того, как он опять не сознался – начали бить ногами. Били по голове, пинали сапогами по ребрам лежащего. Требование одно: признаться в организации преступной группы и подписать протокол. Но он и на этот раз не согласился. Тогда ему сделали «скрутку». Это, когда связанные за спиной руки и ступни ног одной веревкой накручивают палкой до хруста в суставах и адской боли в позвоночнике. На этот раз Иван не вытерпел, и, теряя сознание, подписал протокол признания о содеянном. В таком полубморочном состоянии кинули его в камеру.

Очнулся от резкой боли в плече. Открыл глаза и увидел склонившегося над собой седовласого мужчину, умело ощупывающего его тело.

- Тихо! Тихо, голубчик! У вас, молодой человек, вывих плечевого сустава и повреждение стопы ноги. Все суставы я поправил, но нужны тугие повязки и покой. А пока наложим вначале компресс из подручных средств лечения. При этих словах очкарик снял с Ивана нательную рубашку, разорвал на широкие полосы и с двумя лоскутами пошел к «параше». Упросил двух сокамерников «помочь» на тряпки и, не выжимая их, начал накладывать компресс. Справившись, затянул крепко повязку и впервые улыбнулся.

- Мы вас, голубчик, уже похоронили. Здесь это делается быстро. Но коли вас не расстреляли, то пойдёте по этапу. Вы протоколы допроса подписали?

- Да!

- Подтвердили, что враг?

- Да!

- Ничего, ничего! В нашей камере все подписали: кто-то сразу, а кто-то после допросов «с пристрастием». Все подписанты обеспечили себе 58 статью на разные сроки. Вы-то выдержите, а я –уже нет. Так и закончится моя карьера ученого-медика где-нибудь на лесоповале. Помолчал,

покачивая своей седой головой, и каким-то грудным голо- сом добавил: «Что вытворяют! Что вытворяют эти оприч- ники нового Ивана Грозного!». Закрыв лицо руками, чтобы не видели его слёз, устроился на нары рядом с Иваном и шёпотом начал молиться.

Впервые Иван проспал целые сутки. Сокамерники не стали его будить даже во время раздачи баланды. Проснулся от острейшего приступа голода, от этого началось голово- кружение. Хорошо, что в это время началась раздача обеда.

Утолив голод, Иван опять уснул. Приснилась ему его знакомая тайга. Идёт он к ней, ищет знакомую тропу, а её нет. Да и тайга не та: кругом бурелом и обгоревшие стволы деревьев. Всего-то и осталось от её бывшего могущества – колки красавиц-берез. Играют в их листве лучи восходяще- го солнца, и доносится стон земной от поверженного леса. Заметил, что сквозь весь этот лесоповал пробились к небу мелкие сосёнки, ещё светло-зелёные, но уже с серыми ши- шечками на концах. А в логах лежит снег, но он не тает, и нет тихого пения ручейков, даже птичьих голосов нет.

Испугался. Бежит, прыгая по пенькам и упавшим стволам, а сзади слышен голос следователя Медведева: «Все скачешь, вражина? По косточкам разберём, но призна- ешься!». Упал. Пополз от этого голоса подальше, подальше. Голос всё равно настигает. И будто это уже не голос Мед- ведева, а самого Сталина. И смеётся он над ним, над его па- дением. Собрал Иван последние силы, рванулся вперед к солнцу, а там пропасть и нет знакомой тропы, чтобы увер- нуть. Сорвался и полетел вниз, громко крича от страха. Кричал настолько громко, что от крика этого проснулся,

Ещё полностью не отойдя от сна, услышал голос сосе- да по нарам:

- Вы так громко кричали, молодой человек, что мно- гие проснулись. Наверное, было страшно?

- Было и очень.

- Страх, молодой человек, зарождается от боли тела и души. Давайте проверим ваши бинты, компрессы и, за одним, суставы.

Долго колдовал этот добрый старичок над телом Ивана, больно впиваясь своими сильными пальцами рук в изувеченные места, вынуждая его стонать от боли.

- Все хорошо, молодой человек! Косточки целы, суставчики работают, кровь циркулирует, опухоль отступает. Ещё две-три повязочки с компрессом, и вы будете как новенький. А то, что запах от вас, так это от мочи. И это пройдёт, молодой человек. А вот шрам на лбу у вас останется. Чем отметку эту сотворили?

- Пистолетом.

- И после этого вы, конечно, признались, что готовили покушение на товарища Сталина?

- Нет! Признался, что были бандитские намерения покушения на колхозный строй, когда начали выворачивать суставы.

- А почему именно колхозного?

- Председателем колхоза я работал. Зовут меня Нефедовым Иваном Степановичем. А вас?

- А я, молодой человек, Герш Арнольд Давидович – профессор Первого медицинского института имени Сеченова.

- Вас-то за что сюда?

- Похоже, за знакомство с «врагами народа» и оказание им медицинской помощи.

- И вы с этим согласились?

- Согласился, молодой человек! Согласился, Иван Степанович! Согласился после первого удара по голове. Знаете ли, мне моя голова ещё пригодится. Может быть! Может быть!

Лязгнула металлическая дверь камеры и оттуда донеслось: «Нефедов! Герш! Соколов! Поручиков! Топорков, Цхеидзе! – на выход!

Завели в небольшой зальчик, и Председатель Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией зачитал всем одно и то же решение: статья 58 УК СССР – 10 лет без права переписки с отбыванием в спецлагерях.

После ознакомления осуждённых с решением, всех перевели в камеру подготовки к этапу. Помещение, хотя и было большим, но и заключенных было уже немало. В неделю к ним добавляли по 5-6 человек. Уже и мест на нарах не оставалось, а «враги народа» все поступали. Спали по очереди. Постепенно познакомились и разговорились. Много услышал Иван от своих сотоварищей. Иногда в своих рассказах смеялись над «тупостью» следователей, но чаще всего – возмущались. Лучшим собеседником для Ивана был Арнольд Давидович. Он доверительно рассказывал, при этом анализировал или комментировал, излагаемые факты:

- Мой старший брат, Михаил Давидович – известный в Москве профессор истории, дружил с Ароном Солыц – членом Президиума Центрального Комитета ЦК ВКП(б). Я с братом частенько бывал у того дома и, естественно, был свидетелем их дискуссий на политические темы. Иногда их дискуссии принимали «крутой» поворот, и мне приходилось применять свои медицинские знания. Но это было редко. В основном же все разговоры шли вокруг теории марксизма, мировой революции и зверств Сталина. Они настолько аргументировали свои суждения, что не поверить в них было невозможно. Я не политик и не историк, но живу, к счастью, не в вакууме и кое-что соображаю. И вот эти самые мои соображения порой заходили в тупик, и я от этого мучился. Но эти двое «расшивали» своими спорами многие мои сомнения. Как же я им благодарен!

Всё, о чём они говорили, нет-нет, да и возвращалось к личности Сталина в понимании основных постулатов Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Но вначале, Иван Степанович, начнём со Сталина. Кто он в прошлом? Резюме такое: недоучка священнослужитель, разбойник-грабитель, хиленький в прошлом партийный функционер. Его и держали-то на задворках партии большевиков. Самым ярким его партийным делом было ограбление Тифлисского банка вместе с Камо. А все остальные партийные «заслуги» он явно себе приписал. А тех, кто это видел и знал, он убирает со своей дороги восхождения во Власть. В силу мстительности и безжалостности «снимает он головы» всем тем, кто пытается с ним не согласиться или препятствовать ему.

Но Сталин – последователь марксистского учения. А оно, молодой человек, весьма и весьма вне понимания. Основное: отменяется бракосочетание и семья, женщины и мужчины в «свободной любви», дети национализируются, создаются трудовые армии и лагерное содержание всех и навсегда. А Фридрих Энгельс говорил об уничтожении всех сопротивляющихся. Вот оттуда, Иван Степанович, растут у змеи ноги! Вот оттуда начинаются действия Сталина! Но, по марксистскому учению, построение коммунистического общества должно идти поступательно, через революцию в стране с развитым капитализмом, а затем общая Мировая революция. Но, то ли по воле Бога, а может быть, Черта, все пошло не по марксистскому сценарию. Революция произошла в аграрной России. Опорой в дальнейшем должен быть пролетарий, а его мало. Зато много крестьян. Но они собственники. А Маркс формулировал свою программу четко – ликвидация частной собственности. Сталин эту рекомендацию выполнил, особенно по зажиточным крестьянам, а затем добрался и до остальных через колхозы. Но всякая собственность затрагивает всегда и везде экономический интерес. Неизбежно от этого – возмущение и сопротивление.

Нужна крепкая власть, которая могла бы управлять всей собственностью и держать всех в повиновении своей политики. Вот и побежала цепочка: рост бюрократии и концлагеря.

Всякая политика, Иван Степанович, – это борьба за определенные цели. Но чтобы идеи воплотить в жизнь, нужна Власть. Представьте себе на минутку, молодой человек, что удалось создать Власть, а идея ошибочна. Что произойдет с политикой? Не знаете? А политика, находясь в руках Власти, будет пытаться через силу этой Власти двигаться вперед. Все это и происходит сейчас с идеей Мировой революции. Ее искусственно через силу Москвы и Коминтерна Сталин пытается насаждать в других странах.

- Как? - заинтересованно спросил Иван.

- Арон Сольц и мой брат нарисовали простейшую схему. Принцип таков: в большинстве крупных стран формируются на марксистской основе компартии и финансируются они из Москвы. Нужны кадры – пожалуйста, вот вам Коминтерн в Москве. Нужен общий координатор – вот вам московский Сталин. Сталин мечтает и стремится стать мировым лидером. Но здесь раз за разом – осечки. Во многих странах коммунистов не признают, а их лидеров тем более. Значит, нужно их держать и содержать в Москве (лучше в Крыму): кормить, поить, а в нужный момент отправить домой для совершения революции. И здесь крах! Захлебнулась революция в Германии, Венгрии, а она должна была «разжечь мировой пожар». Это же произошло и в других странах. Идея Коминтерна рушится! Нужен выход. И Сталин его находит в лице «вражеских сил» Коминтерна. Благо все организации Коминтерна и его органы находятся в Москве. Началась «чистка». Сталин «рубил шашкой» своих и чужих.

Мои спорщики называли уйму имен и государств, но я, Иван Степанович, всего не запомнил. Но вот основные:

...советские работники Коминтерна: Пятницкий, Рафаэль Хитаров, Павел Миф, Алиханов, Смолянский, Сафаров, Трилиссер.

...из Венгрии: Бела Кун. Карикаш, Боканьи, Габор, Мадьяр.

...из Польши: Юлиан, Лещинский-Ленский, Ворский, Мария Кашутская, Прутняк и все руководители Коминтерна. Решением Коминтерна была распущена полностью вся польская компартия. Пострадали компартии Западной Украины и Белоруссии: Вальф, Логинович, Майский.

...не избежали репрессий члены ЦК Компартий Эстонии, Латвии и Литвы: Пегельман, Анвелет, Берзин, Круминь, Паузер. Тысячи политэмигрантов были арестованы. Закрыли латышское отделение в Ленинграде.

...арестовали коммунистов Бессарабии, Ирана, Турции, Румынии. Погиб лидер партии Ирана Султан-Заде. Арестовали лидера компартии Мексики Гомеса.

...из Югославии: Бишкович, Милан Гаркич, Чопик, Цилига. Тито же сбежал домой и скрылся.

...из Болгарии: Искров, Попов, Танев и сотни других.

...из Китая: Го Шаотан и его товарищи по партии.

...из Индии: Мукерджи, Лохано.

...из Кореи: ликвидированы все члены секции Коминтерна.

...из Германии: Герман Реммелье, Фриц Шульке, Герман Шуберг и сотни других членов КПГ.

...из Австрии: все члены шуцбунда, бывшие в СССР, после провала вооруженного выступления в 1934 году, оказались в тюрьме.

...Пострадали коммунисты Италии, Бельгии, Турции, Англии, Румынии, Монголии, Франции, Испании, Бразилии.

...Уничтожение лидеров компартий вызвало бурный «отток» их членов. Коминтерн был ликвидирован, его основным ленинцем-вдохновителем Сталиным.

...В конце 1930 года пришлось закрыть все школы Коминтерна. Учить некого!

- Арнольд Давидович! А где сейчас Сольц и ваш брат? - спросил Иван, видя, как закипают слёзы на глазах рассказчика.

- Арона Сольца после выступления против действий Сталина, прокурор Вышинский и сам Сталин спрятали в психушку. Следом арестовали брата и меня. Если я погибну, то прошу Вас, Иван Степанович, донести до потомков все, о чём я рассказал, и что сохранилось в памяти.

- А если погибну я?

- Вы молоды, сынок! Вы будете жить и должны жить во имя жизни всех в будущем. Скоро все ваши болячки я устранию, и вы окрепнете телом и душой. Вы, Иван Степанович, должны выжить ещё и потому, чтобы донести до всех, что не мы «враги народа», а самым кровавым врагом своего народа является Сталин. Он болен Властью, он кровожаден, у него паранойя. Всякого умного и грамотного он убирает со своего пути, невзирая на заслуги перед государством.

...В перенаселенной камере было невыносимо душно. Спертый воздух не утолял организм кислородом. Избитые заключенные, зачастую с повреждёнными ребрами, в изнеможении, задыхаясь, падали на пол, разрывая на груди одежду. Выход нашел профессор-микробиолог Ветеринарной академии. Видя мучения людей, проанализировал движение воздуха и, убедившись в притоке около двери камеры, установил режим «подкачки кислорода». По установленной им очередности, и при его же контроле, подходили небольшие группы заключенных, становились на колени у самого порога и хватали более свежий воздух ртом и носом.

Мало-помалу ликвидировали, таким образом, кислородный голод. Все сокамерники называли своего спасителя уважительно Алексеем Алексеевичем.

В момент откровения он рассказывал:

- На одной из своих лекций перед студентами я высказал мысль, что необоснованно из науки убираются видные ученые, и привел примеры:

...Арестован секретарь Академии наук СССР академик Горбунов, бывший личный секретарь Ленина.

...Арестован Президент АН БССР Сурта.

...Нет сегодня учёного-географа Богданова; Эононстова; Круминя, Барханова, Одинцова.

...Подверглись репрессиям физики: Берг, Ландау, Лукирский, Некрасов, Фредерикс, Витт.

...Арестован генетик Агол, генетик-медик Левит, академик Муранов, академик Мейстер, академик Кольцов, академик Вавилов и его ученики.

...В науке нет сегодня видных ученых: Тулайкова, Цинхадзе, Здоровского, Надсона, Мехоношина, Знаменского, Михеева, Хольцмана, Коха.

В заключение своей лекции, обращаясь к студентам, я сказал: «Знания не должны зависеть от политики и правителей. Знания и открытия должны принадлежать всем, и это большое преступление, когда все достигнутое уничтожается!».

Через три дня меня арестовали!

Во время одной из «подкачек» Иван и Арнольд Давидович слышали разговор группы инженеров:

- Такое ощущение, что инженерную мысль у нас в стране Сталин и его опричники пытаются спустить в сортир, - заявил бородатый в очках.

- Только подойдешь к решению проблемы, как тут же тебя по рукам или в камеру, - добавил молодой.

- Если бы не эти наиглупейшие репрессии наших сподвижников, мы давно уже были бы в космосе! - опять встал бородатый.

- Воссоединить бы опять воедино наших мыслителей: Харламова, Туполева, Петлякова, Немана, Бартини, Колчанова, Джорджавадзе, Ланге; радиолокационщиков Ощепкова, Смиронова, Летеизена. Вот это был бы скачок вперед! - подал голос избитый седовласый мужчина.

- Не дадут! В стране дураков – умные не нужны, иначе дурь правителей будет видна, - вставил совсем еще юный собеседник. Немного подумав, добавил: - Возможно, когда петух в заднее место клюнет!

- Боюсь, коллеги, что это произойдет намного раньше, чем мы предполагаем! - в заключение сказал бородатый очкарик.

- Арнольд Давидович! Зачем Сталин так жестоко уничтожает своих людей? Должна же быть в этом какая-то цель? - укладывая больную ногу, задал вопрос Иван.

- Совсем недавно точно такой же вопрос во время встречи я задал мудрому Арону Сольцу.

- И каков ответ?

- Весьма сложный, но предельно убедительный. Попробую вам, Иван Степанович, его пересказать, - собираясь с мыслью, ответил Арнольд Давидович. Для этого нам необходимо вернуться к началу нашего разговора. Итак, Ленина с его марксовской идеей Мировой революции не стало. Хитростью, интригами, уничтожением своих соратников Власть взял бывший боевик Сталин. Это власть единоличного Хозяина. Всевозможные ЦК, Президиумы, Советы – это мишура около его Власти. Для поддержания её он сформировал сильнейшую службу НКВД. Действия её беспредельны. Практически создан механизм перемалывания людей с ведома Его Величества. Но он не отступает от идеи мировой революции. Однако первая попытка поднять лю-

дей на эти цели за рубежом – провалилась. Чтобы как-то найти объяснение этому, нужен был «враг». Сталин его определил в лице слабого руководства Интернационала и зарубежных компартий. Всех разогнал и уничтожил. Что делать? Сталин приходит к решению сделать передышку, то есть накопить силы и затем – вперед. Ему это удастся. СССР за весьма короткий срок сделал рывок вперед по промышленности, образованию, науке. Казалось, закрепляй достижения и действуй дальше. Вот тут-то и «зарыта собака». Ждать нельзя: вперед уходят соседние европейские страны. Можно организовать от них занавес, но тогда образуется полная изоляция и о никакой мировой революции у нас не может быть и речи. И Сталин нашел решение!

- Какое? - не удержался Иван.

- Война! - помедлив, ответил Арнольд Давидович.

- Да как же так? - опять спросил Иван.

- Маркс, Энгельс, Ленин и теперь Сталин считали, что Мировая революция возможна только в результате мировой войны. Еще при жизни Ленин говорил: «Пока остались капитализм и социализм, они мирно жить не могут: либо одно, либо другое, в конце концов, победит; либо по Советской республике будут петь панихиды, либо – по мировому капитализму. Победа в новой войне – это захват Германии, Франции, Италии, Испании. А дальше – коммунизм на всей планете.

- Неужели война неизбежна? - озабоченно спросил Иван.

- Пока у власти коммунисты со Сталиным, это – да! Притом – скоро, молодой человек! СССР готовится к этому! - уверенно ответил Арнольд Давидович и настороженно замолчал.

С шумом раскрылась дверь камеры и оттуда прозвучала команда:

- С вещами на выход! Шевелись, вражьи морды!

Через час распихали всех уплотненно по вагонам, выставили охрану и помчались души пока ещё живых людей на Запад, на Север, по определенной не Богом дороге Судеб. И никто из них не знал – когда будет конец их мучениям, а многие молили об этом, проклиная своих мучителей. Как заключительный аккорд звучал стих:

Мы мочу называли – «сакэ»,
Пили, жажду и страх унимая;
На расстрел поведут на заре,
В тёплый день наступившего мая.
Десять дней в темноте при клопах
И таких же ночей с пересудом;
Поравняли нас всех здесь в правах:
Перед Богом, Аллахом, Иудой!
Под скрип замков шагнём мы в свет,
Попарно выставят нас к стенке;
И, проклиная этот Свет,
Уйдём в другой – по переменке!

3.

Председателя колхоза Нефедова Николая Степановича не судили, а просто осудили по 58 статье Уголовного Кодекса на десять лет без права переписки. И протоколов он не подписывал, и суда не было. Всё за него сделали другие. После зачтения решения Комиссии стал он ничтожным человечешком в общей массе всех «врагов народа» за номером 500. Номер и статью он должен был знать наяву, в бреду и во сне. Если, не дай Бог, что-то напутал в очередности названия или невнятно произнес – зуботычина обеспечена. Сдачу дать в ответ – не смей: убьют сразу. Не вытерпел как-

то один из арестованных в 1939 году, увернулся от удара и нанес встречный зубодробящий удар. Застрели тут же.

Не одну неделю везли в Краснотурьинск Северного Урала большую партию заключенных. Здесь их рассортировали и этапом погнали к местам назначения. Николаю выпал этап в поселок Сосьва. Долго волочились вдоль берега реки Сосьва, пока не увидели что-то наподобие хуторка за железнодорожной насыпью. В колонне их было человек двести. И предстояло им построить в самый короткий срок лагерь для размещения пяти тысяч заключенных с обслуживанием, охраной, управлением. А там, кроме шести домиков с покосившимися окнами, да пяти бывших землянок – ничегошеньки. Зато колючей проволоки было заготовлено не на одну армию.

Вначале обследовали состояние покинутых домиков, может быть, даже выселенных жителей. Один из них начальник строительства определил под свое управление. Два других – под охрану. Ещё один, что стоял ближе к землянкам, для проживания был не пригоден, но пригодился под пищеблок.

Выяснилось, что во время Гражданской войны в этом месте располагался партизанский отряд. Жили в добротном сооруженных землянках с печами – по двадцать человек. Внутренние стены «забраны» в паз, потолок: бревнышко к бревнышку, верх покрыт пластами бересты. После изгнания с этих мест белогвардейцев, организовали местные мужики небольшую артельку. Мастерили бочки из кедра, готовили сани-розвальни, кошовки, телеги, гнули дуги. Кроме этого, ловили рыбу, благо позволяли реки. С Запада подходила река Сосьва, с Севера – Тавда и неподалече с Юга – река Тура. Построили мужики себе домики для проживания и для организации столярок, да разделки рыбы. Землянки держали под хранение готовых изделий, для хранения заготовок, для работы, и под скотину.

В Сибири скот зимой днём держали в загоне, около стогов сена, с проходом на ночь в укрытие. Здесь это были землянки. Летом скотину после пастбища загоняли в загон. Накопившийся навоз и перегной использовали под огуречные грядки и под картофельные плантации. Хорошо отлаженная артель частных лиц продержалась недолго.

Наступила эра советской власти и вместе с ней – зуд ликвидации частной собственности. На месте бывшей артели узаконили государственный кооператив, но обложили такими налогами, что ни производить, ни торговать смысла не имело. Мужики-умельцы занялись «отхожим промыслом» по соседним деревням и селам, а оставшиеся потихонечку отсюда съехали. На этом все и закончилось. Остались в наследство полуразрушенные домики да занавоженные землянки.

Всех заключенных разделили по отрядам с разными задачами и со своей усиленной охраной. Николая назначили бригадиром отряда по строительству новых землянок под временное жильё для эков. Все землянки, по ранее изготовленному плану, «отвешковали» в одну линию по трём сторонам и выходом на обширную площадку. Вот когда пригодились ему навыки таёжной жизни. Он знал все: как в угловых столбах выбрать паз, какое для этого использовать дерево, как устроить перекрытие и отвести дождевую и весеннюю воду, как соорудить палаты-нары и где разместить железную печь. Иногда свои же на него ворчали за особый догляд по качеству:

- Зачем так стараться, силы мотать? Все равно – это временное жильё!

- Стройте временное так, чтобы остатки своего срока прожить в этих землянках. Нет более постоянного, чем временное! - отвечал он, улыбаясь.

Через месяц усиленной работы по огромному периметру стояла уже в три ряда колючая проволока, вышки с

«вертухаями» и всю лаяли сторожевые овчарки. Обустроивался и поселок. Из дня в день росло здание Лагуправления, строили «больничку-лазарет», определили место захоронения, отстроили крепкий штрафной изолятор. Перетрясли все старые домики и из них собрали казарму для охраны и два жилых дома для гражданских лиц. Для начальника лагеря и офицеров построили многоквартирные дома. Пищеблок поставили рядом с площадкой около землянок.

Через несколько месяцев такого изнурительного труда Николай заметил, что люди обессилели и исхудали. Жидкая баланда без мяса, да кусок непропеченного хлеба, силы не восстанавливали. Да и охранники особым здоровьем не отличались, хотя и питались намного лучше заключенных. По своей крестьянской сметке он понимал, что без дополнительного питания с объемом работ к сроку сдачи объекта не справиться. Подкараулил он однажды начальника стройки и четко, по-военному, обратился к нему:

- Гражданин начальник! Без усиленного питания могут сорваться сроки сдачи объектов! Люди обессилены! Примите решение!

- Ты что-то можешь предложить, «добрый враг»? - издеваясь, спросил он.

- Могу! - переборов отвращение к этому человеку, ответил Иван.

- Помогай!

- Разрешите небольшой группе строителей ловить рыбу на питание и собирать дары леса, - так же четко ответил Николай.

- И как ты это представляешь? - уже более заинтересовано спросил начальник.

- После работы мы изладим мордушки, хорчаги, свяжем бредень. Под присмотром охраны ловим рыбу и доставляем в пищеблок! - последовал ответ.

- А если побег? Что взамен?

- Моя жизнь! - громче обычного, ответил Николай.

- До вражды кем был на воле?

- Председателем колхоза, гражданин начальник!

- А за что тебя от земли, да сюда?

- Правду искал, - угрюмо ответил Николай, и от кома горечи в горле, закашлял.

- Нашел?

- Нашел в определении статьи 58 УК, - так же мрачно ответил Николай.

Начальник ещё раз изучающее посмотрел на Николая, подозвал начальника снабжения и распорядился:

- Согласен! Организуйте!

Худо ли бедно, но через два дня в каждой порции баланды плавало уже по два куса рыбы, да по одной рыбке выдавали отдельно к ужину. Завеселел люд подневольный – рабы своей Родины. Зауважали зэки Николая, заулыбались навстречу ему. Замечает все это бригадир, а мысли в голове тяжелые, черные. Осунулся, поседел от мыслей о жене, о детях, о брате. Разные картины виделась ему: дети смеются, жена Машенька плачет и прощально машет ему рукой. А тут еще ночью брат Иван приснился верхом на вороном коне с шашкой в руках. Будто скачет он по лугу вдоль и кричит: «За мной, братцы! Вперед!». Но мысли разные и сны волнующие не могут отодвинуть срок сдачи объекта. Пуще прежнего свирепеет начальство: на заготовке строительного леса увеличили норму заготовки, удлиннили время работы строителям. Нет сил исполнить всё это, да и кормёжка прежняя: суп с кислой капустой и двумя-тремя картофелинками, две ложки каши-малаши с костью без мяса, 600 граммов хлеба на весь день и жидкий чай.

Умные заключенные рассчитали, что суточное питание в калориях равняется половине нормы потребления по физической нагрузке. Организм живёт за счёт собственного тела. Роптать бессмысленно: не примут во внимание, поса-

дят в карцер или, того хуже, перед строем расстреляют всем в назидание. Нет у работяг даже сил разговаривать. Приведут под конвоем с участков, хлебнут они кружку чая, заваренного на листе или ягоде, да и засыпают, даже не раздеваясь. Появились первые мертвецы. Уснул вечером человек, а утром сосед обнаруживает уже труп. Да и зима пришла в эти места для многих неожиданно, свирепо со своим снегом и морозами.

Гонит конвой очередную партию на лесоучасток, а они волочат ноги, падают, закрывая голову от удара прикладами винтовки или пинка. Рвут одежонку упавшего злые псы, кроют матом охранники, а тот не может подняться, порой и не пытается. Так и будет он лежать до возвращения назад колонны, медленно умирая и плача. Да и плакать-то сил не было. Сорвется тихо с губ проклятие в адрес Сталина, да и замрет зэк навсегда. На обратном пути подберут труп, захоронят под кол с номером, и это все, что останется на этой земле от академика, писателя, военного. А народ в лагере разный, зачастую попавший сюда по смехотворному обвинению. Вспомнил как-то Николай рассказ одного бригадира-полевода:

- В обеденный перерыв присели мы в кружок покурить и отдохнуть. Я и спрашиваю пахаря: «Что-то, Петро, у тебя сегодня с пахотой не идёт?» А он отвечает: «Этот чертов бык Васька ложится и ложится. Я его и прутом, и за ноздри тягал, а он лежит и всё!». «Да!» - многозначительно заметил кто-то. «Судить Ваську надо за такой саботаж!». Как словом, так и делом: выбрали судью, заседателей, назначили обвинителя и защитника. Даже Ваську привели для заслушивания. Смотрят на эту нашу комедь старики – хохочут, бабёнки заливаются смехом. А Васька прилёг и спокойно жуёт свою жвачку.

Под общий смех был наш вол Васька приговорён к пяти ударам бичом. Только рановато мы зубы скалили. «За-

ложил» нас кто-то. Получили все мы участники процесса, кроме быка Васьки, по 58 статье «за дискредитацию судебных органов», и теперь мы здесь.

- А меня арестовали и обвинили французским шпионом из-за моей фамилии – Дофине. Ещё со времен Екатерины работали мои предки и отец с матерью на кондитерской фабрике. Теперь её переименовали из «Эйнем» в «Красный октябрь». Вначале забрали родителей, а перед моей свадьбой и меня, - смущаясь, поведал бывший комсомольский вожак. Был он смертельно болен от простуды. Все ноги от щиколоток до паха были покрыты фурункулами. Даже предвидя смерть, любил он говорить: «Быстрее бы уж начался профузный дистрофический понос, тогда до конца останется три дня». Он оказался прав.

Мертвецов собирали со всех мест утрами и отвозили на лошади в большом ящике к месту захоронения. В могилу закапывали только по талой земле, а зимой их складывали в штабель, с нацепленным картонным номером. Когда штабель мертвецов стал в десятки раз больше, чем кольев с номерами на захоронениях, – начальство лагеря «зашевелилось». Вначале отменили выдачу хлеба в зависимости от выработки. Затем усилили медицинский контроль за больными. Увеличили пайку хлеба до 800 граммов. Из вохровцев скомплектовали бригаду охотников. В супе появилось мясо. Даже сократили на два часа рабочий день. Теперь он стал десятичасовым.

Сытый работник всегда ответит добрым трудом. Постепенно лагерь вошел по всем участкам в плановый ритм, и все начальство с облегчением вздохнуло.

По плану, объект для приёма основного контингента заключенных, должен сдаваться в ноябре 1940 года. Решило патриотически настроенное начальство полностью закончить работы к первому ноября и предъявить объект к дню Октябрьской Революции. Даже истребиловку людскую ре-

шено было превратить в политический акт. За два дня до основного момента зэки «вылизали» все уголки, флаги развесили, а над главными воротами в зону водрузили на кумаче плакат: «Наш труд во имя социализма». А на здании управы вывесили плакат: «Делу Ленина и Сталина – верны!».

Пока большая комиссия из представителей НКВД придирчиво осматривала объект и искала возможные места побегов, зэки стояли на плацу своими отрядами. Долго стояли, устали. Ноги подкашиваются. Но охранники при малейшем шевелении – стволом в ту сторону и палец тут же на спусковой крючок.

Наконец-то председатель комиссии соизволил выступить и перед заключенным. Его безграмотная речь, усыпанная политическими лозунгами, воспринята была «политическими», как плевок всей их прежней созидательной работе во имя расцвета культуры их Родины и еще раз продемонстрировала тупость властителей. Практически, каждый из них с этого момента понял, что они обречены на верную смерть под ликующие речи сатрапов механизма сталинского режима. Совсем приуныли, когда приползла весть с воли, что войну с финнами «прокакали».

На второй день после опохмелки руководитель группы НКВД втолковывал начальнику стройки:

- Здесь остается часть охраны по периметру, обслуживающий персонал и списочно офицеры. Вы же направляетесь на расширение зоны под строительство Богословского алюминиевого завода. Дислокация: поселок Турьинские Рудники Свердловской области. Заключенные поедут с вами на машинах. Заключенных на работы не выводить. Готовьте к отбытию. Для знакомства зачитаю небольшие выдержки из секретных документов о строительстве алюминиевых заводов:

...До 1940 года Наркомвнудел строил по поручению правительства Кандалакшский алюминиевый завод мощностью 15000 т.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 11 октября 1940 года (№: 1994-836/е) значительно увеличен объём строительства по Кандалакшскому заводу и, кроме того, Наркомвнуделу поручено строительство 4 новых алюминиевых заводов:

...Богословский алюминиевый завод (в районе г.Серова Свердловской области) в составе:

а. глиноземного цеха мощностью 100 000 т со сроком ввода в действие – II квартал 1943 г.;

б. электрического цеха мощностью 15000 т, со сроком ввода в действие – IV квартал 1943 г.;

в. цеха аноидной массы мощностью 10 000 т;

г. ТЭЦ, мощностью 75 000 Квт со сроком ввода в эксплуатацию – II квартал 1943 г.

Строительство перечисленных заводов будут производить:

...Богословского – Богословский исправительно-трудовой лагерь.

- Прочитал?

- Да!

- Под эти объемы выделяются трудовые ресурсы заключенных в количестве 2,0 тысячи человек. Этой силой построить зоны к принятию огромной партии заключенных. Все вопросы по расположению цехов и др., решишь на месте с майором государственной безопасности – Тарасюком.

- Задача ясна?

- Так точно!

- Ну, если ясно, то наливай «на посошок» и вперед!

...Отдых насторожил заключенных. Начальство суеилось, но молчало. Бывалые заключенные говорили: «Дали отдых перед переброской в другое место!». Они не ошиб-

лись. Через сутки отдыха утром прозвучала команда на построение с вещами. Скрупулёзно, дважды всех пересчитали по списку, затем, к воротам подогнали грузовики с охраной, и началась погрузка. Большая получилась колонна. Зашептали в машинах: «Повезут недалеко!».

Судьба перевернула ещё одну черную страницу Николая Степановича Нефедова, обвиненного по 58 статье УК РСФСР, заключенного за номером 500. И вновь предстояло ему со своей бригадой строить крепкие заборы зон для своих же собратьев-заключенных. Только теперь это была не одиночная зона, а множество участков в одной огромной зоне, в числе множества зон СССР.

Ежедневный труд до изнеможения не только истощил его силы, но и глушил горечь воспоминаний прошлого. Не упал, не умер от голода, холода и скотских условий быта только благодаря наследственному упорству и заложенному сибирскому здоровью. Это же качество заставляло его, как бригадира стройбригады, наравне со всеми таскать пиломатериал, долбить ломом звенящую от мороза землю, питаться с одного котла. Только один раз почувствовал он биение собственного сердца в районе пятого разъезда при строительстве первого лаграйона, когда увидел сквозь проволоку женщину, похожую на Машу. Долго провожал ее взглядом, покачиваясь на непослушных ногах, и вдруг поймал себя на мысли, что начал забывать черты любимой. От этого заплакал, не стыдясь слез. В этот день всё валилось из рук. Даже молоток удержать не мог. Доплелся со всеми до своего барака, забрался на холодные нары и уснул, постоянно вскрикивая во сне.

На строительстве зоны трудилась не одна тысяча заключенных. Отдельно строили зоны для спецпереселенцев, для пленных финнов, румынов, прибалтов. Была выстроена еще одна зона, назначение которой никто не знал. Един-

ственно, чем она отличалась от других зон, так это дополнительным рядом колючей проволоки.

Сдаваемые зоны тут же заполнялись заключенными. Режим для всех был один: подъем с 5.00; завтрак ...5.30-6.00; развод... 6.00-6.30; передвижение к работе ... 6.30-7.00; начало работ... 7.00; обед.. 13.00-14.00; ужин.. 19.30-20.30; вторая проверка и отбой... 22.30. Измождённых и больных утрами вначале поднимают матом и пинками, а затем уже определяли их направление. За малейшее нарушение – карцер. Все виды работ через количество выдаваемого хлеба были привязаны к нормам исполнения: выполнил норму на тяжелых работах до 50% - получай 400 граммов хлеба, выполнил на 100% - 700 граммов, а если на 200% – то 1000 граммов.

Николай свои бригадирские получал в размере 700 граммов. Хлебная пайка в зависимости от выполнения нормы – стимулировала, но и уничтожала. Стоило только зеку не выполнить норму – получит урезанную пайку. Не доест сегодня – не выполнит норму завтра. Так и потянется цепочка до дистрофии и неминуемой смерти.

Крестьянская душа Николая не позволила ему созерцать на все это со стороны. Решил он для ослабленных трудяг готовить сухари из части выдаваемых пайков свыше 600 граммов на человека. Вначале бригадники зароптали, но когда он из своей пайки отрезал добрый кусок – потянулись руки с кусочками хлеба. Сухари «варганили» ночью и держал их Николай в своей «потайке». Многим эта «заначка» помогла, многих спасла от бессилия.

К маю 1941 года работы по устройству зоны были завершены, и его бригаду перебросили на рытье котлована под плотину Богословского пруда.

Работа на этом участке была начата в 1940 году. Суть стройки такова: для обеспечения алюминиевого завода водой, на маленькой реке Турья надо было построить дамбу.

Больше всего люди были заняты на копке котлована и закладке фундамента из бетона. Все работы велись вручную. Только бетономешалка была механизирована. Но арматуру под сварку «крутили» по месту, а бетон разносили носилками и развозили тачками. Вылитый на арматуру бетон утрамбовывали специальными «бабами». Тяжёлая это была работа. Спрос за исполнение ещё тяжелей. Не успеешь вовремя утрамбовать бетон – схватится и образуется раковина. В раковину попадет вода и при минусовой температуре, по законам физики, начнет рушиться бетон. По этим законам физики – вода по щелочке пойдет вниз и образует дренаж. Постепенно размочит грунт, и рухнет фундамент. Все это квалифицируется вредительством и расстрелом на месте. И неважно: был там ты обессилен или не доглядел, конечное решение – расстрел. Хлопают выстрелы, валятся с простреленной головой заключённые и несколько дней их не убирают, дабы остальные старались.

К июлю основные работы по закладке фундамента были закончены, и началась засыпка «тела» дамбы. Глину завозили на тачках по двум деревянным настилам туда и обратно. Расстояние 150-200 метров. Сил хватало только на 8-10 тачек. Запрягались в одну тачку вдвоем: один толкает, другой – металлическим крюком тянет. Если человек упал – его уже ни пинками, ни окриком – не поднять. Умирили тут же. Работу останавливать нельзя. И тащат рабы-зэки свои тачки мимо трупов, не исключая этой же участи. Социализм без жертв не построишь!

Многих похоронили на этом и других объектах строительства. Когда выбытие зашкалило уже за 20% от наличия «контингента», начальство зашевелилось. Но недолгими оказались послабляющие меры труда и питания.

...Числа 24 июня на всех участках творилось что-то непонятное. Запаздывали с разводом охранники, прекратились вечерние «шмоны». ИТЛ замер, словно перед бурей.

От военных просочилась весть: «Война с фашисткой Германией!». Многие не верили. Да и как поверишь? Ведь только что с Германией был подписан Пакт о ненападении. В скором времени отправили на фронт часть офицеров, специалистов и рядовых. Оставшиеся, скорее всего, из-за трусости попасть на войну и стремления остаться в тылу, показную злобу вымещали на «врагах народа». Чуть что – прикладом в зубы. А еще хуже: невыполнение нормы – саботаж и расстрел перед строем.

Долго Смерть гуляла среди всех заключенных. Появился неожиданно приказ «сверху»: «Во избежание всевозможного вредительства на объектах строительства завода отобрать всех неблагонадежных и этапом перевести на «сельхозучасток». Николай попал в это число, и вот они уже отмеряют свой десятикилометровый путь на новое место бытия. Смеются потихоньку шагающие, шепчутся между собой: «Оказывается среди «врагов народа и вредителей» есть еще и «неблагонадежные!». Смешно и грустно одновременно. Вернуться в реальность помогает лай собак и окрик конвойного. Так и шагают они, не ведая, что для многих наступит совсем другое, в другом месте.

А на место выбывших уже гонят уголовников и трудармейцев.

Ничем особым эта сельхоззона от других зон не отличалась. Та же колючая проволока, те же нары и тот же конвой. На вышках – ВОХР, по периметру объекта пешая охрана с собаками. Все скотные дворы, конеферма, свинарники, кузница и мельница были огорожены забором и поверх колючей проволокой. Заключенных утром проводили по объектам, в обед кормили на месте, а вечером забирали. В ночную смену заступали вольнонаемные и местные селяне. Сено для скота заготавливали много и все вручную. Охраняли полевых работников верховые вохровцы. Все было поднадзорно, кроме чистого воздуха и простора, от кото-

рого кружилась голова и, до защемления сердца, хотелось жить.

Постепенно с местными жителями наладилась осторожная связь, особенно через кузницу, куда они приходили по разным своим хозяйским проблемам. Вохровцы пропускали их за бутылку самогона. У одного из местных жителей был радиоприемник, и он скрупулезно записывал фронтовые сведения. Они попадали в руки бывших военных и служили аналитическим материалом. Сообщения с фронта были весьма не отрадными: отступление, отступление, потери, окружение. И каждый, кто хотя бы мало-мало думал о России, невольно отдавал себе и другим вопрос: «Почему?».

На заготовке сена работали в основном бывшие военные разных округов и званий. В обеденный перерыв собрал около себя бывший помощник начальника штаба Ленинградского военного округа полковник Строев Арсений Игнатьевич всех своих собратьев по службе и, делая вид, что пьет со всеми травяной чай, начал говорить:

- Положение на фронтах – хуже некуда! Наблюдается полная беспомощность недоучек высшего командного состава во главе со Сталиным. Штабы потеряли связь с передовыми подразделениями. Сдаем город за городом, село за селом. Фашисты механизированными войсками окружают наши войска и истребляют живую силу. Армия бежит, отступая. Авиация разбита. Командиров, кто бы мог этому нашествию противопоставить войска и дать отпор, нет. 90% бывшего командного состава, начиная с 1937 года, – уничтожено. По самым скромным нашим подсчетам в плену около 1,5 миллиона человек. В этой ситуации нам нужно быть не в лагере, а на фронте! Предлагаю подать на имя начальника ИТЛ рапорт об отправке всех осужденных на фронт, пусть даже рядовыми. Копию предлагаю переправить через местных на имя Берия в Москву. Здесь на местах могут решить, что мы готовим предательский побег через

фронт. Реакция же Москвы может остановить наших ретивых душегубов. Кто со мной согласен, поднимите свои кружки над головой!

Коль согласились все, то я постараюсь ответить на вопросы: «Как? Почему?». Ответьте: «Что делает человек, ожидая наводнение?». Можете не отвечать, – ответ на поверхности: он укрепляет дамбу, роет отводные каналы, готовит плавсредства. В нашем же военно-стратегическом плане не предусмотрены линии обороны со всеми военными атрибутами. Немцы смяли сразу погранвойска и рванули дальше, а нашим войскам закрепиться не за что. Вот и бегут! Внезапно говорящий подал сигнал: «Внимание». К собравшимся скакал вохровец.

Уже в конце августа в самый разгар уборочных работ удалось военным собраться вместе. Полковник Строев с печалью в голосе рассказывал:

- Прибывшие по ранению офицеры рассказали во время встречи с друзьями и родственниками, что остановить врага не удастся. Враг уже у стен Москвы и вышел к Волге. Потери огромны. Сталин лихорадочно переставляет по фронтам маршалов и генералов, но это ничего не дало. Рас-свирепев, приказал расстрелять генералов: Павлова, Климовских, Коробкова, Таюрского, Оборина. Но страх расстрела командира – солдата от отступления не остановит. Нужны другие меры! В период Гражданской войны против отступающих и паникеров применялись заградительные отряды. Было даже Постановление СНК от декабря 1918 года «О дезертирстве», где прописывалось: кого расстреливать, кого направлять в штрафные части для искупления кровью своей трусости. Помню высказывание наркома по военным и морским делам Троцкого: «Красноармеец должен быть поставлен в условия выбора между возможной почетной смертью в бою, если он шел вперед, и неизбежной позорной смертью расстреляния, если бросит позицию и побежит

назад». Пойдут ли наши верховные этим путем – не знаю! А надо бы! Заградотряды тогда формировали из лиц, преданных Советской власти. Даже специальные кавалерийские дивизионы были. Помню даже названия: «Тайный дивизион», «Черная сотня». В приказе РВС в 1920 году во время советско-польской войны было написано: «Каждое крупное воинское соединение должно иметь за своей спиной хотя бы тонкую, но прочную и надежную сетку заградительных отрядов».

Не мог Арсений Игнатьевич в этот момент предвидеть пророчество своего мнения. В 1942 году выйдет приказ Сталина за номером 227 с откровенным анализом плачевности военного противостояния фашистам и о некоторых крайних, но необходимых мерах по формированию «штрафных батальонов», «штрафных рот» и «заградотрядов». Все будет расписано в этом приказе и в приложениях к нему. Не будет только ссылки на опыт Гражданской войны и приказа Гитлера по данным мерам, хотя содержание и настроение было взято оттуда.

Не мог он знать и того, что все 200 человек, которые подписали рапорт об отправке на фронт в действующие войска, до середины 1942 года будут подвергнуты самым тяжелейшим допросам с целью выявления их «благонадежности». Их не расстреляют, им просто в зоне устроят «ад» на прочность военной закалки через карцер, через избиение и голод. Но даже перед реальной смертью никто из них не отказался от своего желания защищать Родину. Возможно, их бы и расстреляли, но где-то там «вверху» сработала какая-то пружина и их просьбу удовлетворили.

Целый месяц их откармливали и приводили тело в надлежащую человеческую форму. Обули, одели, под конвоем загрузили в вагоны и отправили на Запад, навстречу добровольной Смерти.

Они плакали от радости.

4.

...С приказом Сталина 227 ознакомили прибывших из тюрем добровольцев при формировании штрафных рот в небольшом городке на левом берегу Волги.

Николаю Степановичу Нефёдову и бывшему полковнику Арсению Игнатьевичу Строеву запомнилось: «...сформировать в пределах фронта от одного до трёх штрафных батальонов (по 800 человек), куда направить ..., и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины». В пределах армий формировались от пяти до десяти штрафных рот рядовыми, как составная единица действующего фронтового подразделения на передовой. Ещё гласило: «В пределах каждой армии сформировать 3-5 хорошо вооружённых заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов». Было и другое название приказа Сталина: «Ни шагу назад!».

Рядовые Нефёдов и Строев были приписаны, как штрафная рота к 69 Армии Сталинградского фронта.

В Сталинград отбывали по воде на речных катерах флота. Грузились спешно, но без толкотни, «под завязку». Пока шли «по-тёмному», слышны были только далёкие разрывы. Но через какое-то время замаячило впереди дымное пламя, пугающе-чёрные остовы разрушенных зданий. Чем ближе к намеченным причалам, тем ужасней картина города. Кругом всё горело и дымилось. В прямом смысле «города» - не было. Были руины и покорёженные груды металла. Насколько можно было видеть в отсвете пожарищ – город, стоя на коленях, сражался. Здесь жизнь и смерть отдавалась всем во имя жизни. То, что всем вначале показалось отблес-

ком пожара на воде Волги, оказалось ошибочным. Горела вода Волги, и горящие воды уносили в сторону Каспия остатки лодок, какие-то брёвна и человеческие трупы. В этом аду сама вода могучей реки казалась кроваво-красной.

Не успели впотьмах причалить к берегу и начать выгрузку, как в небе повисли осветительные ракеты фашистов. Видно всё, как днем! Первый снаряд упал далеко от катера и только качнул его. Второй около кормы. Николай с Арсением Игнатьевичем были уже на берегу, когда третий снаряд попал в цель. На судне начался пожар. Раненые и живые попадали в воду, а горящий катер, как факел, как прощальная свеча, отошёл от причала, освободив место другому.

Ополовиненную роту старослужащий лейтенант привёл одному ему известной дорогой в какой-то подвал и после уточнения списка оставшихся сообщил: «Мужики! Мы на передовой. В соседнем доме немцы. Башку не высовывайте – бьют снайперы. Не курить! Завтра в бой! Если попятитесь – пристрелю сам, без особистов! Не обижайтесь, мужики, но меня из-за вас тоже могут расстрелять!». Помолчал, разглаживая усы, и тихо свистнул. На свист тут же из темноты появился измызганный старшина с двумя котелками каши, тремя буханками хлеба и термосом чая. - Подхарчитесь, выставьте посты и отдыхать! Завтра будем крутить карусель! - прозвучало прощальное поручение командира.

Николай мостился, мостился к холодной стенке, но так и не уснул. Не спал и Арсений Игнатьевич.

- Не спится, Коля? - тихо спросил он.

- Не спится! - так же тихо ответил Николай.

- Насторожили меня, Арсений Игнатьевич, откровения приказа Сталина.

- В чём?

- Послушайте, что я запомнил из содержания: «... территория Советского государства – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, же-

ны, братья, дети... Население нашей страны, с уважением и любовью относящееся к Красной Армии, начинают разочаровываться в ней, потеряли веру в Красную Армию, а многие из них проклиняют Красную Армию за то, что она отдаёт народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на Восток... Как ни велика и богата наша страна, бесконечное отступление рано или поздно приведет к тому, что останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог».

- Ну и что?

- О людях там ни слова!

- Не удивляйся, Николай! Для Сталина 10-15 миллионов человеческих душ – ничего не значат! Он от природы изверг рода человеческого с кровавым оскалом!

- А что дальше?

- А дальше, Николай Степанович, – либо жизнь, либо смерть, - жестко ответил Арсений Игнатьевич и отвернулся от Николая.

...Николай очнулся из дремоты, когда услышал в сеющем подвале шорох. Лейтенант появился ниоткуда, как и исчез вчера в никуда. Снял заплечный мешок и высыпал на пол десятка два гранат и кучу патронов. В подвале начало светать и от бетонной лестницы вверх проникали вместе с гарью приближающиеся звуки разрывов.

- Все ко мне! - прозвучала команда, стряхивая с прибывших остатки сна. Лейтенант прошёлся перед строем какой-то кошачьей поступью и буднично выдал задание:

- Триста метров от нас вы вчера наверняка заметили разрушенную пятиэтажку. Два дня тому назад она была нашей и позволяла двигаться в пределах видимости. Вчера утром её у нас отбили и теперь отсекли нас от остальных частей и от боепитания. Приказываю! Силами нашей роты штрафников по этому подвалу, затем по завалам, подобраться к объекту и уничтожить засевших там фашистов.

Вам в помощь придается молодой снайпер для уничтожения пулемётчиков. Всё, мужики! Боеприпасы разобрать и через десять минут за старшиной – вперед!

Из-за угла вывернул старшина с солдатами в камуфляжной форме. Лейтенант им что-то растолковывал, а Николай долго не мог оторвать взгляд от снайпера. Было что-то в нём знакомое из далёкого прошлого, из доарестантской жизни.

Снайпер ушёл первым, и Николай ещё раз, видя его походку, уверовал, что они раньше встречались. Не выдержал, и обратился к командиру:

- Товарищ лейтенант! Назовите, пожалуйста, фамилию нашего снайпера!

- Зачем?

- Мне показалось, что я раньше его видел.

- Видел, видел, - раскрывая планшетку, начал ворчать лейтенант. И вдруг, как обвал сверху: - Еремеев Владимир Иванович.

- Володя! Володя! - крикнул вслед Николай. А может, это ему только показалось.

Используя раннее утро и дымовую завесу от пожаров, к дому подобралась скрытно. Сосредоточились и разом бросились вперед. Со второго этажа безостановочно бил пулемёт. Разрывы гранат и крики, вперемешку с матом зазвучали для Николая в момент, когда замолк пулемёт. Немцы дрались отчаянно, зная, что штрафники никого в живых не оставят, а штрафники знали, что впереди них и сзади – смерть. А смерть летела к ним навстречу: пульей, штыком, осколком гранаты. Вот и сошлись на этом этаже разрушенного дома Сталинграда: сила жизни против силы порабощения. Здесь нет понятия жалости! Только – Смерть!

Уже на втором этаже, когда остатки роты «выкуривали» немцев, Николай упал от удушающей боли в левой ру-

ке. Ему даже показалось, что хрустнула кость. Упал, истекая кровью.

Очнулся от лёгкого покачивания и равномерного всплеска воды. Кто-то сильно стонал. Увидел над собой звёздное небо, силуэт женщины на коленях рядом с собой. Издали расслышал голос: « Живой – и, слава Богу! Прибудем в госпиталь, а там тебя прооперируют и вылечат. Рану я перевязала и остановила кровотечение. Ты уж, милоч, потерпи! Вас вон сколько, а я одна!».

Николай прислушался к говорящей, и только теперь начал понимать, что женщина эта с ним разговаривает и его успокаивает.

- Где я? - прошептал он.

- По Волге катим, милоч! По Волге к Куйбышеву!

- Я ранен?

- Немного в руку. Ну, совсем немного! Только ты уж не пытайся ею шевелить!

- Как я оказался здесь?

- Так тебя, милоч, перед самым отходом приволокли два штрафника. Один, который постарше, очень просил тебя живым в госпиталь доставить. А второй, совсем ещё молоденький солдатик, всё время плакал и называл тебя – «дядей Колей». Наверное, родня тебе?

В это время кто-то впереди прокричал: «Сестра! Сестра! Майор умирает!». Женщина поспешила на крик.

...Пока в порту укладывали на носилки и перекладывали в кузов машины, Николай терпел, чувствуя, как холодеет левая рука. А вот когда повезли по тряской мощёной улице – острая боль опять охватила мозг, и он потерял сознание.

Очнулся уже на операционном столе и то от команды: «Наркоз!». Уже там, в палате, отойдя от наркоза, появилась, сквозь острую боль в левой стороне, ощущение чего-то недостающего в теле. С трудом разлепил глаза и посмотрел

на левую руку. А там, – вместо руки – только забинтованная культя. Сообразив, что потерял руку, заплакал.

Так, изо дня в день, от перевязки к перевязке начал он постепенно привыкать к своей потере и приучать себя всё делать правой рукой. Хотя и был он «ходячим», но рана за-растала с трудом. Всех безруких звали в госпитале, шутя, – «однокрылые».

В середине мая 1943 года, за неделю до выписки, Николая посетил особист. Тяжёлым для него был этот визит. Память запечатлела его слова:

- Повезло тебе, вражина Нефёдов! Хотя и искупил ты кровью свою вину, защищая Родину, но недоверие к тебе остаётся! По прибытию на место жительства в течение двух суток встань на учёт в местной милиции! И не шути, Нефёдов!

Еще в военкомате, оформляя проездные, назвал Николай станцию Узловую. Назвал подсознательно, хотя всё его существо говорило – поиск всех своих нужно начинать с Сибири. Десять суток пути показались вечностью для истосковавшегося, ноющего сердца солдата-подранка. Десять суток переборов в памяти картин прошлого и настоящего, даже будущего. Десять суток мучений и боли.

Потолкался, потолкался Николай у вокзальчика станции, ища транспорт или попутчиков. Не нашел. Забросил за плечо свой походный рюкзак, и понесли его ноги к своему дому, через тайгу, через упущенное время, через неистребимую злость за содеянное с ним, да и не только с ним. Шагает солдат по лесной дороге, вдыхает чистый воздух тайги и появляется та особая сила человека, которая заложена была ещё с молоком матери или с доброй улыбкой отца. Быстрее! Быстрее! Вперёд!

Вёрст десять прошагал без отдыха – почти на одном дыхании. Присел перемотать портянки и задумался. Видится ему их встреча в лесу с капитаном Еремеевым, с семьей

Назаровых, водная гладь пруда у мельницы и родные глаза Маши. Его жизненный опыт и приобретённые знания продиктовали ему, что память о прошлом, о времени ошибок – никогда не погасит боль о потерях, если не видеть хорошее завтрашнее. Мысли эти придали Николаю новые силы, и он ускори́л шаг, переходя частично на полубег. Где-то на полпути вынужден был остановиться на ночлег. Место выбрал у говорливого ручейка неподалеку от дороги около раскидистой ели. Разжёл костёр, умылся холодной водицей ручейка, пожевал сухарей и, почувствовав усталость, блаженно растянулся на прелой хвое ели.

Как лёг с вечера на спину, так и проснулся, когда кругом уже засерело. Быстренько умылся, наполнил фляжку водой, залил тускнеющие угли костра и бегом к дороге. Вёрст через десять присел отдохнуть и не от усталости, а от бешеного ритма сердца, стремящегося к встрече. Если бы кто-то из колхозников увидел сидящего однорукого солдата с седой щетиной на лице и совершенно белой головой, никогда бы ни признал в нём своего красавца-агронома. Но это был он: измятый событиями, испытавший унижения и смерть близких ему людей, но не сломленный, не сбитый с ног.

Ближе к обеду услышал Николай фыркание мотоцикла и остановился. За рулём трофейного агрегата восседала девушка. Лихо тормознула около него и крикнула:

- Садись, служивый, довезу до Сибирки! А дальше уж сам!

- Мне не нужно дальше! - механически ответил Николай, пристраиваясь за спиной водителя.

Минут десять ехали, молча, а потом любопытство и молодость взяли верх:

- Если не секрет, солдат, - к кому в Сибирку едете?

- К председателю Нефёдову!

- У нас нет такого председателя! - убийственно последовал ответ.

- А кто сейчас у вас председатель? - хрипло спросил Николай.

- Так, Маслова! Мария Маслова!

- Кто? Кто?

- Мария Маслова!

- Гони, доченька, гони быстрее к председателю! - со слезами на глазах прокричал Николай и так тиснул своей рукой хрупкого мотоциклиста, что тот даже ойкнул.

Километра за два до посёлка Николай попросил остановиться и на немой вопрос девушки ответил, протягивая слова:

- Хочу пройтись по знакомым местам, да молодость вспомнить! - по-прежнему хрипло произнес он и зашагал по знакомой тропке.

Шагает солдат Нефёдов по знакомой до боли тропе, а в голове мысли цепляются друг за друга: «А где Иван? Почему Маслова? Видно, скрыла своё прошлое? Если это так, то мне нельзя появляться к ней!». Но когда увидел свой дом, махнул рукой и побежал. И бег-то этот не был обычным, а какие-то прыжки вперед. Забежал в ограду и обессилено опустился на крыльцо.

Очнулся от знакомого тарахтения мотоцикла, и в калитке появилась его Маша. Кинулась к нему на шею, заревела с причитаниями и всё вторила: «Как долго! Как долго! Миленький! Родной мой!».

В тумане счастья от столь долгожданной встречи не заметили супруги, что на них давно уже смотрят дети, прижавшись к Наталке, а у калитки стоят супруги Крикуновы. Первым на все это среагировал Николай и, не выпуская из объятий Машу, подал команду: «Всем срочно в дом!».

Рассказ Николая был сдержанным, без эмоций, но шёл он из самого доньшка его памяти, освобождаясь от тяжести

пережитого. Закончил словами: «Вынесли меня из пекла боя мой товарищ и племянник Володя». После этих слов началось невообразимое. От двери подскочила к нему попутчица с мотоцикла и, упав перед ним на колени, взмолилась:

- Вы видели моего Вовочку?

- Видел, красавица.

- Вы с ним разговаривали? Он про меня рассказывал?

- Разумеется? Только о тебе и говорил! Просил передать тебе, что очень любит тебя! - врал Николай.

- А почему он не пишет? Он не ранен?

- Цел он и невредим! На войне – почты нет! Вот закончатся бои – он и напишет!

Вскочила девушка, вытирая наворачивающиеся слезы, поцеловала Николая и бегом на улицу. Через мгновение закричал удаляющийся мотоцикл.

- За сестрой полетела, - тихо шепнула Маша.

- За какой сестрой?

- За женой Андрея с ребёнком.

- Он женился?

- Да! Да! Но всё потом, миленький мой! Потом! - проговорила скороговоркой Маша и повела Николая в баню.

Из бани Николай с Машей пришли часа через два: сияющие, оживлённые, помолодевшие.

А в доме столпотворение. Пришли старые колхозники посмотреть на своего агронома, да еще, оказывается, мужа председательши. Пришли селяне, не знавшие его, в надежде услышать что-либо о своих фронтовиках. Многие плакали, видя обрубок его руки. А во дворе был накрыт большой стол со снедью каждого проходящего. Даже картошка в чугунке стояла в середине, рядом с тремя бутылками водки. И кругом слышался распорядительный голос супругов Крикуновых. Аглая Кирилловна хлопотала по еде на столе, а Степан Степанович всё подставлял и подставлял сидения прибывающим.

А когда из дома вышли Николай с Машей и детьми, все ахнули. Были они не только красивы и счастливы, но светились ещё и зарницей своей любви.

До самой ночи не угасали голоса во дворе дома председателя. А люди всё шли и шли. Впервые в этот вечер слышали колхозники песни Маши Масловой. Без малого все были ошарашены чистотой и мелодичностью звучания, теплотой каждого слова и звука. Пела: Молодость, Зрелость, Любовь и Надежда!

... Николай проснулся от ощущения чего-то необычного, непривычного, бесшумного. Нет взрывов, не вызывают на допрос, нет томительных ожиданий. Рядом, уткнувшись ему в плечо, спит уставшая от их встречи Маша, периодически улыбаясь чему-то. Тепло от уже забытого женского тела будоражило. Обнял Николай свою жёнушку и начал целовать. Она тут же, сбросив сон, со стоном прильнула к нему, отдавая в этом порыве всю неистраченную женскую силу.

В дверь постучали. Николай, насколько мог быстро, оделся и вышел из горницы. Маша следом. А на пороге стояла с ребенком Катя Измайлова. Умоляюще посмотрела на вышедших, и чуть слышно произнесла:

- Николай Степанович! Может быть, что-то знаете о моем Андрее?

- Нет, Катя! Ничего я не знаю, да и не мог знать, ведь мы были осуждены без права переписки.

- А может быть, он тоже воюет?

- Это не исключено. На фронт уходят и заключённые.

- Вернётся ли? - всхлипывая, проговорила она, и, прижимая к себе сына, ушла.

Не успела закрыться калитка, как во двор шумно ввалились дети и прижались к ногам взрослых, возможно, впервые ощутив потребность в их защите. Красавица Наталка, с красными от слёз глазами, прошла в дом и стала

собирать стол для завтрака. Следом появились Крикуновы с корзиной каких-то припасов.

- Докладываю, председатель, - с порога начал Степан Степанович, - раскомандировку я провёл. Все пошли по своим местам. Так что – не волнуйся! Бригадиры передают тебе привет и просят, чтобы ты денёка два отдохнула.

- Я, за! – смеясь, от души, проговорила председательша и, игриво обняв мужа, вошла в дом.

А Николаю было уже не до смеха. Не сказал он вчера Маше, что ему необходимо сегодня быть в милиции и стать поднадзорным. Мучился, мучился, да и рассказал всё жене после общего завтрака. Тень пробежала по красивому лицу Маши, но вида постаралась не подать. Улыбнулась уголками губ и спокойно заявила:

- Так как колхозники дали мне отгул – поедем вдвоём. Быстро переоделась в полевую одежду и куда-то спешно ушла. Не прошло и тридцати минут, как около дома остановился «Пикап» начальника геологической партии, и из него вынырнула Маша.

- Николай Степанович, прошу на выход! Карета пода-на, - стараясь за весёлостью скрыть волнение, с порога подала она голос.

... Замелькали знакомые ложочки, перелески, великаны-сосны. Качнулись мысли в прошлое, в самое сокровенное, болезненное, накрытое чёрным пологом произошедшего с каждым из них. Слова здесь были не нужны. Да и зачем? Судьба-то – на двоих. Вот и кружит их ещё сильных мыслями, делами эта враждебная, кем-то надуманная круговерть, и не отпускает до сих пор.

Засуровели от этих мыслей лица, глянули друг на друга и, поняв всё, прижались друг к другу, как бы придавая силы для действий. Правильно говорят в народе, что жизнь состоит из светлых и чёрных полос. Первая светлая полоса для Николая появилась в лице начальника райотдела мили-

ции – капитана Ветрова. Выслушав доклад бывшего штрафника Нефёдова и, проверив документы, дружелюбно проговорил:

- Вашей категории осужденных, после боевых действий с ранениями все сроки скастированы и Вы восстанавливаетесь в правах. Работайте спокойно! Кстати, где вы остановились и кем будете работать?

- В Сибирке остановился. Родом я оттуда. А работать буду агрономом колхоза, если председатель примет.

- Примет! Добрая там хозяйка колхоза, да ещё и красивая. Не влюбись, штрафник! - смеясь, добавил капитан.

- А я давно в неё влюблен, - улыбнувшись, ответил Николай.

- Когда успел?

- Она моя жена!

После этих слов, капитан так расхохотался, что и Николая втянул в это веселье.

Прощаясь, капитан порекомендовал Николаю срочно зайти в райвоенкомат для оформления пособия по инвалидности. Закончив все дела, Николай почти силком завёл жену в чайную под странной вывеской «Колобок» и, выпив целый стакан водки, срывающимся от счастья голосом всё в деталях изложил Маше. И вот тут-то она так разревелась, что на неё даже начали обращать внимание посетители. Прибыв уже поздно вечером домой, застали Наталку за укладкой вещей.

- Наталочка! Куда это ты собралась? - недоуменно спросила Маша.

- Не обижайтесь на меня! Пожалуйста! Но Ваню я буду с детьми ждать у Крикуновых. За вас я рада и от души благодарна. Маша, помоги мне перебраться. И, пожалуйста, без лишних слов, а то реветь начну.

Вот она и чёрная полоса! Но все всё же верили, что белая – наступит!

...Уже второй год работают вместе супруги Нефёдовы. Дружно работают, слаженно. Николай, со свойственной ему хваткой, отладил в колхозе по всем требованиям семеноводство зерновых культур, и после освидетельствования колхоз получил существенный финансовый довесок. Довесок был не только у колхоза, но и у председателя. Живот увеличивался весьма быстро. Скоро уже и передвигаться стало сложно. Толчая в животе стала настолько активной, что Маша, придерживая его, улыбаясь, говорила Николаю: «Похоже их там двое». А он только улыбался и ласково обнимал её. На исходе года собрала председательша Правление колхоза и, выставив свой огромный живот, заявила:

- Помощники мои ненаглядные! Предстоит мне уже на днях исполнить свою женскую миссию – родить. Подумайте о моей замене! Пока пусть этот член колхоза будет исполнять обязанности председателя, а на общем собрании примите окончательное решение. Похоже, что председателем я уже не буду! Жду вашего решения!

- А что тут ждать? Кто нашего председателя подпортил, тот пусть хомут и одевает! - под общее молчание заявил бригадир Ерохин. После его слов грохнул хохот. Смеялись долго и заразительно, выражая этим доверие Николаю.

Маша действительно родила через неделю: мальчика и девочку. Теперь двери председательского дома не закрывались. Разные заходили люди: кто с советом, кто с подарком для детей, а кто и в хозяйстве помогал. Наступивший 1944 год принес для Нефёдовых печальную весть. В извещении указывалось, что сержант Еремеев Владимир Иванович пропал без вести. Хорошо, что Николай получил это извещение. Хорошо! Нельзя рушить надежды! Ох, как нельзя! Скрыл он это от всех. Скрыл от огласки, но сильно ранил своё ёмкое сердце.

События и дни чередуются! И это всегда и везде!

*Жизнь, прожитую достойно, следует
измерять деяниями, а не годами*

Шеридан Ричард Бринелли

Глава четвертая

ДОРОГИ ЖИЗНИ

1.

После своей затворнической жизни, вдали от цивилизации, по установленным правилам общинного бытия – многое повидали жители села Сибирки: поисковые партии геологов, дорожное строительство, коллективизацию, обозы раскулаченных. Ко многому присмотрелись, поправили, многое осознали, притерпелись. Единственное, чего они не могли понять, так это появившиеся в селе «враги народа». Их, оказывается, было очень много и, главное, работали и жили исправно. И какой такой народ они могли ненавидеть и вредить ему? Многих ночами увозили сотрудники НКВД. Третий год всё забирают. Вот и председателя Нефёдова Ивана Степановича «упекли» прямо в Москве. Ну, какой Ванька враг? Вырос он тут у всех на глазах, трудился, старался для всех, и неожиданно – «враг». Против чего он мог враждовать, когда честно служил народу? А может, есть другой «народ», и он им враг? Можно было бы спросить у первого секретаря райкома ВКП(б) Полторанина Игната Савельевича, но и он оказался «врагом». А где теперь искать «не врагов»? С тяжёлыми мыслями крестьяне колхоза «Сибирь» лампу в домах гасят сразу после ужина.

Боятся. Осторожничают. Не желают быть «врагами»! Вот и присматриваются они из-за занавесок окон, из щелей забора к каждому прохожему. Не селянина определяют сразу.

...Шагает по улице по-городскому одетая молодка, придерживая рукой изрядный живот. Видевшие её, сразу отметили в ней природную красоту: в гордой посадке головы, огромных глазах, обрамленных черными бровями, уверенной поступи стройных ног в красных сапожках. И несла она свой живот вместе с небольшим чемоданом прямо к дому бывшего председателя колхоза – Нефёдова. Дошла, окинула дом печальным взглядом и устало опустилась на скамейку у ограды. А слёзы текли и текли по щекам, крупно падая с подбородка.

- Чай, не заплутала ли, голубушка? - тихо спросила подошедшая пожилая женщина.

- Ни, маты! - вздрогнув, ответила молодка.

- Кого зычешь? - не отставала женщина.

- Ищу я дом бывшего председателя колхоза Нефёдова Ивана Степановича.

- А его не нужно искать. Мы рядом с его домом.

- А кто сейчас здесь живет?

- Его племянник Володя, да мы со стариком приглядываем.

- А где сейчас сын Ивана Степановича?

- Так, где ж ему быть? У нас он и есть!

- А вы кто ему?

- А ты, красавица? - вопросом на вопрос прозвучал ответ.

- А я... А...я... - сестра его друга Николая! - растерявшись, с протяжкой от волнения, ответила Наталка.

Старуха не унимается:

- Зачем заявила? Зачем спросила о сыне?

- Мать хочу ему заменить! - крикнула Наталка и разревелась так, что пожилая собеседница с трудом ее успокоила.

В этой суете не услышали, как из дома вышел Володя.

- Бабушка Аглая, у нас, что ли гости?

- Да, милоч, гости! Гостья из самой Москвы! Помоги завести в дом, да быстренько за отцом сбегай! Попутно зайди к моему – пусть он с Ванечкой придёт!

Ласковые слова, ухоженность жилища, успокоили Наталку, и она, присев за стол, проговорила:

- Мой брат Николай Богданович Глушко учился на курсах в Москве с Иваном Степановичем. Я тоже там училась в архитектурном институте. Зовут меня Натальей или Наталкой по-украински. Институт закончила, но не одна. Рожать мне скоро. Я Ванечке обещала перед его арестом детей его поднять на ноги. Вот теперь я здесь. Ещё он мне рассказывал о прекрасных людях своего села. Часто упоминал Аглаю Кирилловну, Степан Степановича по фамилии Крикуновы и ещё Машу Маслову – жену его брата Николая.

- Так это Ваня тебе живот сладил? - с ноткой печали спросила распорядительница.

- Его это дитя во мне! Его! От любви нашей оно зародилось! Ему ведь десять лет дали «за вредительство». Только какой он вредитель? На земле редко встречаются такие люди, как мой Ванечка! Я ждать его буду! Буду! – уже, всю рыдая, заключила Наталка. Может быть, и дальше лила бы слезы, да только шагнули через порог мужчины с мальцом на руках. Они и слова сказать не успели, а Наталка уже целует малыша, приговаривая: «Ванечка! Сыночек! Миленький! Мы папулечку дождёмся! Дождёмся!».

- Не пугай, Наталка, малого, - проворчала Аглая Кирилловна, усаживая Наталку за стол, и тут же спокойно добавила: - Знакомьтесь с новой родственницей. Это москов-

ская жена нашего Ивана Степановича. Скоро в семействе Нефёдовых будет прибавка!

Не простым для Наталки был этот «семейный» разговор. Ой, не простым! Все точки над «и» расставила Маша Маслова. Увидела Наталку и с порога: «Ой, какая ты красивая! Ваня так и обрисовал тебя, Наталка! Не волнуйся – всё будет нормально! Нефёдовы – народ сильный! Выдала всё это на одном дыханье, обняла Наталку и, повернувшись к Андрею, сказала: - Я надеюсь, что председатель колхоза не будет возражать о моём переезде сюда с детьми? Нет? Вот и частичное решение проблемы! Всё остальное решим общими усилиями. И мужей наших дождёмся! Дождёмся, Наташа! Обязательно дождёмся, назло всем! Говорит это она, а у самой глаза увлажняются. Наверное, и расплакалась бы, да только прозвучал в этот момент голос маленького Вани: «М..м..ама». И потянулся ручонками в сторону Наталки. Вихрем подлетела та к малышу, схватила, прижала, целуя, к груди и давай кружить по комнате, произнося, как молитву: «Признал! Да, Господи, признал! Ой, счастье-то какое! Радость какая!» Уже и Маша с мужчинами ушла, Аглая Кирилловна выставила на стол еду, а Наталка всё целует малыша, ничего не замечая вокруг, и только одно и то же: «Ванечка! Сыночек! Кровинушка моя! Как же я счастлива! Ой, мамочки!»

Опомнилась, когда Аглая Кирилловна забрала у неё из рук малыша и усадила за стол покушать.

- Ешь, Наталочка, тебе сила нужна. Ты за двоих теперь в ответе!

...Слаженное, доброе хозяйство передал Андрею под председательство Иван перед отправкой на учебу. Всё в колхозе было отлажено до мелочей и продумано на годы вперед. Жили колхозники небогато, но достаток был в каждой семье. Не было среди колхозников какого-либо рвачества, отлынивания от работы. Всех трудодней было зарабо-

тано по году намного больше нормы. Долго не было у председателя причин печалиться. Набежала и накрыла всех чёрная весть о «враждебной деятельности» бывшего председателя, которого люди с улыбкой всегда встречали и провожали. Следом эта туча стала ещё темней, когда начали увозить ночами, а потом и днём – лучших руководителей специалистов колхоза. Тень от этой несурязицы накрыла и остальных. Люди постепенно начали сторониться друг друга, перестали выступать на собраниях и митингах. Страх пал в душу каждого, наиболее стойкими оказались «раскулачники» на Выселках. Они эту «черноту» уже испытали по жизни и при очередном аресте кого-то из них не шарахались друг от друга, а всем селением, без всякого сговора, брали эту семью под свое «крыло». А улыбаться – они давно уже не улыбаются.

Всё видит Андрей, все замечает. Только вот сделать что-то, противопоставить этому – не может. Нет у него широты ума Ивана. Вот нет его – и «баста». А тут ещё одна печаль. Почти в сорок лет увидел в дочери одного из «раскулаченных» черты своей Олечки и потянулся к ней. Отгонял, отгонял он это влечение от себя, но не справился и стал ежедневно наведываться в теплицу, где работала его Екатерина Измайлова. Визит за визитом, шаг за шагом, словом за словом – приближался Андрей к своей второй Олечке. Возможно, и не решился бы он на откровенный разговор с Катей, да только нутром своим почувствовал Андрей, прочитал в её взглядах, что он ей тоже не безразличен. Это заметила и бригадир Мария Маслова. Она-то и составила разговор с Екатериной:

- Что-то наш председатель к нам зачастил. Не знаете, Катя, почему?

- Не знаю, - краснея лицом и отвернувшись, ответила она.

- И всё же?

- Помидоры, наверное, нравятся!

- А может быть, тепличница?

- Ой! Ой! Что вы!

- А что? Мужчина он видный, самостоятельный. Ты, Катенька, присмотришься к нему. Возможно, и увидишь в нём свою судьбу!

- Нельзя мне этого делать! Моя любовь его погубит!

- Так, всё же любишь?

- Люблю и давно, - ещё больше краснея, со слезами на глазах ответила тихо, тихо Катя.

- Ну, и чего ты, дурочка, бежишь от своей любви? Иди ей навстречу! - с какой-то затаенной грустью, почти прокричала Маша.

- Боюсь я этого! Ой, боюсь! Он ведь коммунист, а я дочь кулака!

- А ты, Катенька, не бойся этого. Переступи это препятствие и подари чистоту своей души и помыслов своему избраннику, - обняв Катю, внушала Маша.

Возможно, этот разговор и продолжился, но пришел Андрей. Маша тут же ушла и оставила влюбленных один на один. О чем они говорили, какие нашли слова, она не слышала, но когда через час вернулась назад, они уже целовались. Чуть ли не в голос заплакала Маша, видя эту картину, вспомнив своего Николая. Убежала в соседнюю теплицу и там дала волю слезам.

Уже через неделю после этого свидания наблюдательная «бригадирша» заметила резкие перемены в поведении тепличницы Измайловой. Засветились каким-то внутренним светом её глаза. Подолгу чему-то улыбается, а иногда грустит, ожидая председателя, даже жесты рук стали более плавными. Правда, под глазами появились темные круги и частенько набегали слезы, но все это были «мелочами» по сравнению с ее пугающим, но таким желанным чувством – быть вместе с любимым. И она была с ним. Вначале встре-

чались поздно вечером в закутке теплицы, а когда Маша съехала с квартиры в председательский дом, начали встречаться в ее квартире. Но как бы они ни скрывались – от людского взгляда не скроешься. Умудренные жизненным опытом люди видят все, а если это связано еще и с руководителем, то более детальной. Тихонечко пополз по ушам жителей поселка по-змеиному слушок о шашнях председателя с дочкой Измайловых. Большинство, до кого этот слух доходил, старались не чернить его пересудами, а даже одобряли с позиции их положения «изгнанников».

Первым среагировал на поведение дочери отец. Только Катя вечером засобиралась на свидание с Андреем, как через порог ее горенки шагнул ее любимый папа. Ни слова не сказал, а только посмотрел на нее осуждающе и вышел. Катя – следом. Ухватила отцову руку, прижалась и сквозь слезы начала выжимать из себя слова:

- Папочка! Родненький мой! Не кори свою дочь за ее любовь к председателю! Я Андрея люблю! Люблю так, что и высказать не могу! Если за это хочешь меня наказать – наказывай. Если хочешь выгнать из дома – гони. Но я все равно от него не отрекусь и буду с ним!

- Эх, доченька! Да разве мы с мамой против твоего согласия? Но почему вы это делаете крадучись? Разве любовь и счастье прячут? Нельзя так делать! Нельзя! Не по-людски это! - весь колотясь, ответил поседевший от всех невзгод отец.

На шум прибежала с улицы мать и, увидев плачущую дочь, присоединилась к ней, поливая слезами их общее сегодняшнее положение. Плача, выговаривала дочке:

- Нет такого закона, доченька, чтобы запрещать жениться на сосланных! Никто не может это запретить!

- Мамочка, мамочка! Но что делать? Андрею нельзя официально на мне жениться. Его сразу же выгонят из партии за связь с «раскулаченными», а могут еще и объявить

его «врагом коммунистической морали». Так что быть мне его любовницей до конца своей жизни! - ещё громче рыдая, заключила Катя.

- И даже в этой ситуации, доченька, есть простейшие человеческие отношения: знакомство с родителями, объяснение, заверения, - подал голос отец.

Неизвестно, сколько бы ещё длился этот разговор, но в дверь требовательно постучали. Открыли... и замерли. В дверях стоял их председатель, нервно теребя руками свой картуз.

Тяжким был для Андрея этот разговор с родителями Кати. Ох, тяжким! Но честность и откровенность победили. Договорились, что после проводов сына Володи в Армию жить они с Катей будут вместе. За все месяцы их тайных встреч ушли они в открытую, обнявшись – вместе.

Засияла личиком Екатерина Измайлова, зажглись от счастья новым блеском глаза, уверенней стала во всем. Прибежала как-то утречком на работу и с порога в теплицу, счастливая, заявила Маше:

- А меня Андрюша пригласил вечером к себе на провода сына в армию. Там и познакомлюсь с Володей. Он не осудит меня? Нет! Какая же я счастливая!

- Приходи, Катя! Обязательно приходи на провода и на встречу с новорожденной, - улыбаясь, сказала Маша.

- А кто родил? - шагнув в реальность, спросила Екатерина.

- Родила Наталка – невенчанная московская жена нашего сгинувшего председателя Ивана Степановича. Дочка родилась, - с особым торжеством сообщила Маша.

...Вот уже и стол накрыли. Наталку все поздравили с рождением дочки. Катю с Андреем благословили на совместное проживание, а виновника торжества нет. Упорхнул куда-то час назад и не появляется. Отец даже засобирился на поиски, как услышали на улице веселый смех, и тут же

заявился будущий «служивый» с девушкой. Катя от удивленного дар речи потеряла. Остолбенела и дивчина.

- Это моя невеста Валя Измайлова! Знакомьтесь! – торжественно заявил Володя.

- А это моя будущая жена Екатерина Измайлова! Познакомься, сынок! - не растерялся Андрей.

Всепоражающий смех был таким дружным, что даже кошка от неожиданности с печи свалилась.

...Время неумолимо. Вот уже полгода прошло, как отбыл на службу Володя, а писем все нет. Валя почти ежедневно прибегает к ним с Катей за вестями о женихе и, понуриив голову, уходит. Грустно на душе у Андрея. Грустно еще и от того, что видел он своим председательским оком, как хиреет колхозное производство. Со всех сторон государство обирает колхоз, даже сбрую на лошади купить не на что.

Осень 1940 года порадовала колхозников небывалым урожаем зерновых и солнечной погодой. Все прибрали до зернышка. Председатель с бухгалтером уже и доходы колхоза подсчитали, с отчетами запланировали выступить на общем собрании, да только зря старались. Вызвали Андрея на бюро райкома партии и объявили Решение о дополнительной «встречной» хлебосдаче в счет расчетов в следующем году. Цифра была такой, что нужно распрощаться со всеми запасами зерна. Хорошо хоть на трудодни успели выдать колхозникам. Всё же не так обидно.

Не вытерпели этого кощунства председатели колхозов. Десять из двадцати наотрез отказались выполнить это Решение. Был среди них и Андрей.

За открытое невыполнение партийного Решения всех десятерых исключили из партии и освободили от занимаемой должности. Правда, через неделю спохватились, что вопрос по председателю решает общее собрание и всех опять восстановили на работу, заставив написать заявление о добровольном сложении с себя руководство хозяйством.

Все десять написали это заявление, понимая, что после этого последует арест. И они не ошиблись!

Из всей этой десятки, Андрея арестовали последним в начале июня 1941 года. Наверное, впервые за время своего председательства Андрей ежедневно занимался только своими семейными делами, отчетливо осознавая, что времени у него мало. Первое, что он сделал, составил откровенный разговор с Марией Масловой.

- Меня, Мария, на днях арестуют, и разделю я участь твоего Николая Степановича. А потому буду с тобой предельно откровенным. С тем, что творится в нашем государстве, у меня нет объяснения. Но то, что это чума – уверен полностью. Дедушка мой рассказывал, что по России частенько проскакивали такие чумные дела. Но тогда организаторами этих деяний было не государство и царь. А теперь это делается с ведома и по указке нового царя силами государственной власти. Борьтся с этим нет сил и возможностей. Я не уверен, что острожный Николай, был до конца с тобой, Мария, откровенен относительно нашего рода. А ведь все мы Нефедовы, Назаровы – корнями из казачьего Дона. Но эта сибирская сторонка стала нашей второй родиной. Здесь могилки наших предков. Эта земля нас взрастила и здесь вложен наш труд и помыслы наши тоже с ней. Поверь, Маша, мое откровение – не плач по прошедшему, а честное признание смуты происходящего. Но даже и это время скоро закончится для меня. Однако вместе со мной могут пострадать и мои близкие. Нужно торопиться, и в этом ты мне, Маша, должна помочь. Слушай и запоминай! всю мою пшеницу по трудодням насыпь себе дома и пусти на помощь нуждающимся. Я пока еще у власти, организую заготовку дров, якобы для кирпичного завода, но развезу по родственникам. Особая помощь твоя понадобится относительно семьи Измайловых. Хлебом и топливом я их обеспечу с лихвой на несколько лет, а вот с Катей – сложности.

Как только меня заберут и обвинят во «вредительстве», её могут арестовать за связь со мной. Её нужно возвратить к родителям, и пустите слух, что мы не сожительствуем и у меня другая любовница.

- Но это же противно, - перебила разговор Маша.

- Согласен! Но – нужно во имя спасения Кати.

- Поймёт ли?

- Вот в этом ты мне и поможешь!

- Почему не сам?

- Я беру на себя ее родителей!

- Сумеешь убедить?

- Я буду очень стараться! А теперь о главном! Необходимо подготовить за это время кандидатуру на пост председателя колхоза. Я хотел на этом месте видеть тебя, Маша!

- Меня? Женщину?

- Да! Именно тебя и именно женщину!

- Почему?

- Во-первых, из всего нашего рода ты одна его продолжательница; во-вторых, женщину навряд ли арестуют и, в-третьих, ты на всех зла и зла в работе, и последнее: тебя уважают и любят!

- А как же дети? Как Наталка?

- Ты забыла, что у нас есть еще и Крикуновы?

- И как это ты будешь формировать кандидатуру на пост председателя?

- Начну с Выселок, затем с членов правления, а после этого займусь стариками.

- А моё прошлое не повредит?

- Об этом никто и не знает! А в обществе перепуганных районных чиновников все эти избрания – просто очередное кадровое решение.

- Андрей! Ты, похоже – авантюрист!

- Нет, Маша! Я, похоже – смертник!

...Не спится Андрею, теперь уже официально, - бывшему председателю колхоза «Сибирь». Ходит, бродит по селу, подолгу стоит перед школой, перед домами колхозников, будто попрощаться пришёл или в памяти запечатлеть. До слёз обидно ему за всё, что делает власть над ним, над крестьянами, да и над всей страной. Мучается, мучается так, что слёзы закипают, кулаки сжимаются, а на кого обратить свой гнев – не знает. Не на представителя же райкома и исполкома, что ещё утром прибыли в село – готовить общее-колхозное собрание по выбору председателя колхоза. Они даже своего человека на эту должность привезли, да только все впустую: преобладающим большинством голосов избрали Марию Маслову.

Увидел себя, стоящим перед колхозниками. Глазами прощаясь с каждым из них, пока зачитывали его заявление об отставке и Решение РКП(б). Стоял и смотрел, смотрел, вспоминая совместные колхозные дела, и взгляд его постоянно натывался на взгляд – поддержку одобрения. Не дожидаясь конца всей этой процедуры, пошёл по ряду сидящих колхозников, успевая пожимать протянутые ему руки. По опыту ареста его коллег-председателей, знал он, что быть ему на свободе только сутки. За эти сутки решил Андрей ещё раз попрощаться со всеми родственниками и ждать ареста дома: один на один.

Машу с собрания подждал он дома, сидя в темноте с Наталкой. Они, боясь разбудить детей, сидели, молча, прислушиваясь к малейшему шороху с улицы. Машины торопливые шаги услышал сразу и пошел к ней навстречу. Не говоря ни слова, обнял Андрей дорогих ему женщин, поцеловал каждую прощально в щеку и шагнул в темень ночи! Уже за оградой услышал он сдержанный плач у крыльца дома.

А ноги и сердце вели его на Выселки в дом Измайловых, где томится в неведении его Катюша. Не думал Ан-

дрей, что вот так – по-воровски, крадучись, придёт он ночью на свидание с женой, а вот – пришлось!

Легкий стук в окно и тут же раскрылась дверь и повисла, плача, у него на шее Катенька. Тянет она его в тень дома и сквозь слезы шепчет: «Я беременна. У нас будет ребенок». Не сдержался Андрей от этого сообщения, вырвался из груди вой от бессилия быть рядом, видеть жену, ребенка.

На шум выскочили из дома родители, Валя. Обнялись все разом и долго-долго стояли так, прощаясь, без слов напутствуя. Да и слова тут были лишними.

...Уже дома, не зажигая керосинку, присел Андрей устало на скамейку у стола, положил на руки голову и... уснул. Снится ему Иван, Николай, будто забивают они сваи для моста через красную воду реки, бревна несут для настила, а с противоположной стороны рушат этот мостовой настил буденовцы в шлемах со звездой и помогают им какие-то люди в черном, с крестами на груди. Такие же звезды и кресты шумно проплывали по небу. Пытался спросить объяснение у Ивана и Николая, а их уже нет рядом. Заворочался во сне, застонал и начал просыпаться.

Шум сна приобрел реальность, когда увидел в окно милицейскую машину. За ним приехали!

Без стука в дом вошли сотрудники НКВД и, предъявив Андрею ордер на арест, приступили к обыску. По тому, с какой небрежностью они это делали и насколько поверхностно, Андрей понял, что это чистой воды проформа, и он уже в списке заключенных по 58 статье УК РСФСР. Как приехали без особого шума, так, не шумя, и увезли его. Даже понятых на обыск не пригласили. Намного позже он ещё и узнает, что, якобы, подписал он все протоколы допросов, в которых признался о своей вредительской деятельности, и с решением суда ознакомлен под роспись. Раскрученный маховик репрессий мял всех по отработанному сценарию, без разбора. В стране планового хозяйствования все шло по

плану: объекты строительства, пуски заводов, рытье каналов, количество разоблаченных «врагов народа». Всё по плану, всё по строгой отчетности.

Андрей наивно представлял себе, что в районе ему предъявят обвинение, что будет суд, где он опровергнет все обвинения и всем присутствующим на суде во весь голос заявит, что не в руководстве колхозами нужно находить вредительство, а вредительство в органах власти. Он даже речь к этому выступлению приготовил.

Однако повезли его не в райцентр, а прямо на станцию, где уже под конвоем загружали два арестантских вагона. Когда укомплектовывались, прицепили их к проходящему московскому поезду по направлению на Запад. Вагон для перевозки заключенных был наспех переоборудован из пассажирского вагона. Каждое купе отгорожено крепкой решеткой от коридорчика-прохода. В купе четыре полки: две снизу, две сверху. Окно полностью зарешечено изнутри и снаружи. Боковые полки сняты – там конвоиры по два в смену, двое в это время весьма шумно отдыхают в спальном купе.

Во время переключки при формировании услышал Андрей знакомые фамилии председателей колхозов: Сидорчиков, Махов, Никольский. Обрадовался. А вот спроси – почему? – не ответил бы. Первую сортировочную остановку сделали в Новосибирске. Часть людей куда-то увели, заменив другими, более измученными. Здесь же их впервые за трое суток покормили горячей баландой и хорошим куском хлеба и сладким чаем. От основного состава их отцепили, и отстаивались они до утра в глухом тупике под усиленной наружной охраной с собаками. В купе-камере было два свободных места, и Андрей с сокамерниками с нескрываемым интересом поджидали пополнение. Двое предыдущих за всё время пути в разговоры не вступали, и о себе – ни слова.

Неожиданно вагон дрогнул, затем стукнул буферами с другим, и раздалась голоса сменщиков под усиливающийся лай собак.

- Похоже, у нас пополнение, - сообщил сосед.

- Откуда знаешь?

- Я путеец в прошлом. По толчкам и лязгу определил, что подсоединили к нам еще четыре вагона.

- Целый состав зэков, - механически ответил Андрей.

- Нет! Скорее всего, нас пополнят в Омске.

До Омска они так и приехали вдвоем. А там их сформировали в полный состав и начали уплотнять. В двух прибывших, Андрей не сразу признал Полторанина Игната Савельевича. Из еще не старого, энергичного в свое время мужчины превратился он в седого старика с перебитым носом без двух пальцев на руке. Андрея он признал. Заулыбался беззубым ртом. Не лучше выглядел и второй попутчик. Военная гимнастерка в кровавых пятнах на его худом теле висела колом, а правая рука была обмотана и висела на подвязке.

Прибывшие пополненцы сразу же «завалились» спать и не проснулись вплоть до очередной кормежки. Знакомство началось после принятия пищи.

- Не успел я проводить в Москву на учебу вашего председателя колхоза Ивана Степановича, как через два дня меня арестовали и обвинили в подрыве социалистического строительства в селе и в связях с белогвардейцами. Затем меня еще и обвинили в выдаче белогвардейцам нашего партизанского отряда. А в живых из отряда только я и остался. Меня сильно искалечили: сломали нос, отщемили два пальца на руке кованым сапогом, сломали ребра, повредили мочевого пузырь, но я не сдался. Не сдался, а наоборот, начал «нарываться» на высшую меру. Возможно, и расстреляли бы меня, но в это время в НКВД началась «зачистка», и от меня отстали. Быстро состряпали обвинение по 58 статье на

десять лет, и вот теперь я с вами - изложил свои приключения Игнат Савельевич.

- Моя судьба, как и многих моих товарищей-партийцев началась с Октябрьской революции. До 1907 года в звании подполковника служил я в Митаве. Жизненные дороги свели меня с большевиком Эйхе Робертом Индриковичем. Вместе с ним участвовал во всех революционных делах и в Гражданской войне в Сибири. В 1925 году, когда Эйхе назначили Председателем Сибирского крайисполкома, он взял меня в помощники, а когда в 1929 году стал первым секретарем Западно-Сибирского крайкома ВКП (б), меня назначили заместителем начальника по политической части Западно-Сибирского военного округа.

С этого времени, вплоть до 1937 года, я работал под его началом. В это время был он членом ЦК ВКП(б), кандидатом в члены Политбюро ЦК. Он переехал в Москву, а я продолжал военную службу в Сибири, - начал свою исповедь военный попутчик. - В 1937 году по особому сценарию Сталина, о чем я догадался намного позже, начались повальные аресты военных и суды над ними. Пока Эйхе был на свободе, меня не трогали, но семью я на всякий случай отправил в Ленинград к своим родителям. Меня арестовали сразу же после ареста Эйхе. Я не знаю, что ему инкриминировали, а меня обвинили во всех земных и политических грехах: махровский троцкист, заговорщик военного переворота, японский агент, аж с 1921 года. Вначале я смеялся над этим бредом, но затем, когда применили допросы «с пристрастием», - смеяться перестал. Из рассказов арестантов и материалов колчаковских допросных дел знал я ужасы тюремных застенков и методы пыток. Однако то, что я испытывал на себе, затмило всех колчаковцев. Меня не просто били, а рвали щипцами тело, раздробили молотком кисть руки, выбили зубы. Я не сдавался. Дважды вывозили на расстрел. Я все равно не сдался. Военный замолчал на этом, а

затем печально закончил. - Силы сопротивления мои иссякли два месяца тому назад, и я признался во всех обвинениях. Теперь я с червонцем во лбу качу с вам куда-то на Запад.

Рассказ прервал окрик охранника: «Кончай болтать, контра!»

Смертельно измученный произошедшим с ним и всем услышанным, наступало от этого у Андрея какое-то полузабытие. Сидит, сидит и внезапно засыпает. И сном то это назвать нельзя, а мозг отключается. Первым это заметил Игнат Савельевич и на немой вопрос Андрея ободряюще прокомментировал: «Не волнуйся, Андрей Степанович! Это мозг отключается, чтобы сохранить целостность организма от разрушения». И происходило это с Андреем в любое время, даже в ходе разговора с ним. Говорит, говорит и внезапно замолкает... спит.

Вот и теперь опять кинуло его в сон. Сон поверхностный: все слышит. Разговаривает вполголоса Игнат Савельевич и политкомиссар. Значение многих слов Андрей не понимал, но смысл и адресность их улавливал.

...Во что бы то ни стало, а на волю нужно сообщить обо всех зверствах палачей!

- Как?

- Надо подождать! Ведь ухитрились же большевики из тюрьмы Кутомары сообщить о пытках над заключёнными еще до революции! Мы обязаны, пусть даже собственной жизнью, разоблачить в этом роль Сталина!

- Вы правы! Нужно развенчать мнение о том, что он, якобы, о творимом в застенках не знает!

Опять мозг Андрея отключился в этом месте. А когда через какое-то время очнулся, то услышал:

- Мы ведь царское и Временное правительство свергли, ориентируясь на равноправие всего российского народа. Ещё при Ильиче действовали мы ради этих целей, круша всё налево и направо. Сколько пролито кровушки и сколько

могильных крестов! Но сейчас всё в корне изменилось. Практически, сооружено и дальше сооружается другое, далеко не правовое государство. И первую скрипку во всем этом играет Сталин. Сейчас он занят проблемой укрепления своего единоличия и однозначия в стране. Он хочет быть в ранге Хозяина. Действует весьма ухищренно, даже с каким-то садизмом. Всех, мешающих ему, он убрал со своего пути: «неугодных», «умных», «военачальников», «врагов народа», «партийцев-ленинцев».

- Но чтобы это ему «сварганить», нужны были годы упорного труда! Нужен талант руководителя! Нужны реальные дела!

- Все это есть и было! Вначале это строилось на огромной вере народа в идеалы революции. Затем – в ликвидации повсеместной разрухи. А когда этот энтузиазм начал гаснуть – понадобилась новая востребованная идея и новое решение по осуществлению ее. Взяли курс на восстановление промышленности. Курс верный и «очеловеченный». Но какой ценой? Ведь для этого Сталин пожертвовал крестьянством. Вначале убрал «кулаков», а затем, через коллективизацию, превратил колхозников в рабов, забирая все для «латания дыр» пятилеток. Для всего этого надо было создать реальную силу действий. Сталин прибрал под себя органы ГПУ и НКВД. Именно Сталин на этом пути сумел жестокость периода революции и Гражданской войны перевести в партийно-правовую систему. А чтобы всё это завуалировать, надо было создать миф об «Отце народов». Сталину этот удалось! Завоевания в Гражданской войне – заслуга Сталина, курс партийного строительства – заслуга Сталина, выполнение и перевыполнение пятилетних планов – опять заслуга Сталина. Так, из посредственного в своё время большевика вырос Вождь: при помощи мифов, лжи, насилия. Его нужно остановить! Не остановим – будет кровавая бойня!

В коридоре началась возня по раздаче еды.
Разговор прервался.

Перед Москвой к составу прицепили еще два вагона арестантов. Начальнику поезда для получения продуктов питания на продпунктах пришлось привлечь с каждого вагона по два ээка. Обрадовались «враги» и «вредители» возможности мимолетного общения. Во время раздачи еды шепнули они, что все будут приписаны к седьмому строительно-монтажному управлению Главного управления автодорожного строительства НКВД. Следует состав через Москву, Смоленск, Могилев на Бобруйск.

Завеселели людишки за решетками вагонов – определенность появилась. Начали друг друга расспрашивать о местах их будущего проживания. В камере, где находился Андрей, о тех местах никто толком ничего не знал. Единственное, что мог сообщить политкомиссар, это то, что Бобруйск – железнодорожный узел на реке Березине в Брестской области Белоруссии.

Москву без остановки проскочили ночью и спешно покатали через Вязьму на Смоленск. Прохладу Днепра почувствовали в Орше, где опять находился продпункт. Особо ускоренно уходил состав после Могилева. Ни охрана, ни заключенные значения этой спешке не придали. Да и устали все.

Непонятное стало твориться утром 22 июня 1941 года на небольшой станции Осиповичи. Вначале их загнали в тупик. Паровоз отцепили, и он куда-то быстро удалился. Покинула вагоны и охрана. Снаружи раздавались крики команды. Привыкшие ко всему заключённые, переглядывались. Не успели они удивиться происходящему, как с западной стороны на станцию начал наползать гул с неба. Захлопали беспорядочные выстрелы охранников. По вагонам начали беспорядочно стрелять. «Ложись! - только и успел крикнуть политкомиссар и тут же упал замертво, сражён-

ный пулей в голову. Еще один упал с полки, обливаясь кровью. Андрей и Игнат Савельевич успели шлепнуться на пол и прижаться к решеткам, ища подсознательно в них опору. Гул с неба усилился и оттуда последовал ужасный вой. От взрыва вагон качнуло, и он опрокинулся. Взрыв был такой силы, что крыша вагона при падении отлетела в сторону. Кругом всё горело и стонало. Из месива человеческих тел тянулись руки, моля о помощи. Вагоны горели с каким-то особенным треском, унося вместе с пламенем вверх и последние прижизненные надежды. Уцелевшие зэки отползали, отбегали от этого сплошного пожара. Им вслед строчили из пулемёта недобитые палачи, выполняя приказ начальства. А их, в свою очередь, добивали сверху истребители с черными крестами. Уцелевшие заключённые группками устремились к виднеющемуся лесу. Андрей и Игнат Савельевич присоединились к убегающим, и сквозь топот ног и надрывный кашель донеслось: «Война! Война с Германией!».

И над всей этой топающей, задыхающейся, стонущей толпой прозвучала команда: «Коммунисты и сочувствующие! Ко мне!». Подошли почти все, всматриваясь в высокого военного. А он поднял руку, прося тишины, и выкрикнул: «Я бывший майор погранвойск этих мест и прошу всех меня выслушать! Мы все в большой обиде на власть! И это справедливо! Но власть – далеко не Родина. А Родину нужно защищать! Предлагаю вернуться на станцию, собрать оружие, питание и похоронить погибших. После этого возвращаемся сюда для формирования колонны и длительного перехода в леса для организации партизанских отрядов.

Постоял, молча, ощупывая людей взглядом, и произнес: «Кто согласен – в одну шеренгу стан...о...вись!» И ведь почти все стали: униженные, избитые, больные, но всё же – защитники своей Родины!

2.

До самого вечера вел свой отряд майор Парамонов подальше от разбитой железнодорожной станции, подолгу останавливались в перелесках и оврагах, минуя села. Вел без карты, без ориентиров, только по памяти в сторону реки Березина к Жлобину, в прилегающие там леса. Люди, измученные тюрьмами и издевательствами, двигались на пределе сил, стиснув зубы и кулаки. На их пути всё чаще и чаще встречались следы наступающих фашистов и бегство Красной Армии: то в брошенной орудии, то в окровавленных гимнастерках офицеров с партбилетами в карманах. Скулы сжимались от этих картин. Майор понимал и другое – двигаться такой неорганизованной толпой без формирования групп по воинским канонам нельзя. На очередном привале собрал он вокруг себя бывших военных, сибиряков, жителей этой области, чтобы держать совет.

- Те, кто служил в армии, знают, что всякое передвижение войск без вооружения, без разведки, без тылового охранения и без пищи – невозможно, и это грозит катастрофой, - не повышая голоса, проговорил майор, внимательно следя за реакцией присутствующих. - Нам нужно военное формирование! Двигаться дальше неорганизованной толпой – преступно с моей стороны, - продолжил он. В первую очередь нужно создать группу разведчиков хотя бы из пяти человек. Командиром желательно назначить человека, знающего лес и, желательно, охотника. Кто добровольно возьмется за это? - Молчание. - Кто способен возглавить разведку, - более настойчиво спросил Парамонов.

- Похоже, – я! - подал голос Андрей.

- Представьтесь!

- Крикунов Андрей Степанович, бывший председатель сибирского колхоза, таёжник. Осужден по 58.

- Я его знаю. Хороший будет командир! - вмешался в разговор Игнат Савельевич.

- А вы кто?

- Бывший секретарь райкома партии, начальник штаба партизанского отряда, но «враг». Фамилия Полторанин Игнат Савельевич.

- Игнат Савельевич, сможете ли Вы быть начальником штаба нашего намечаемого партизанского отряда?

- Смогу! Согласен!

Не меньше часа шло формирование подразделений. Перед каждым командиром майор поставил определённые задачи: разведка уходит вперёд для уточнения маршрута и наличия вражеских войск; отряд хозообеспечения уходит на поиск продуктов питания, конной упряжи и оружия; отряд охраны выставляет боковые и концевые посты, а вся колонна начала устраиваться на отдых.

Первый раз за всё время бегства командир разрешил разжечь костёр и сварить похлёбку из найденной на станции тушенки. Пять найденных там же булок хлеба делили на всех старым приёмом эков – суровой ниткой. Кусочек сала поделили между ранеными и ослабленными.

Для варёва нашли пять котелков и одну каску. Для хлебания Игнат Савельевич быстренько из бересты изладил всем ложки. За едой неустанно следил бывший военврач и считал, сколько ложек варёва может каждый зачерпнуть из котелка. Бывшие эки были довольны и этим.

Горячая пища на голодный желудок подействовала на всех расслабляюще. Улеглись, прижимаясь, друг к другу для тепла, как бывало на тюремных нарах, и, уснули. Слышен был только легкий храп, да слабые голоса двух говорящих:

- Ты кто?

- А ты кто?

- Я никто!

- Мы все никто!
- Я думал, что человек!
- Человеком будешь с оружием в руках! Пока ты «враг народа»!
- Злой ты всё же!
- Будешь злым, когда Усатый всю семью за меня загубил!
- За что?
- За язык! Ляпнул на раскомандировке, что Стаханов не мог один за смену нарубить столько угля!
- И что?
- Оказалось, что я агент Англии и их шпион.
- Ну и кто ты после этого?
- Человек?
- Какой ты человек? Ты просто дурак и болтун!
- И ты дурак!

Спор, переросший в ссору на ровном месте, прекратили тихие шаги военврача.

Двое суток безоблачного неба, двое суток без вони параша и подглядывания в глазок камеры, двое суток ещё полностью не осознанной свободы. Даже голодные, завшивленные люди смеялись и радовались как дети. Но радовались не очень долго. Целый день под руководством Игната Савельевича строили в земле новую баню. К вечеру военврач заставил всех раздеться догола и сдать одежду на пропарку и по десять человек засовывали в импровизированную баню для помывки. До середины ночи продолжалась эта церемония. Люди ожили, разговорились, от души хохотали над потерей их вечных спутников – вшей.

В полдень следующего дня прибыли разведчики. Андрей докладывал майору:

- В пяти километрах отсюда начинается лес до самой Березины. К Березине через лес проходит тропа к мосту. Немцы без боя на танках и автомобилях, практически бес-

препятственно, форсировали реку. Прошло не более пяти дней. Выставленный нашими войсками заслон уничтожен полностью. На месте гибели есть оружие. По тракту движутся тыловики на машинах и лошадях.

Что предлагаете, Андрей Степанович? - спросил майор.

- В стороне от тракта есть большие нетронутые села. Там можно добыть пропитание, хозяйственный инвентарь. Нужно похоронить наших военных и собрать оружие. Через Березину можно переправиться в верховье реки на пароме. У меня – всё!

- Служил? - довольный докладом спросил майор.

- Нет!

- Откуда умение так кратко и ёмко рассказывать?

- От жизни, товарищ майор, - улыбнувшись, ответил Андрей.

Не успели разведчики пройти под зорким оком военврача очистку тела в бане и очистку одежды от вшей, как, пытая, заявили хозяйственники на двух подводах, забитых разной разностью. Чего там только ни было: пять мешков картошки, три мешка муки, целая бочка солёных огурцов, ведро топленого сала, топленое масло, яйца, живые гуси, топоры, лопаты, пилы и пулемет «Максим».

- А «Максим» откуда? - не вытерпел и спросил майор.

- Хозяин сказал, что еще с Гражданской войны в огороде валяется, - смеясь, ответил старшина.

- А гуси-то для чего?

- Это для маскировки. Если бы наткнулись на патруль, то стали бы брехать, что едем торговать, - с лукавинкой в глазах ответил старшина.

...После разработки схемы дальнейшего маршрута, Андрей со своими разведчиками двинулся вперед, оставляя через каждые два километра по скрытному дозору, а путь движения до самого шоссе поместили «подпалинами». Этот

приём подсказал ему разведчик Орлов, таёжник, охотник с Дальнего Востока:

- Сами-то мы в лесу не заблудимся, а чужие начнут плутать даже с компасом. На всякий случай мы путь свой метим.

- Как?

- Есть несколько методов. Можно обломанными ветками на деревьях, можно засеками, но лучше «подпалинами».

- Это как?

- По ходу движения со стороны пути на уровне своей груди факелом подпаливаем кору дерева. Остается место обугливания. Оно не смывается и не губит дерево.

...Своих разведчиков Андрей подобрал сам, ориентируясь на свою интуицию и опыт. Всего-то и выбрал он шестерых, но каких: лесовики-охотники, крепыши-крестьяне, даже учитель немецкого языка. Шли всегда ромбом: по одному спереди и сзади, двое по бокам, двое посередине. Это было самое надёжное движение и на опасность с любой стороны могли среагировать.

Проделав все свои дела, поужинали всухомятку и разместились на ночлег в плотном березняке.

Андрей прилег на спину под раскидистую берёзу и залюбовался небом. Черные с белыми краями тучи клубились чуть выше вершин деревьев и спокойно уплывали вдаль, объединяясь с другими более тёмными, предвещая дождь. Оторвал взгляд от неба и невольно посмотрел на стоящую поодаль могучую сосну. Её вид отослал его память к детству и той сосне, что росла на скалах в противоположной стороне от мельничной запруды. Долго мальцом он ломал голову: как сосна могла вырасти на скале, на камнях? Разъяснил всё ему намного позже тесть – Степан Георгиевич.

- Солнце, холод и ветер разрушают скалы и раскалывают камни. Прорезалась в камне трещинка, а в нее ветром занесло пыль от землицы. Начал расти лишайник под дождеком и пошло расширение щели в камне. Через много лет в этом углублении зазеленела травка, и пошло образование плодородного слоя. Занесло в это место вездесущее семечко сосны, зацепилось и пустило корни. Сосна-малютка начинает обживать. Дальше – больше. И уже тесно ее корням в узенькой каменной щели. Корни вгрызаются в скалу, раздвигают трещину и уходят с каждым годом все глубже и глубже. И вот уже над скалой поднимается хоть и кривой от всяческих невзгод, но прочный, негибаемый ствол, увенчанный вечнозеленой кроной. Все, как и в человеческой жизни. Не расцветет человек, пока не даст крепкие корни, - закончил он.

Задумался над этим Андрей, приравнивая услышанное с действительностью. У каждого из нас – бывших политзаключенных, все же крепкими оказались корни. Ведь все согласились защищать Родину, а не Страну и не Сталина. Как ни гнули, ни ломали их в тюремных застенках, а корни всё же уцелели. Скоро бой. Он сразу покажет крепость корня и стойкость ствола. В бой-то пойдем без оружия, сражаться будем голыми руками. Выдержат ли? Не попятятся ли перед лицом смерти? А сам-то как? Груса не запраздную? Смерть – реальна, а жизнь – нет; вот и выбирай! Возможно, я и погибну. У меня хорошая, крепкая, сибирская закваска и потомки есть. А у других? Быстрее бы уж бой! Там все решится сразу! С этими мыслями он и уснул.

Ещё и рассвет не наступил, а разведчики были уже на ногах. Юркий, совсем не по возрасту рассудительный Никитин, умудрился в овраге даже чай приготовить. Наскоро подкрепившись, разведчики ещё раз прошлись вдоль дороги, намечая места перехода основной колонны. Часа через

два ближний пост просигналил о прибытии основных. Залегли, попрятавшись, и стали ждать.

Десять человек начали сносить убитых и оставшееся оружие. Старшина насчитал их двадцать человек. Половина имела пулевое отверстие в голове. Немцы добивали раненых. Со всех сняли сапоги и верхнюю одежду, уложили всех в овражек и закопали. Затесали толстый кол, вырезали на нём звезду и вбили у изголовья. Постояли, молча, у захоронения и так же тихо отошли к месту перехода. Лишь командир ещё немного задержался, склонив голову, и произнес: «Простите, братцы!». Это все, что мы могли для вас похристиански сделать!».

Приготовились к переходу. В это время к Андрею подошел вездесущий Орлов и заговорил:

- Командир! Нельзя на дороге оставлять следы. Заметят немцы и начнут преследовать!

- Что предлагаешь?

- Сделать настил из веток, по ним всех переправить, а затем всё убрать, да и дождь напрашивается.

- Молодец! Приступай!

Переход прошёл без сучка и задоринки. Ни одного следочка на дороге. Разведчики и десять человек залегли по сторонам тракта, приготовившись к бою.

Только солнце показалось поверх деревьев, как показались две конные упряжи. На передней телеге сидели возница и двое гражданских с повязками на рукавах, держа на коленях винтовки. На заднем возу сидел только возница без охраны и «клевал носом». Андрею показалось, что никто из них даже ничего не сообразил, как их уже оглушили и покатали подальше от дороги в лес. Все ездовые оказались местными полицаями и везли они в районную комендатуру питание, тёплую одежду и несколько бутылок самогонпервача.

- Свидетелей убрать! Все передать в хозобеспечение!
- прозвучала команда майора.

Отрядники вернулись на свои позиции и залегли. Ждали долго, очень долго. Уже и ноги стали затекать, а по тракту проскочили только два мотоциклиста. Вся эта тишина ещё раз подтвердила мысль майора, что находятся они в глубоком тылу. Перед тем, как сняться с позиций, услышали шум приближающегося мотоцикла и автомобиля. Для мотоциклиста быстро натянули поперек дороги проволочный «опрокид», а для захвата автомашины две гранаты и пулемёт. Мотоциклист с пулемётом опрокинулся, как только наскочил на проволочную струну. Одного разрыва гранаты хватило, чтобы остановить автомобиль, из которого выскочили с поднятыми руками два ефрейтора. Машину и автомобиль быстренько перегнали в лесок и приступили к проверке трофеев. С мотоцикла сняли целёхонький пулемет и целую коробку патронов. Мотоциклисту не повезло – голову отрезало, словно топором рубанули. С машиной повезло больше. Кузов был забит оборудованием, коробками галет, кофе, хлебом, мясной тушёнкой и опять много оружия.

- Андрей Степанович! Срочно пошлите быстрого на ногу разведчика за старшиной с подводами. Мотоцикл отгоните подальше в лес и сожгите вместе с мотоциклистом! Продукты питания погрузите на захваченные подводы, и отправьте их к основному отряду! Мы с вами остаемся охранять оружие и пленных, которых нужно допросить, - чётко распорядился майор.

Из показаний пленных ефрейторов следовало, что Красная Армия отступила далеко за Березину и фронт уже под Смоленском. Они же относятся к тыловым частям по обеспечению частей зондеркоманд продуктами питания и боеприпасами. Во всех населенных пунктах управление передано местным старостам и немцам. Ещё они сообщили,

что неподалёку работает по-прежнему целый колхоз при поддержке властей Германии.

Оставшись наедине с Андреем и начальником штаба, майор задал вопрос:

- Что будем делать с пленными и с машиной?

- Машину мои разведчики спрячут так, что её ни одна собака не найдет,- предложил Андрей.

- Пленных можно использовать при продвижении – посоветовал Игнат Савельевич.

- Одобряю предложения обоих, - спокойно проговорил командир и уже более утвердительно: - Людей разделите на две части: одна – условно партизаны, другая – конвойные. Конвойных переодеть в немецкую форму и в колонне их место по бокам. Так же поступим и с разведчиками. Места эти не только лесистые, но есть и горы, холмы и открытые пространства. Могут быть засады, а нам нужно сохранить людей. Вот для чего вся эта клоунада!

Немного помолчал и, повернувшись к начальнику штаба, дружеским голосом произнес:

- Вас, Игнат Савельевич, прошу лично укомплектовать наших артистов и каждому объяснить цели и задачи. А с вами, Андрей Степанович, посетим этот колхоз, благо, что он где-то рядом. Интересно всё же посмотреть на новую Советско-Германскую организацию колхозного производства. Оставьте для движения колонны троих своих разведчиков, а с остальными – в колхоз!

Но узнать что-либо о колхозе не удалось. Не отошли и двух километров, как услышали со стороны колонны выстрелы. Быстрей туда. Оказалось, что разведчиков атаковала небольшая группа красноармейцев – остаток погибшего здесь батальона третьей армии Брянского фронта. Жертв среди разведчиков не было, а вот среди нападающих красноармейцев были жертвы: двое убитых и трое раненых. Ни-

кто из красноармейцев толком что-либо объяснить не смогли. Пришлось их забрать и двигаться дальше.

До самой Березины прошли благополучно, если не считать, что проворный старшина вместе с разведчиками обнаружили припрятанную кем-то полевую кухню. Надо было видеть усатое лицо старшины в довольной улыбке, когда сварили в первый раз кашу. Вроде пустяк, а на душе радость. Много ли человеку надо, чтобы немного забыться? Ему даже приятная мелочь душу греет, а горячая каша – тем более.

Не доходя до реки, резко свернули к верховью, обходя села. Через сутки пути разведчики доложили, что за очередным селом обнаружен исправный паром. До выяснения причастности селян к этой переправе пришлось опять всех укрыть и послать в село двух «оборванцев-побирушек». Часа через два явились они с полной корзиной разной снеди и отрадной вестью. Оказывается, селяне к парому никакого отношения не имеют, и построили его отступающие части Красной Армии. Сейчас он бесхозный.

Переправа началась поздно вечером и закончилась глубокой ночью. Вконец измученные утомительными переходами, люди валялись с ног. Майор понимал, что без длительного отдыха продвижение дальше невозможно. Да и глубокая разведка уже нужна для определения места дислокации отряда. Взвесив все за и против, отвел командир своё формирование вглубь леса подальше от реки и объявил недельный отдых.

На второй день отдыха уединился он от всех с начальником штаба и начальником разведки и начал излагать:

- Люди находятся на пределе физических сил. Объявленный мною длительный отдых в полевых условиях особых сил измученным людям не прибавит. Думаю, что наступила пора оборудовать стационарный лагерь. Нам надо выбрать стратегически верное место. Необходимо по-

добрать знающих людей и отправить их на поиск. Такова, друзья мои, ближайшая задача! Хотел бы услышать ваши предложения!

- Мы недавно с Еремеевым обсуждали эту ситуацию, и пришли к такому же выводу, - начал Игнат Савельевич.

- Это какой же Еремеев?- перебил его майор.

- Это – я, товарищ командир, - улыбаясь, вставил Андрей Крикунов.

- Моя настоящая фамилия Еремеев. Я сын белогвардейского капитана Еремеева и горжусь отцом своим!

- Час от часу не легче! - проворчал командир.

- Не нужно никого искать, командир! Я в свое время это делал в сибирских лесах. Так что – опыт есть. Предлагаю следующее. Пока люди отдыхают, мы с Андреем отправимся на поиск. Думаю, что за неделю справимся, - продолжил разговор Игнат Савельевич.

- А что скажет Андрей Степанович Еремеев-Крикунов? - улыбаясь, спросил майор.

- Это наше общее мнение, товарищ командир!

- Какие же вы молодцы, сибиряки! Есть у вас какой-то особый характер! Есть он! С планом согласен! А теперь о деталях! По моему представлению относительно этих мест, лес дальше пойдет по возвышенностям и болотам. Но всё это обрывается к северу и переходит в открытую местность. Постоянное место стоянки необходимо определить в малодоступном месте леса. Вот и всё, друзья мои – сибиряки! А зовут меня Владимиром Владимировичем, - обнимая обоих, прошептал майор.

...Долгими путями шли поисковики, придерживаясь левобережья реки Березины. Через двое суток взяли ориентир на Жлобин, но по мелколесью дальше не пошли и направились в сторону Бобруйска. На второй день пути в этом направлении наткнулись на малозаметную тропку. Тропа вела всё дальше и дальше вглубь леса. Когда поряд-

ком стемнело, решили переночевать, а утречком продолжить свой маршрут. Только-только засерело на востоке, как разведчики уже зашагали дальше, периодически теряя тропу. Затем она вообще оборвалась около огромного болота. Опытный глаз Игната Савельевича заметил на болоте выставленные вешки.

- Эти вешки указывают ход через болото. Будем форсировать! - раздеваясь, прокомментировал он.

Весьма благополучно пройдя по крепкому, прикрытому настилу в болоте, оказались на большой поляне, окружённой густым лесом. С северной стороны лес резко уходил в гору и на другой стороне перешёл в мелколесье. У самой горы стояла небольшая избушка на берегу говорливого ручья.

Игнат Савельевич, сильно прихрамывая, долго мерил шагами поляну, дважды поднимался в гору, всматриваясь вдаль, и умиrotворенно заявил Андрею:

- Лагерь, Андрей Степанович, обустроим на этом месте! Позиция – лучше не придумать! С одной стороны болото, с другой стороны гора, откуда просматривается округа, и везде строевой лес. Здесь! Именно здесь! - убеждая себя и Андрея, утвердительно закончил он.

Разожгли костер, попили чаю с сухарями, высушили намокшую одежду и прилегли отдохнуть. Андрей уснул сразу, слегка постанывая, а Игнат Савельевич долго крутился с боку на бок и, глядя на окружающий лес, начал мысленно рассуждать: «А ведь в этих местах проходил путь восточного похода князя Святослава. И был этот поход, скорее всего, всё же не завоевательным, а разведывательно-объединительным для многих народов. Многие народы встречал он на своём пути: древлян и полян; кривичей, дреговичей и радимичей; вятичей, мордву и печенегов; болгар, хазаров, аланов и ясов. У всех была своя земля, и все кормились с этой земли. Воевал ли Святослав с этими народа-

ми? Да, воевал! Но землю не поганил, не уничтожил и лес берег, без нужды не рубил. А что делаем мы? Да, мы хуже наших древних предков! Врубаемся безжалостно в леса, жгём их и даже валёжный лес не убираем. Землю – извечную нашу кормилицу – не щадим. А ведь к ней нужно обращаться, как к живой. Возле нас, где бы мы ни жили, должна жить и цвести земля!

- Старею, похоже, - вслух проворчал он. Кругом война, смерть по пятам ходит, а я о красоте земли беспокоюсь. А может быть, так и должен жить человек с мыслью о земле? Наверняка – да!

Своим ворчанием разбудил Андрея, и тот, потягиваясь до хруста в суставах, молодцевато вскочил и побежал к ручью умываться.

Разметив шагами и колышками место будущего расположения хозяйственных и жилых построек, удовлетворенные направились на разведку прилегающих мест. Долго шли вдоль ручья, не замечая ничего подозрительного, пока тот не уткнулся в неширокую речку. Перешли её вброд и залегли в кустарнике, просматривая округу. Только собрались следовать дальше, как донеслись голоса. Продвинулись ближе и у воды увидели рыбаков. Убедившись, что с их стороны не ожидаются какие-либо агрессивные действия, решили подойти.

- Приветствуем вас, люди добрые! - первым вступил в разговор Игнат Савельевич и, увидев в ведерке уху, добавил: - А если ещё и ушицей побалуετε, то поимеете от нас сердечную благодарность!

- И вам не хворать! - буркнул рослый мужчина с удивительно красивыми глазами.

- Где-то я видел эти глаза! Где? - мелькнуло в голове Андрея, и он вступил в разговор:

- Меня зовут Андреем Нефёдовым, - врал он. Моего дядю – печника зовут Игнатом Савельевичем. А вас?

- А я – Микола Глушко! А это мой приятель Грицко! – улыбаясь, проворковал здоровяк и пристально начал рассматривать Андрея.

«Глушко», «Глушко», - опять завертелось в голове у Андрея, и он даже не сразу услышал вопрос.

- А скажи мне, дружок, не знаешь ли ты Ивана Нефёдова? - ошарашивающе прозвучал вопрос.

- Это мой дядя! - не задумываясь, ответил Андрей и тут же оказался в объятиях Миколы.

- Ой! Боже ты мий! Як же я ж рад! - хлопая Андрея по спине, восклицал Микола. - А как там сестрица моя Наталка?

- Жива, здорова наша Наталка! Дочку родила от Ивана. Ждёт его! - вставил Андрей.

- Боже ж ты мий! Як же оно всё гарно! - не унимался Микола. - А у меня горилка заплуталась! Давайте трошки спрыснем мою племянницу! - не унимался он.

Эта самая «трошки» оказалась литровой бутылкой самогонки. Первый, второй и третий раз под ушницу и сало пили из одной кружки, передавая «братину». По внешнему виду Миколы можно было подумать, что он вообще от выпивки не пьянеет, а становится только разговорчивей.

Первым в общем гвалте прозвучал, останавливающе всех голос Игната Савельевича:

- А что это, рыбачки, вы в этой глуши потеряли?

- Людей мы наших заблудших, ошалевших от войны разыскиваем! - тут же ответил Микола.

- Зачем?

- Спасать их надо! Спасать!

- Как?

- Хотим пригласить их в нашу Русскую освободительную Армию. Под чьим крылом живут, трудятся и счастливы тысячи людей, брошенных коммунистами на голодную смерть.

- Это ещё что за армия, Микола? - насторожился Андрей.

- Добре! Слухайтэ! Рассказ мой будет дюже интересный!

Осенью 1941 года немецкие войска замкнули «Брянский котел» и в окружении оказались 9-я и 13-я армии Брянского фронта. Началось масштабное уничтожение живой силы. Многие солдаты и офицеры красной Армии погибли, многие сдались в плен, а часть ушла в партизаны. Среди, скрывающихся в лесах были самые настоящие грабители и мародеры. Для защиты от них пришлось местному населению создавать свои отряды самозащиты. Брошенного оружия было достаточно. Но ещё до этого повсюду проводилась тактика «выжженной земли». Жгли всё: амбары с хлебом, запасы продовольствия, даже хлеб на корню. Угоняли скот, лошадей, трактора, автомобили, взрывали заводы. Раздача запасов и их эвакуация была настрого запрещена. Коммунисты сбежали, а сотни тысяч местных жителей и красноармейцев были обречены на голодную смерть. Было принято решение по всем этим территориям, включая и Орловскую область, перейти на самоуправление.

В посёлке Унега главой местного самоуправления стал Константин Воскобойник. Был он в своё время участником Гражданской войны на стороне Советов, но затем примкнул к крестьянскому восстанию на Тамбовщине и получил за это три года заключения с «поражением в правах». В поселке длительное время проживал по подложным документам.

В то же время здесь проживал инженер Бронислав Каминский. Тоже участник Гражданской войны, исключённый из партии за критику колхозного строя, и отсидевший за это лет пять.

Наша округа для немцев была неперспективной, но партизанской. Поэтому Воскобойникову и Каминскому

удалось весьма быстро убедить немцев о создании в этих местах русской автономии. Те согласились и вывели отсюда все свои войска, обложив район небольшим налогом. Вот тут-то и проявился организаторский талант этих руководителей.

Среди жителей нашей местности проживают много людей из раскулаченных, репрессированных, привлеченных по статье 58 УК РСФСР. Эти люди поспособствовали организаторам создать вполне достойный управленческий аппарат. Вначале наш район, совместно с соседним, был преобразован в уезд, а затем - в округ с населением свыше полмиллиона человек. Во время налета сюда партизан под командованием Сабурова погиб Константин Воскобойников, и началось военное противостояние против всех партизан. С этого момента опять началась Гражданская война: россияне убивали россиян. И всё же Брянские леса были очищены от большинства партизан, а многие из них прибились к нам, и большинство занялось крестьянским трудом. Армия наша уже сегодня имеет в своём составе 14 стрелковых батальонов, бронедивизион, истребительную роту, полицию. Всего около 20тысяч человек.

А мирная жизнь после смерти Воскобойникова набирала обороты под руководством Каминского. Округ он разделил на восемь районов во главе с управой. Район поделил на волости, которыми управляют волостные старшины. В волость входят сельские общины, которыми руководит избираемый староста. Каждая деревня разбита на участки, типа бывших колхозных бригад, ответственность за это несёт назначенный десятский.

Вот я руковожу общиной. Многое, что мне во время учёбы в Москве рассказывал Иван о структуре бывшей вашей общины и организации в ней труда, я применяю полностью. Получается превосходно. Благодаря ликвидации колхозов и разделу колхозной собственности – резко вырос

жизненный уровень населения. Налогов – в несколько раз меньше, чем было в СССР.

- Микола! Сдается мне, что ты провокатор и пытаешься обманом завлечь нас к себе, - прервал рассказ Игнат Савельевич.

Микола вначале опешил, но собрался с духом и ответил:

- На кой ляд мне, бывшему председателю колхоза, врать? Мова моя – правда, о которой вы и слыхом не слыхивали. Я бы за эти слова мог даже и обидеться, но очень уж хочется мне всё выложить, чтобы мозги всем проочистить от черноты тюремного сталинского налёта. Немного погодя, задал вопрос:

- Вы Ивану Степановичу Нефёдову верили?

- Полностью. Я ему жизнью обязан!

- Тогда верьте и мне! - сказал, налил себе горилки, сделал два крупных глотка, глуша окончательную обиду от вопроса. - Каминский восстановил судебную систему гражданскую и военную. Суды работают чётко. Самым интересным сообщением для всех вас – это открытие в округе 345 школ, и обучается в них более тридцати тысяч детей. Школы все работают без всякого политического налёта, без преклонения перед немцами, а в духе наследия русских писателей. Заработали театры, кинотеатры, библиотеки. Не забыты и старики – им начисляют пенсию, обеспечивают топливом. Для детей-сирот открыты детские дома. Вот, пожалуй, и всё! Верьте или нет – ваше дело, но я изложил всё, что реально есть! Хотите убедиться? Прошу в гости!

Долго после этого сообщения держалась тишина. Даже остатки горилки её не нарушили.

Первым заговорил Андрей:

- Выходит, Микола, что мы столько лет боролись за это самое и жизнями рассчитывались в лагерях и тюрьмах, а

вы всё сумели организовать за такое короткое время. В чём секрет?

- В свободе и дисциплине, - восторженно ответил Микола, увидев в этом вопросе доверие к своему рассказу.

- Ты, Микола, был откровенным, будем и мы. Подыскиваем мы для своих политических заключенных укрытие в лесу. Мы далеко не формирование. Воевать, тем более, разорять население не собираемся. Нам нужен серьёзный длительный отдых. Понадобится твоя помощь в одежде, питании и лекарствах. У нас этого нет, потому что бежали из-под стражи. Поможешь?

- Помогу, родственничек ты мой! - обрадовано заявил Микола и достал из-за голенища сапога немецкую топографическую карту. Давайте вначале выберем место для перевалочной базы.

- Может быть, в селе у военного парома? - со свойственной ему хваткой, спросил совсем унывший Игнат Савельевич.

- Гарно! Добре! - кивая, согласился Микола. - Это у Сорочек! Там наши люди. Обращайтесь к десятскому Ямчуку. Надёжный и верный человек!

- Есть, Микола, ещё одна просьба: оставь нам эту карту и добудь радиоприемник с батареями. Сможешь?

- Конечно, смогу! У нас этих карт сотни. Немецкие войска ушли, и все карты за ненадобностью побросали. С батареями потяжелей, но достану. Даже спирт вам передам!

- Откуда такие возможности, Микола? - несколько ехидненько спросил Игнат Савельевич.

- А я забыл сказать, что восстановили спиртзавод, мыловаренный, кирзавод, кожевенный, сахарный комбинат и маслозавод. Оттуда всё и возьму! - гордо заявил Микола.

...Долго прощально жали руки, обнимались. И не ведал Микола, что в поисках малых партизанских отрядов через два года подорвется он на mine и останется без ног, а

Грицко поймает сердцем пулю в курской стороне от сотрудника НКВД в 1950 году.

Вот уже и шаги уходящих затихли вдали, костёр давно прогорел, а Андрей и Игнат Савельевич всё ещё сидят у кострища, обхватив голову руками, будто пытаются удержать там всё, о чем было говорено и это осмыслить. И у каждого из них рвался наружу вопрос: «Как же так?». Так и не ответив на него, душевно опустошённые, молча, побрели они навстречу с основным отрядом.

...Не узнал своих вернувшихся помощников командир Парамонов. Вроде те же, но не те. Гложет их какая-то душевная боль, не дает покоя. Пока добирались по всем закоулкам леса и болот до намеченного места лагеря, майор их расспросами не донимал, но насторожился. Андрей вообще «ушел в себя» и все распоряжения выполнял медленно, низко опустив свою гордую голову.

Прежде чем приступить к устройству лагеря, майор выстроил всех и громко, чтобы все слышали, завил:

- С этого момента все мы военизированный гражданский отряд! Перед нами задачи: до наступления холодов обустроиться. Работать будем двумя частями: одни на заготовке стройматериалов, другие – на строительстве лагеря. После обустройства – длительный отдых и лечение. Ближе к середине следующего года приступим к обучению воинскому делу, а после всего этого начнём проводить неглубокие разведывательные рейды по окрестностям и устанавливать контакты с местным населением! Дисциплина – железная! Спрос – особый! На вопросы и ответы времени нет! Если хотите жить – приступайте к работе!

Задвигался, засуетился люд, освобожденный от тюремных стен и охраны. Выбиваясь из последних сил, вгрызались в землю, валили лес, заготовливали на зиму топливо. И над всем этим властвовал голос начальника штаба Игната Савельевича Полторанина.

Командир работал вместе со всеми, зачастую подменя уставших. Андрей со своими разведчиками установил наблюдательную вышку и наметил скрытые посты. И даже это не отвлекло его от тяжких мыслей.

До первых снегов успели построить и обустроить землянку под жильё. Выпавший однажды ночью снег – побудка, ускорил темпы обустройства. Когда основные работы были закончены и везде закружились дымки, командир дал команду на отдых и пригласил на откровенный разговор Андрея и Игната Савельевича. Разговор был долгим и обстоятельным. После сообщения, Владимир Владимирович тоже немного сник и попросил пока на эту тему разговор с другими не вести.

После Нового года начальник продовольственного сообщения доложил командиру отряда, что продовольствия хватит только на две-три недели. Выслушав доклад старшины и, отпустив его, майор обратился к находящемуся здесь начальнику штаба:

- Игнат Савельевич! А не воспользоваться ли вам с разведчиками гостеприимством Миколы Глушко? Предлагаю план: вместе с хозяйственниками на подводах отправитесь в село Сорочки за обещанными продуктами. Разведку нужно выслать вперёд на предмет возможной засады. Если всё пойдет по плану, то продукты отправьте с разведчиками сюда в лагерь, а вы с Андреем повстречайтесь с Глушко, и пусть он всё рассказанное вам продемонстрирует. Будьте предельно внимательными и не попадитесь на «Потёмкинские деревни».

- Хороший план, командир! Да и засиделись мы тут. Нужны дела!

...В Сорочки отряд прибыл без особых приключений. Андрей со своими разведчиками встретил его на берегу реки и сразу отправил к дому Ямчука. Без лишних слов хозяин открыл ворота, и обоз въехал во двор. Ямчук подозвал

старшину и, передав ему ключ от амбара, обыденным голосом сказал:

- Забирайте все, все! Когда возы увяжете, заходите в гости подкрепиться.

Сдержал своё слово Микола Глушко – припас всё, что обещал. Возчики бережно укладывали мешки сухарей, капусту, крупы разные, муку, сахар, сало, мясо, мыло, одежду, кожу, две фляги спирта и радиоприемник. Даже хозяйственную утварь: корыта, вёдра, тазы, чашки, ложки, пшени, топоры, гвозди. Старшина от такого добра ходил «гоголем», мучаясь мыслью: «Как бы получить от начальника штаба разрешение «обмыть» это дело?».

Но все мучения окончились разом, как только зашли в хату и сели за стол «подкрепиться». Богатым был стол, а украинский борщ издавал такой аромат, что руки разом потянулись к ложкам. Игнат Савельевич разрешил всем налить по полстакана горилки с перцем и выпить за гостеприимство хозяев. Ели все молча, быстро, по-военному. И только иногда слышалось: «Ох! Вот это да! Отлично!». Хозяйка у печи ответно улыбалась, а хозяин, довольный, поглаживал свои усы.

Конный обоз укатил рано утром, а Андрей и Игнат Савельевич остались поджидать Миколу, удивляясь оперативности связи по полевой немецкой рации.

Микола Глушко подкатил на добротном рысаке ближе к обеду. Растроганно обнял обоих и начался разговор по существу:

- Николай! Мы хотим всё посмотреть своими глазами! И если возможно, то встретиться с Брониславом Каминским!

- Сделаю всё, что обещал! А теперь за стол, а то хозяев обидим!

...По мере того, как наиболее детально шло знакомство с жителями округа, настроение и элемент пессимизма у

Игната Савельевича исчезал. При общении с людьми и посещением их жилья, утверждался он, что Микола многое даже не досказал. В конечном итоге, осознал и то, о чём долгое время сам себя не мог убедить, и от этого переживал – это бесплодность всех своих прежних партийных деяний, стремлений в борьбе за справедливость. Даже перед грозящим расстрелом в тюрьме верил, что в стране происходит очередная ошибка. Не смел он, и внутренне не допускал, что ошибкой является – большевизм! Но факт – вот он! В полный рост определился в этой жизни. На какую бы тему он ни беседовал с местным населением в разных местах нахождения – везде неприкрытая злость на коммунистов и особенно на Сталина.

Андрей пребывал в таком же состоянии. Нужна была встреча с самим Каминским. Микола просьбу воспринял как должное, и обещал эту встречу организовать.

В один из дней ожидания предложил Микола сходить в театр на спектакль по пьесе А. П. Чехова «Три сестры». Это был, пожалуй, самый сокрушительный удар по жизнестойкости прибывших эмиссаров.

Встреча с Брониславом Владиславовичем Каминским произошла ближе к вечеру через неделю в его Управе. Из-за стола поднялся навстречу мужчина средних лет в военном мундире серого цвета с нашивкой на рукаве «РОНА» с черным крестом по темно-оранжевому полю и красной окантовкой. Легкая горбинка носа, волевые припухшие губы и внимательный взгляд характеризовали его визуально, как человека решительных действий. Каминский, после знакомства, сел со всеми за общий стол, и началась беседа.

- Я не сомневаюсь, господа-товарищи, что прибыли вы к нам с целью разведки, для определения своих действий. Мне об этом доложили. Ещё доложили, что вы беглые осужденные большевики по 58 статье УК. В этом плане

мы с вами одного поля ягоды. Чтобы не тратить время, перейдем сразу к интересующим вас вопросам.

- Каким образом вы в условиях военных действий одного государства против другого пытаетесь создать территориальную автономию? - первым задал вопрос Игнатий Савельевич и добавил: - Ведь это же компетенция государства!

- Я и спорить с вами не буду, ибо вы правы! Попытаюсь использовать оккупацию этой территории германскими войсками и выйти из состава их оккупированных земель решением Вермахта, если это удастся, то остальное уже дело техники!

- А если – нет? - вклинился в разговор Андрей.- Ведь ход войны может измениться?

- Все возможно! Но до самого своего смертного часа буду стремиться к этой цели, во имя спасения от большевистского гнета миллионов людей. А успех вы видели сами!

- Но для достижения такой глобальной задачи, нужна массово-народная коалиция других сил против большевиков, но без Германии, - вошел в раж Игнат Савельевич.

- Без Германии пока нельзя! Ее нужно использовать как трамплин к решению. И в этом деле – я не одинокий. Вам дадут на выходе распечатку военных формирований такого же типа, как у нас с такими же целями.

- Что Вы, Бронислав Николаевич, можете нам посоветовать? - опять задал вопрос Андрей.

- Станьте нашей составной частью на любых условиях, и вместе будем бороться за достойную жизнь наших людей! Позвольте на этом нашу встречу закончить и выпить по русскому обычаю «на посошок» на жизненном пути!

Николай Глушко сопроводил гостей до Сорочек и там долго прощались, уточняя совместные встречи и действия.

...Тяжким для обоих был путь назад в лагерь. Головы гнуло от мысли об увиденном и услышанном. Ещё тяжелей было от сознания растерянности в этой ситуации.

На одном из привалов присели за изучение списка вооруженных формирований. От перечня рябило в глазах:

- Украинская Освободительная Армия вермахта – 80 тысяч человек.

- Украинская национальная Армия – 27 тысяч человек.

- Русская Народная Национальная Армия – 4 тысячи человек.

- Эстонский легион СС – 2 полка, 9 батальонов.

- Латвийский легион СС – 2 полка, 6 батальонов.

- Русские корпуса: 15-й кавалерийский, 1-я Донская Казачья кавалерийская дивизия и другие казачьи формирования, всего 40 тысяч человек.

- Казачий стан походного атамана – 25 тысяч человек.

- Белорусские корпуса – 30 тысяч человек.

- Прибалтийские корпуса – 40 тысяч человек.

Дальше шёл перечень воинских формирований по национальному составу. Всего – 140 тысяч человек. Отдельно перечислялись авиационные соединения и группы.

- Все национальности восстали против коммунистов! - печально прокомментировал Игнат Савельевич и попросил Андрея налить ему из фляжки спирта.

...Десять дней пути, десять бессонных ночей вымотали до предела. Шли уже на «самовзводе». Дошли и, не раздеваясь, проспали десять часов. Их подняли, накормили, и они опять уснули. Только на третьи сутки командир услышал подробный доклад своих посланцев. От услышанного наступил полушок. Долго, и очень долго молчал майор, а потом заявил:

- Работаем по разработанному ранее плану! Отдыхаем! Лечимся! Занимаемся военной подготовкой! А вам, дорогие мои товарищи, большое спасибо!

Продолжение разговора все же состоялось в ноябре 1942 года, когда по радио передали о крупномасштабных наступательных операциях Советской Армии. И разговор начал командир:

- Пока мы отдыхали и накапливали силы, я в своих думках не спал ночами. И вот до чего я додумался. Первое: с нас не снята судимость, значит, мы по-прежнему враги по обвинению. Второе: мы контактируем с армией Каминского, значит, мы враги по факту. Третье: мы не партизанский отряд, значит, – беглые. Каков выход? Есть ли он? На мой взгляд – есть!

- Выкладывай, командир, до конца! - выжидательно сказал Игнат Савельевич.

- Отвечаю! В настоящее время в нашу страну весьма успешно действуют войска Брянского, Воронежского и Юго-Западного фронтов. Нужно продвигаться в сторону Орла и там, как партизанский отряд, влиться в состав действующей армии.

- Это авантюра, майор! - не сдержался Андрей.

- Да, авантюра! Да, подло! А разве с нами поступили иначе? Кто за это ответит? Пока – никто! За своё ответим сами, в любом раскладе – своими жизнями! Если есть другие предложения – готов выслушать. Нет? Тогда продолжаю.

- Как только посильней ударит мороз и скуёт все водные просторы, тронемся в путь. Перед фронтом немножко «пошумим» и пробьёмся к армейским соединениям. Разумеется, нас всех особисты перещупают. Могут расстрелять, а могут ведь отправить отбывать срок. Главное – не врать, но выдавать себя за партизан. Думаю, что кто-то и выживет. Кто будет этим счастливым – тот со временем всё и расскажет нашим людям и семьям. Нет у нас, друзья мои, другого выхода! Нет! Личному составу объясните и вдолбите в сознание, что идём на объединение с крупными партизан-

скими соединениями. Игнат Савельевич! Подготовьте все штабные документы! Это наша козырная карта!

2.

Вторую неделю кружат по тылам врага разведчики партизанского отряда в поисках наиболее удобного места прорыва через линию фронта. Подолгу, замаскировавшись, наблюдали они за продвижением войск, техники, тыловых частей. Устали, измотались, но своей цели всё же добились. Недалеко от какого-то села обнаружили они широкий, заросший кустарником лог, выходящий к небольшой реке. По едва заметной конной колее догадались, что этот лог крестьяне использовали, как проезд к броду реки. Переправились на противоположный отлогий берег и залегли. Впереди разлаписто раскинулся пойменный луг, переходящий в небольшие лесные колки. Луг проскочили утром и, пробежав мимо небольших березовых зарослей, оказались в довольно-таки густом лесу, из которого хорошо просматривалось тыловое расположение немцев.

В бинокль виден был второй ряд оборонительных траншей. Где-то рядом с ним били пушки. Видны были еще небольшие холмы, заросшие редким лесом. Недовольный результатами разведки, Андрей готов был уже дать команду на отход, но на всякий случай решил пометить на карте расположение холмов и приблизительное расстояние до них и между ними. Занятый этими расчетами не сразу заметил на одном из них лучик света. Такие же лучики появились и на других холмах. Появились и исчезли. – Это доты! – мелькнула мысль. – Через амбразуру свет пробивается через открываемую дверь! Ура! Ура! Это означает, что по ту сторону холмов расположен передний ряд траншей? Удача!

В условном месте разведчиков ждал с лошадьми конюх Федот Егорович. В отряд пришел он вместе с лошадьми и с ними не расставался. Готовил на зиму им сено, ежедневно поил их и чистил, с каждой лошадью разговаривал. В отряде поговаривали, что в былые времена был он колхозным конюхом. Когда из района поступило распоряжение ликвидировать лошадей, чтобы не достались врагу, он ночью вместе с лошадьми исчез. Когда село заняли немцы – ни лошадей, ни конюха. Да, собственно, до него и дела никому не было. Про лошадей тоже забыли. А он отогнал своих подопечных в тайгу к заброшенному лесничеству и полгода ухаживал за ними. Лошадь – скотина доверчивая, лаской и послушанием отвечает на человеческую доброту. Вот и ходят теперь они за ним, как малые дети за мамкой. Стоит Федоту Егоровичу тренькнуть удилами уздечки, они разом поворачивают головы в его сторону и по очереди идут к нему. А он: кому кусочек хлеба, кому горсточку овса, а кому и сахар достанется.

Когда разведчики уходили на задание, Федот Егорович старался облегчить их путь своими лошадьми. Доедут до определенного места, спешатся, а он ждет их возвращения со своими копытными. Мало этого, так он ещё и молчать приучил своих лошадок. Сделает какой-то знак рукой – они разом начинают ушами водить и даже не преступают ногами. Любили разведчики своего молчуна, и каждый старался сделать ему подарочек: кто сахарок комковой в карман ему засунет, кто махорочки отсыплет, а Андрей даже добрый финский нож в чехле подарил.

Заметив хмурое лицо Андрея, Федот Егорович не выдержал и спросил:

- Чего-то ты хмур сегодня, командир? Вроде же все целы и невредимы?

- Есть одна не разрешённая задачка, Федот Егорович! А от решения её жизнь бойцов зависит!

- А ты, Андрюша, растолкуй мне её! Может, и что-то подскажу!

- Предстоит нам, Федот Егорович, в скором времени прорыв фронта гитлеровцев для соединения с нашими войсками. Весь путь нашего отряда просмотрел и просчитал, а за пределами линии обороны споткнулся.

- А почто так?

- Фашисты, Федот Егорович, теперь не те, что были в 41-м. Они отступают и обороняются. Уверен, что свой передний край они заминировали. Без разминирования всех наших погубим! А как это сделать – не знаю! Вот и гоняю мыслишки туда-сюда.

Долго, молча, ехали они рядом. Вот уже и первый пост свой миновали, а от старика ни словечка. Когда начали расседлывать лошадей, Федот Егорович любовно похлопал по шее своего меринка, и с дрожью в голосе выдал из себя:

- Ты, Андрюша, командиру нашему подкажи, чтобы при решении прорыва пригласил он меня в штаб!

- Зачем?

- А там всё и услышишь!

Андрей долго и обстоятельно доложил командиру результаты разведки. Изложил свой план проведения операции и высказал своё мнение о гибельности минного поля.

- Что предлагаешь? - обеспокоенно спросил майор.

- Есть несколько вариантов решения, товарищ командир! Разминирование – раз; встречный огонь артиллерии наших войск – два.

- Все они не реальны! А ещё есть?

- Наш Федот Егорович просил его выслушать по этому вопросу.

- Готов выслушать! Пригласите!

Федот Егорович, вместо приветствия, буркнул что-то присутствующим и сразу начал говорить:

- Без меня и моих сивых и каурых поле не разминировать! Все насторожились. - Лошадь всегда служила людям, нередко спасая им жизнь! Вот и теперь они послужат этому!

- Как? - не сдержался майор.

- Как! Как! Проскочу я на своих лошадках это поле! Вот так!

- Но они же могут и не пойти, - опять проговорил майор.

- За мной пойдут, командир! Не сомневайся! - печально закончил свой рассказ конюх, махнул рукой и вышел.

- На это дело пойду и я! - после затянувшейся паузы твердым голосом заявил Игнат Савельевич. С моими ногами в скоротечном бою я вам помеха. Лучше, спасая других, промчусь я по минам вместе с нашим Федотом! Да и ему ловчее будет управлять табуном!

...После тщательной подготовки отряд ближе к вечеру отправился в путь. Еще по светлому расположился в логу у реки, поджидая утро. При первых проблесках зари благополучно переправились на противоположный берег. Небольшими группами пробежали луг и сосредоточились в лесочке. Андрей еще раз внимательно в бинокль просмотрел тыловое охранение и каждому разведчику дал задание «опеки» часовых.

Раннее утро и легкий туман от реки способствовали успеху продвижения без лишнего шума. Второй ряд траншей проскочили без приключений и боя. Кроме двух полусонных часовых, там никого не было. У предполагаемых дотов и дзотов залегли. Командир подозвал к себе Андрея, Федота Егоровича Игната Савельевича. Когда те подползли к нему, заговорил не командирским голосом.

- Сейчас начнётся основная фаза нашего прорыва. Потери неизбежны! Как же я хочу, чтобы были они минимальными! Дорогие мои! Многое теперь зависит от слаженности наших действий. Тебе, Андрей, надо заглушить хотя бы

временно огневые точки на холмах. Как только загремят на вершинах взрывы, мы полным отрядом завязываем бой в передних траншеях и проделываем проход в колючке заграждения. Вот тут-то вы вводите в бой свое конное подразделение и через нас – вперед на минное поле! На верную смерть Вас посылаю, друзья мои! Но такова доля командира! А теперь будем прощаться! - закончил он, вытирая набежавшую слезу.

...Все вроде продумали разведчики, а про ходы сообщения между огневыми сообщениями забыли. Попались сразу же. Жестоким, кровавым для разведчиков был тот бой. Четверых потеряли, но задачу свою выполнили. По ходам сообщения вышли на помощь основному отряду, где уже всюду гремели выстрелы. Никто не хотел умирать. Бились с какой-то омерзительной жесткостью, даже поверженных добивали.

Наметанным взглядом охотника видел Андрей, как через бьющихся в траншее проскакали лошади, отмечая свой путь минными разрывами. Следом за ними ринулись, отбиваясь от атакующего врага, партизаны. И сотни метров не пробежали, как ожил один из взорванных дзотов. Рассыпая скороговоркой смерть, заставил залечь. Огонь со стороны фронта Красной Армии утихомирил его навсегда.

Неожиданный взрыв больно бросил Андрея на землю и оглушил. Очнулся от голоса командира: - Ничего, Андрей! Мы пробилась! Сейчас я тебя дотащу к своим! И добавил, вздохнув поглубже, - может и не к своим!

К великому счастью Андрея, пробилась через врага большая часть отряда. Среди уцелевших были и «смертники»: Федот Егорович и Игнат Савельевич. Остальные остались там – за линией фронта. Похоронят ли?

...Донесение в штаб Брянского фронта гласило:

«15 января 1943 года южнее Жуковки к позициям 3-й армии с боем пробился малочисленный партизанский отряд

под командованием бывшего майора Парамонова Владимира Владимировича. Есть убитые и раненые. Всех отправили на фильтрационный пункт.

Прошу этим составом пополнить переменный состав штрафной роты».

Внизу подпись командира.

Наискосок резолюция: «Разрешаю».

После недолгих расспросов отправили их за пять километров пешим ходом в прифронтовой «накопитель». И опять допросы, вопросы, допросы!.. В конце этих «процедур» направили их рядовыми на пополнение штрафной роты. Не оказалось среди всех только Федота Егоровича и Игната Савельевича. След их потерялся.

На передовую прибыли ближе к вечеру, и молоденький лейтенант без всяких предисловий поставил перед ними задачу:

- Утром в бой! За болотом перед вами на высотке расположен вражеский дзот. Ваша задача – огневую точку уничтожить! Поведу сам!

- Жалко этого воробышка! - проговорил бывший командир партизанского отряда. Погибнет! Здесь думать нужно! Чего молчишь, разведка? - обратился он к Андрею.

- Судя по зарослости, болото хотя и большое, но не глубокое. Мы в своё время с отцом по таким болотам шастали. Форсировать его нужно по тёмному, увязавшись веревками. На той стороне выбираться на сушу, укрыться в осоке и по утрянке – на дзот. Если пойдём днём – нас всех в болоте утопят. Уговори лейтенанта, командир!

- Попробую!

Минут через двадцать вместе с командиром прибыл лейтенант.

- Кто поведёт?

- Я! Рядовой Крикунов!

- Что нужно?

- Объявите, что все подчиняются моим приказам и выделите на каждого бойца по двести граммов спирта с хорошей консервой. Ещё нужна длинная веревка.

- Какова моя роль?

- Остаётесь командиром, но во время перехода через болото подчиняетесь мне.

- Согласен, рядовой Крикунов! Готовьтесь!

- А что тут готовиться. Голому собраться – только подпоясаться! Всем раздеться догола и амуницию повязать на голове! - приказал Андрей. Прибывший лейтенант с верёвкой и спиртом, видя голых мужиков, вначале опешил, а затем, сообразив, начал разоблачаться.

Если бы в это время увидел кто-то со стороны длинную вереницу голозадых мужиков – невольно бы расхохотался. А мужикам было не до смеха. Холодные донные ключи морозили до такой степени, что кожа покрылась пузырьками. Шли по грудь в болотной жиже. Шли, молча, стиснув зубы. Ни звука! Казалось, что пробирались всю ночь, а на самом деле прошагали не более часа. Когда добрались до суши, тихо прозвучала команда Андрея:

- Всем дать по кружке спирта для растирки груди, ног и яиц. Переодеться в сухое, и остатки спирта выпить. До утра всем отдых! И не храпеть!

Повернулся к лейтенанту и прошептал: «Приступай к своим обязанностям, командир!» Выпил из своей кружки остаток спирта и, привалившись спиной к своему бывшему командиру отряда, уснул.

Не слышал он, как увещевал тот молодого лейтенанта:

- Утром, пока с болота будет ползти кверху туман, пошли вперед саперов – пусть разминируют нам проход. Мы по нему подползем и разом атакуем!

- Откуда у Вас такие познания военного искусства? Нам в школе лейтенантов этого не преподавали, - шепотом спросил лейтенант.

- Я бывший майор! А вообще-то, я «враг народа»!

- А у меня все «враги»! И я тоже враг этого народа, коль на явную смерть их отправляю. Мы все смертны! Разница только во времени!

- Не прав ты, лейтенант! Смерть от наших дураков – преступление, а смерть при защите Отечества – святое дело! Только не торопись умирать, лейтенант! Жизнь – лучше смерти!

- А кто у нас рядовой Крикунов? - не унимался лейтенант.

-«Враг народа», отличный разведчик, бывший председатель сибирского колхоза, человек кристальной душевной чистоты, - ответил майор, допил спирт и задремал.

Болотная прохлада не давала уснуть лейтенанту. Вроде и спирта глотнул изрядно, а сна нет. Как нет и ответа: «Где для разминирования взять саперов, когда в его роте их отродясь не водилось?». Обхватил голову руками новоиспеченный командир «смертников», да так и не решив ничего, задремал. Вроде и голову только к коленям прислонил, как тут же приснился сон: стоит он около болота и выходит из него кроваво-красный Хоттабыч, схватил его и орет: «Давай саперов! Туман уходит! Где саперы?». Очнулся лейтенант от шепота майора: «Посылай, лейтенант, саперов! Пора!».

- А их нет! - так же шепотом ответил он.

- Как? Вообще нет?

- И не было!

- Так ты что, раздолбай, на смерть всех посылаешь? Убить тебя мало! Считаю, что ты убит! Командование, огрызок, беру на себя! Давай сюда свой пистолет, а то еще застрелишься! Хотя и надо бы! - зло выговорил бывший майор и, разбудив Андрея, сообщил:

- Андрюша! На разминирование пойдем сами. В роте минёров нет!

- Никогда не разминировал, но с тобой, командир, пойду, хотя знаю, что смерть где-то рядом. Только объясни вначале всю технологию разминирования!

- Все просто! Запоминай! Нам предстоит встреча с контактными противопехотными минами. Я ползу впереди тебя, и проволочным щупом определяю тело мин и выворачиваю взрыватель. Ты эту тарелку докапываешь ножичком и убираешь. На это место втыкаешь колышек. Ползи только за мной. Могут быть и сигнальные мины и даже прыгающие. Но это здесь навряд ли. Немцы застрахованы болотом. Нарезь быстро колышков, и поползли. Прикажи всем укрыться в болоте! Всё!

Туман поднимался кверху и поторапливал. Действовали, как по учебнику. Майор отыскивал слева и справа от себя мины, выкручивал своими сильными пальцами взрыватель и всё передавал Андрею. На десятой мине начали дрожать руки и ноги. Нужен был отдых. А туман всё выше и выше. Нужно спешить! Повернулся к Андрею и прерывисто приказал:

- Ползи назад за всеми. Приготовьтесь к бою и ползком сюда! Дальше я сам! Андрей уже не полз, а пулей летел. Присел около торчащих из болота голов и громко приказал:

- Приготовиться к бою! Без крика и кашля – цепочкой за мной!

Вот уже и дзот виден, и туман поднимается выше амбразуры, а командир всё ещё ковыряется у самого подножья. Повернул голову к подбегающим и махнул рукою.

Неожиданный взрыв разбудил округу. Закокотал пулемет, но тут же замолк от взрывов гранат. Рвануло второй раз и Андрея больно стегануло в грудь. Теряя сознание, услышал возрастающий рокот боя слева и справа от болота.

Андрей очнулся от острой боли в груди и шушуканья медсестёр. Громкоголосая рассказывала:

- Только мы продвинулись к переднему краю, растянули палатки и приготовились принимать раненых, как вдруг из болота выскакивают шесть голых мужиков и несут на руках вот этого.

- Совсем голые?

- Ну, как мама родила!

- У них, что-то не всё нормально?

- Да нет! По прикиду – всё есть!

- Самое интересное, девочки! Бежит впереди всех молоденький лейтенант в гимнастерке без штанов, стреляет из пистолета и орет: «Спасите его! Всех перестреляю за него! Он нам жизни спас!».

- А что дальше?

- А дальше... пришел хирург, осмотрел этого раненого и говорит: «Здесь он не жилец! Срочно с сопровождением в тыловой госпиталь! Вот я и собираюсь.

- Наташа! А где те голые мужики?

- Они ушли воевать!

- А лейтенантик?

- Поплакал, поплакал, да и побежал догонять своих голожопых.

От этого разговора и смеяться хочется, да только боль в груди даже улыбнуться не дает. Постепенно начал вспоминать, как взорвался на mine майор, как рядом взорвалась растяжка гранаты и как он услышал вой боя.

Мысли прервал наклонившийся над ним доктор. Проверил пульс, температуру, реакцию глаз и голосом отца сказал:

- Все, что было в теле снаружи – извлёк. Для одного – многовато. Но есть еще и внутри. А для этого нужен тыловой госпиталь. Держись, сынок! Сопровождать тебя будет медсестра Абакумова Наталья Васильевна и доброволец Федот Егорович Просов. Сейчас я вколю тебе обезболива-

ющее и снотворное для облегчения передвижения. Будь жив, герой!

Проснулся Андрей под мерное покачивание вагона и дробный перестук колес о стыки рельс. Рядом с собой увидел Федота Егоровича. Обрадовался, руку протянул и тут же уронил от боли. Засуетился старик, начал поправлять подушку, подталкивать одеяло, а у самого на глазах слезы.

- Ты уж потерпи, Андрюша! Дня через три прибудем в Красноярск, там тебя и прооперируют! Прослышал я, что оперирует там какой-то политический заключенный по прозвищу Золотой Лука. А он, говорят, чудеса делает. Ещё врачи нашего санитарного поезда говорили, что этот Лука шибко в Бога верует и перед операцией обязательно молится. Его все называют Святой Лука. У него под ножом на столе никто не умирает.

- А где Игнат Савельевич? - прошептал Андрей.

- Так его после прорыва сразу арестовали и увезли.

- А что со штрафной ротой?

- Всех, кто из нашего отряда уцелел, тоже арестовали и увезли. Остальных восстановили в званиях и направили в действующие войска.

- А я?

- Тебя от ареста спас хирург и какой-то молоденький седовласый лейтенант. Заслонил тебя и как заорет: «Всех перестреляю, кто до него дотронется!» Плюнули краснооколышники и удалились.

- А где сопровождающая медсестра?

- Так она, лярва, гуляет с мужиками! Совсем совесть потеряла! Да ты, Андрюша, не волнуйся – я всегда рядом!

За все время пути старший конюх действительно был рядом днем и ночью. Андрей был на грани смерти от нестерпимой боли в груди и нехватки воздуха. И каждый раз вовремя подложенная Федотом Егоровичем кислородная подушка спасала его. Раздражала его и вводила в транс

постоянная выгрузка из вагона умерших. Порой он и себя готовил к этому. В такие минуты он просил своего доброго сопровождающего отписать письмо в Сибирку и отвезти его мертвого туда же.

Абакумова заявила только перед прибытием в Красноярск и спешно начала подготавливать Андрея к передаче в городской госпиталь. У нее это получалось весьма быстро и ловко. Через час после прибытия передала она своего раненого медикам госпиталя и поспешила догуливать с офицерами. Федот Егорович, одетый в белый халат, был ею представлен, как фронтовой санитар для сопровождения своего командира.

... В палату хирург вошел тихо, только в сопровождении медсестры. Окинул лежачих своим всевидящим взглядом и сразу подошел к Андрею. Взял его за руку, потрогал лоб, тихонечко постучал пальцами оп спине, отчего Андрей начал кашлять, и, повернувшись к сестре, произнес: «Готовьте срочно к операции!» Еще раз взял Андрея ласково за руку и каким-то особо проникновенным голосом сказал: «Держись, сынок! Скоро пойдем на поправку!» А глаза добрые-добрые, из глубины которых исходила какая-то особенная сила и уверенность. Андрей и потом видел эти глаза, но этот взгляд сейчас – запомнил до конца своей жизни.

...Судя по тому, как долго держали его на операционном столе, Андрей через время понял, что операция была сложной, многоплановой, и только руки и опыт хирурга увели его от смерти. Осознав это, уверовал он, что хирург действительно – Святой Лука.

В первую неделю после операции хирург приходил к Андрею ежедневно. Присядет на край кровати, возьмёт за руки и долго-долго прислушивается к дыханию. Задержит свой взгляд на больном, будто сверяет свои мысли, прошеп-

чет на латыни что-то сестре, проговорит ободряюще: «Хорошо! Хорошо», улыбнется и уходит.

Грудь хотя и болела ещё, но внутреннее жжение постепенно прошло и легче стало дышать. Дней через двадцать, когда Андрею разрешили садиться и шагать, почувствовал он, как все его, когда-то сильное тело, вновь тихонечко наливается силой. Захотелось, ах как захотелось ему жить и хотя бы на минутку побывать дома. Но все эти светлые мысли тут же поглощала тьма бывшего зэка. В такие моменты подолгу лежал он, не шевелясь, упершись взглядом в одну точку, и молчал. Даже приход Федота Егоровича не отвлекал его от этих размышлений.

- Вот я, Андрей, бывший учитель истории, стараюсь в минуты отчаяния думать и вспоминать хорошее, доброе, - прервал очередную черноту мыслей одноногий сосед по палате. Сам-то я местный – из Уральских казаков. Дальним моим предком был сам Андрей Дубенский – первооткрыватель этого города. Интересная эта история. Послушайте!

История города начинается с момента пушного бума в Европе. Особо ценными были сибирские меха. Вот и потянулись за этим золотом предприимчивые людишки. А тут ещё и купцы Строгановы за Уралом получили земли.

Оборотистыми были эти купцы. Освоение богатств Сибири давало им колоссальную прибыль. На эти деньги могли они содержать при полном снаряжении казачье войско и расширять свои владения дальше на Восток. С этой целью в семнадцатом веке отправляется вверх по Енисею воевода Яков Хрипунов. Дошёл до владений местного князька племени аринов Тулка. Места эти ему понравились и для их закрепления решил он построить острог. Для определения места постройки и осуществления самого строительства, послал он сюда московского дворянина Андрея Дубенского.

На месте этого города построили тогда на Яру острог. Берег Енисея здесь красный, вот постепенно и превратилось поселение по названию в Красный Яр – Красноярск. Первым воеводой стал мой древний пращур Андрей Дубенский. Постепенно город стал уездным, а когда нашли в окрестностях золото – хлынул сюда народ с разных мест. Город из поселения деревянной застройки начал одеваться в камень. Пошли производства. Особенный размах произошёл, когда появилось судоходство по Енисею, движение по Московскому тракту до Иркутска и по железной дороге. Но город стал известен не только, как губернский, но и как место пересылки осужденных в Туруханский край, Иркутскую губернию, Якутию и на Сахалин. Побывали здесь и декабристы, и поляки, и большевики. Все они оставили свой вклад в историю города.

Разговор прервал приход хирурга. Подошел к говорящим и, обращаясь к Андрею, сказал:

- С сегодняшнего дня, герой войны, лежачая жизнь заканчивается! Будешь ходить и дышать! Глубоко дышать! Как и где ходить я уже рассказал вашему сопровождающему санитару. Недельки через две зайдите ко мне на беседу!

А вам, молодой человек, - обратился он к историку, - Необходимо пройти в мастерскую для примерки протеза!

Осень в Сибири всегда – очарование. Бледнолистая осина превращается в ярко-красную красавицу, белая береза одевается в золото листьев, а рябина даже по снегу не сбрасывает свои гроздья. А по склонам гор, по пожелтевшим берегам ручьев и речек – высвечивают напоказ свою зелень сосны и ели. Хорошо и спокойно в лесу около госпиталя, где пробует ходовые качества протеза историк и где восстанавливает мышцы Андрей. Скоро разлука. И так залежались!

Андрей после обеденного сончаса постучал в дверь хирурга и, получив разрешение, вошел. Святой Лука был в

рясе с большим серебряным крестом на груди. В руках он держал молитвенник, и когда Андрей приблизился к нему, трижды его перекрестил.

- Все, сын мой, на что были способны мои руки и знания по спасению от гибели твоего тела – я сделал. Правда, одно легкое вместе с немецкими железками пришлось удалить, но это не смертельно, ибо Бог предусмотрел в нашем теле втрое легкое. Но спасённое тело, уважаемый, – это ещё не жизнь. Жизнь начинается тогда, когда тело и душа в единении. А у тебя, дрогой мой, они далеки друг от друга. Сердце твое опалено суровыми невзгодами. Ненавистью, мщением оно наполнено, от того и бунт в голове. А спроси себя: против кого зло обернешь, ты и не ответишь! Этот мусор сознания надо разгрести. Попроси помощи у Всевышнего, обороти свои помыслы к нему, сердцем поверь в него – все и станет на свое место.

- Но я не верю в существование Бога, - нетактично прервал разговор Андрей.

- Бог, Андрей, это не телесное представление, а это вера в существование высшего Разума, который предопределяет нашу судьбу и дает нам земной Разум. Обратись к этой Вере и сразу почувствуешь прилив сил, и действия твои будут соизмеряться с разумом.

- Я ведь, Отче, политический ссыльный и беглый заключенный. Хотя и кровь проливал во спасение Отечества, а судимость так и висит на мне. Как только я отсюда выйду, меня тут же отправят в лагерь на какой-нибудь лесоповал или в шахту. А там, с одним легким, я сразу же через месяц окочурюсь.

- Я тебе помогу, добрая душа! Ты под какой фамилией сюда прибыл?

- Наверное, Крикунов!

- Нет в списке такой фамилии.

- А что у меня есть?

- Ничего! Прочерк!
- Может быть, тогда вы меня выпишете под моей настоящей фамилией – Еремеев.
- А еще другие есть?
- Нет!
- Вот и ладно! Будешь Еремеевым.
- Но, Отче! Если узнают, то Вас посадят!
- А я уже осужден по 58 статье, и никто судимости, как и с тебя, не снял.
- Но Вы же свободны!
- Это только видимая сторона! Для того чтобы делать людям добро в силу своих знаний и умений, я освобождён на период войны с последующей отсидкой. Даже подписку дал.
- И вы, Отче, после всего этого верите в Бога?
- Верую, сын мой! Верую и буду верить!
- Но он же Вам не помог!
- А разве то, что я делаю – не перст Господа? Разве радость и счастье спасенных мной людей – не есть проявление его заповеди: делать добро? А разве ты, когда шёл на врага, защищая людей своей Родины, не есть – Божье проявление?
- Извините, Отче! Но по вашему рассуждению выходит, что все репрессии над нашим народом – тоже господне проявление?
- Нет, сын мой! Это проявление Сатаны, который в душе многих поселился в период отсутствия Веры.
- И как далеко это зашло?
- Явление, Андрей, это временное. Люди обязательно вернуться к Вере в Создателя нашего. Пусть не все и не сразу, но вернуться!
- Но было же этому начало?
- Было и есть! Проявляется это временное заблуждение в период революции или других раздражительных массовых факторов. В эти периоды раскрепощаются Страсти,

которые сдерживала Вера. Это пройдет! Во многих странах это уже свершилось! Люди вернутся в лоно Веры! Вернутся и у нас! Рухнет тогда повсеместно сатанинское правление, и миллионы обратятся к Лику Господа Бога! Верь, сын мой! Иди с Богом! И не забудь золотое правило казаков: «Родине – жизнь, Богу – душу, честь – никому!»

...Шагают лесной дорогой два человека, неся вдаль свое горе и печаль. Один, что повыше ростом, явно спешил, пытаясь ускорить шаг. Порою ему это удавалось, но после такого ускорения, начинал задыхаться, и приходилось останавливаться для отдыха. Тот, который намного старше, шаг ставил твердо, размеренно, будто подчеркивал, что ему уже некуда спешить. При этом, держа за руку высокого, периодически ворчал: «Не торопись, Андрей! Судьбу свою не догонишь и не обгонишь! Она развернется скоро перед тобой той стороной и так, как ты заслужил!».

По осенней, таежной дороге идут вдаль двое: каждый со своим жизненным грузом и со своей надеждой...

3.

Вагон с заключенными был забит до отказа. На каждое «посадочное» место приходилось по четыре человека. Это был вагон стонущих тел и вони. Даже охранники зажимали носы от нестерпимого зловония. Никто из них не знал маршрута движения и место назначения. За пять дней только дважды накормили и сняли умирающих. Иван, в силу своего природного здоровья, крепился и терпел. Но с каждым днем таких, как он, становилось меньше и меньше. В Минск прибыли только на пятнадцатый день пути – ополовиненными. Загрузили в закрытые машины-заги и отвезли в тюрьму. Какое же это было блаженство: сбросить с себя за-

вшивленную одежду и помыться с мылом под душем. Даже не верилось, что может быть такое. В заключение этой неожиданной «роскоши» – всех остригли, перевязали раны, переодели в тюремную полосатую одежду и покормили. Хотя и слаб был этот харч, но горяч и с добрым куском хлеба. Похоже, что в Белоруссии несколько по-другому относились к политзаключенным. А может быть, после всех скотских, изуверских отношений к ним – это только показалось? Возможно!

Камеры в тюрьме хотя и были заполнены, но не переполнены, и у каждого была своя шконка (койка). Ивану достался второй ярус рядом с решеткой, через наружные жалюзи которой можно было увидеть полоску неба и часть зеленой крыши.

Двое суток издерганные, измученные зэки спали, вставая лишь для приема пищи. Только на третий день началось знакомство и пошли более громкие разговоры. Снизу кто-то старческим голосом, постоянно кашляя, рассказывал:

- Мы находимся в старинной тюрьме столицы Белоруссии Минске. В архивных документах это городище значится по-разному: то Меньяк, то Менеск. Места эти в свое время принадлежали половцам. Но на них претендовали Киевские и Черниговские князья. Объединившись войсками, князья Изяслав, Святослав и Всеволод побили половецкого князя Всеслава Брячиславича и захвати город. В итоге половецкие земли были раздроблены на княжества. В Минске княжил сын Всеслава Брячиславича – Глеб Всеславич. Попытался он прибрать к рукам ещё земли, да только князь киевский – Владимир Мономах побил его за это и земли вместе с городом прибрал себе. Половцы ещё несколько раз пытались захватить город, но безрезультатно.

В тринадцатом веке земли Минского княжества подчинили себе литовские князья и присоединили их к Вели-

кому княжеству Московскому. Объединившись с Польшей, княжество Литовское преобразовалось в новое государство – Речь Посполитую. Минск расцвел, укрепился и начал развивать промышленность и торговлю. После очередной реорганизации управления территориями Московского княжества, Минск был объявлен центром Минского воеводства. Здесь был образован Главный литовский трибунал – высший орган судебной власти. Мы с вами сейчас находимся в атрибуте этой власти.

Богатеющий город, да ещё и торгующий, начал привлекать к себе внимание правителей других государств, с целью наживы. Кто только не нападал и не разорял Минск? Жёг его крымский хан Гирей, солдаты русско-польской войны, шведы в период Северной войны, Наполеон. Кстати, Минск и его земли в войне 1812 года были уже российскими. Пронеслись здесь и разного рода политические события: от тайного общества «Союз свободных братьев», разного уровня восстания и первый съезд РСДРП.

Разговор прервала раздача обеда. К большому удивлению каждому налили по половинке черпака наваристого борща с хорошим кусочком сала и в придачу – пшённую кашу с куском ржаного хлеба. После обеда какой-то остряк заявил:

- Предлагаю остаток срока провести в этой тюрьме, на этих харчах! И в ответ, заглушая смех, как обухом по голове, тот же старичок-историк громко произнес:

- Напрасно радуетесь, друзья-товарищи. Не тюрьма нас страшит, а война!

- С кем и когда? - спросили сразу же.

- Скоро! Очень скоро! Скорее всего, с Германией!

- Быть того не может! Мы с Германией только недавно заключили пакт о ненападении, - раздались возгласы.

- Это политика, други мои! А политика – дело грязное! Сегодня пакт, завтра – война! - заключил историк, заставив этим всех замолчать.

После обеда многие улеглись спать и только один заключенный, присев на койку к историку, спросил:

- А как появилась Белоруссия?

- Государство такого не было до января 1919 года. Теперь это Белорусская Советская Социалистическая Республика!

...После ночёвки и завтрака поступила команда на построение. Опять шмон, перекличка и по вагонам. Перед посадкой прошёл слушок, что отправляют всех на станцию Молодечно для строительства железной дороги и моста через Вилейку. И пошла-поехала та же зэковская жизнь.

На станцию перевалки прибыли ранним утром 22 июня 1941 года. Не успели построиться в походную колонну для продвижения к месту назначения, как началось что-то непонятное. Вначале заставили всех сесть, часа через полтора увели всех в лес, подальше от станции и начали спешно пробрасывать вокруг колючую проволоку.

Зэки молчали, с недоумением наблюдая за суетливыми действиями охраны. Внезапно на грузовой машине прибыл какой-то майор НКВД и, погрузив всю охрану, умчался. Все, как по команде, разом встали и начали визуальную оценку окружения. Именно в это время на станции раздался взрывы и над всеми пролетели истребители с крестами на крыльях, а следом за ними проследовали в сторону Минска армада бомбардировщиков.

- Это война! Война с Германией! - громко, руша недоумение, прокричал старенький историк и добавил:- Необходимо укрыться в лесу и выждать!

Всю ночь просидели заключённые в своём укрытии, прислушиваясь к нарастающему шуму с Запада. Как только рассвело, отчетливо видны стали колонны спешащих на Во-

сток военных с оружием и без него. Вместе с ними двигались с поклажей гражданские, создавая в этом передвижении особую неразбериху. «Нечего отсиживаться! Надо действовать! - решил Иван и, став в центре небольшой полянки, крикнул:

- Товарищи! Нужно разведать обстановку и сориентироваться! В разведку пойду я! Ждите меня здесь!

Прокричал он это, и словно груз какой-то с души снял. Заговорила внутренняя сила и привычка деятельного руководителя.

Увиденное на станции шокировало его. На всех путях в разном направлении стояли составы с людьми, военной техникой, громоздким оборудованием и везде оружие и грозящие оружием начальники составов. Какой-то наиболее рьяный, а возможно, трусливый майор НКВД, бил по голове начальника станции и орал: «Отправляй составы! Застрелю!». А тот, обливаясь кровью, твердил одно и то же: «Некуда отправлять. Немцы разбомбили мост и танками перегородили дорогу!».

Рядом со станцией проходила широкая дорога, по которой сплошным потоком двигались люди. Пристроился Иван к спешащим и начал расспрашивать. В ответ: «Немцы догоняют нас на танках!». Армия спешно отступает! Бегите, полосатики!».

Вернулся разведчик назад, да и выложил всё как есть. Есть у коммунистов одна добрая черта характера – дисциплина и цель. После недолгого обсуждения решили пристроиться вместе с отступающими.

Ещё один день пути в орущей, плачущей, катящейся толпе вынул последние силы. Отошёл Иван со всеми в сторону к берегу реки, и присели они отдохнуть. Только собрались шагать дальше, а по тропке на скорости спешат немецкие танки, бронемшины, грузовики с солдатами. Изредка доносятся выстрелы. Движение людского потока при-

остановилось. Видя сидящих людей в полосатой одежде, немцы под улюлюканье закричали: «Рёйбер! Рёйбер! (Разбойник! Разбойник!)». Голодные, униженные больше, нежели в прошлом, заночевали тут же на берегу.

Не успел рассеяться утренний туман, как их начали пинками поднимать немецкие солдаты с автоматами на груди, показывая стволом в сторону тракта. «Форвертц! Форвертц!» (Вперед! Вперед!), - звучала команда. А там, в западном направлении, под охраной шли и шли измождённые, раненные военные. Упавших не поднимали, их расстреливали.

К ночи привели всю эту многотысячную человеческую массу и загнали к таким же, в организованный огромный лагерь для военнопленных под городом Каунас. Трое суток без еды и воды. Трое суток стоны раненных и мат живых. Трое суток проклятий Сталину и Гитлеру. Трое суток между жизнью и смертью.

Распахнули утром ворота и через рупор объявили: «Кто согласен честно работать на Германию, - выходи строиться!» Многие, в том числе и «полосатики», шагнули за пределы лагеря.

Отвели в город, накормили и погрузили в вагоны с наружной охраной. Пищу давали два раза в сутки на промежуточных остановках. Люди друг с другом не разговаривали и в глаза не смотрели. Первая долгая остановка и тщательная сортировка была в Кенигсберге. Многих оставили здесь для отправки еще куда-то, а Ивана с сотоварищами погрузили на корабль и морем до порта Киль. Там всех остригли, отмыли, побрили, плотно покормили, переодели в свою арестантскую одежду и на автомобилях доставили на угольные шахты Дортмунда.

На шахтах трудились рабочие разных национальностей: немцы, поляки, цыгане, румыны. Все свободно жили в бараках с посещением магазинов, кинотеатра, бара. И толь-

ко барак для русских был окружён колючей проволокой, а на проходной стоял вооруженный охранник и все бригады водили на работу под охраной.

Всё, вроде бы, как на всех шахтах: такой же крепеж выработки, такие же вагонетки, такие же пневмомолоты. Но совсем другая организационная дисциплина: все выверено, определено, рассчитано. Выработал свою норму добычи угля, раскрепил выработку, подчистил рабочее место – получи от бригадира зеленый жетон и поднимайся на поверхность в мойку. Перевыполнять норму добычи нельзя, иначе выбьются из поточности другие подразделения: сортировка, обогащение, отгрузка. Все по плану! Все по расчету! Только думы россиян не рассчитывать! Сложная эта арифметика!

Через год работы на немецкой шахте научились немецкому языку и внимательно слушали разговоры. Бравада немцев о стремительной победе над Россией пропала. Нет-нет, да заголосит немецкая «фрау» от вести о гибели сына или мужа то под Москвой, то под Сталинградом. К концу 1942 года прошёл призыв в армию немецких льготников-шахтёров. Начали забирать и несовершеннолетних. Германия менялась день ото дня.

Шахтёры русских бригад начали замечать, что к ним немцы из числа специалистов и охраны относятся несколько по-особенному. Нередко улыбаясь и тыча в их сторону пальцем, говорили: «Зи воллен ниht Сталин! (Вы не хотите Сталина!) Гут! Гут! (Хорошо! Хорошо!)». Среди шахтёров были и немцы с Поволжья, подвергшиеся таким же репрессиям. Они читали газеты на немецком языке и были основными носителями информации с воли. Из их сообщений следовало, что этот район Германии насыщен промышленными объектами: по выплавке металла, химической продукции, танкостроения, производства артиллерии, а в Касселе – производство самолетов. Каждый раз к этим сообщениям они добавляли: «Все это привлекает иностранные

разведки, и немцы боятся террористических актов. Боятся они ещё и иностранных рабочих. Их сюда везут отовсюду: из Нидерландов, из Франции, Югославии, Украины, Белоруссии, Польши. Много военнопленных. На военную машину Вермахта трудятся все народы, кроме немцев, которые воюют».

Выросший на природе, в постоянной крестьянской среде Иван с трудом привыкал к условиям шахты, к ограниченности пространства и сырости. Порой ему казалось, что на этой глубине ему не достает воздуха, и от этого закрадывался страх, а тело покрывалось липким потом. Общего страха за жизнь, как и у многих его товарищей, не было. Была какая-то отрешенность от реальности пребывания на этой земле, даже мысли о доме, о земле, о Наталке стали появляться реже обычного и, если даже появлялись, то застревали где-то в сознании без особого возбуждения. Зародилась и крепла в нем какая-то жизненная усталость и если бы его призвала смерть, то воспринял бы как правильный исход. Многое делал он механически, не включая мозг. Вот и сегодня – решил перед уходом с выработки проверить верхнюю затяжку крепи и стукнул топориком по стойке. Ему показалось, что звук от удара был не звонким, а глухим, что говорило о прослабленности крепи. Стукнул по перемычке – звук тот же. Выбрал подходящий клин и принялся затягивать верх. Ударил раз, два, и только замахнулся на третий, как тут же что-то ударило его по голове, и он провалился в бездну.

Очнулся от давящей тяжести по всему телу. Ещё не совсем соображая, попробовал шевельнуть руками и ногами, а они не шевелятся – придавлены. Сильно болела грудь, и тяжело было дышать. Инстинкт самосохранения заставил мозг войти в реальность обстановки. Присмотревшись, понял, что лежит он, заваленный углём и грунтом под схлестнувшимися двумя стойками, которые уперлись, во спасение

его, в верх выработки. А оттуда, из прорыва, сыпется на него стружкой песок, окончательно засыпая. Вот уже и шею засыпал, дошел до подбородка и... О, счастье! Остановился! Повернул голову туда-сюда – можно дышать. Пробовал крикнуть – не получилось: сдавило грудь и горло. И вот в этой предсмертной позе замелькала в сознании Ивана длинными кусками его жизнь. Всех увидел, со всеми повстречался и от этого даже заулыбался.

Придавленная грудь не позволила полностью раскрыться легким, и кровь перестала насыщаться кислородом, сознание гасло.

Очнулся Иван уже на больничной койке, когда молоденькая немочка прилаживала ему кислородную маску. Увидев, что он открыл глаза, она тут же крикнула, подзывая кого-то: «Фрау Миллер! Фрау Миллер! Эр кукт! Эр кукт! (Госпожа Миллер! Госпожа Миллер! Он смотри! Он смотри!)». На зов быстрым шагом вошла старшая медсестра и, недолго думая, воткнула Ивану болезненный укол, приговаривая: «Шлафен, Ванья! Шлафен, Ванья!» (Спать, Ваня! Спать, Ваня!).

Наверное, существует на всей планете броский шахтерский закон: если приключилась беда – все идут на выручку, вне зависимости от национальности и дружбы. Так было и на этот раз. Как только в шахтоуправлении стало известно об обрушении, тут же прибыли шахтеры-добровольцы со всех шахт. Долго пробивались по боковому штреку к месту обрушения. Первым подоспел к Ивану молодой чех Вацлав. Откопал, помог поднять его на поверхность и зачастил в больницу.

Иван проснулся от языковой мешанины немецкого и чешского. Открыл глаза и увидел улыбающегося Вацлава. «Хорошо! Друже, Ванька! Будем!», - продолжая улыбаться, проговорил он, выкладывая на тумбочку два куриных яйца и плитку шоколада. - Это франца, - добавил он.

Плохо понимая друг друга, всё же объяснялись весьма долго. Из всего, что говорил Вацлав, Иван понял основное: вчера бомбили Кассель и Кёльн, а гитлеровские войска отступают, и скоро будет победа.

На третий день пребывания в лазарете пришёл совсем старенький врач и после беглого осмотра на ломаном русском заявил: «Работать только на поверхности. Я это сообщу!»

На следующий день Иван уже работал на подготовке крепёжного леса. Работа тяжёлая, утомительная. Сильно болела грудь. В моменты особого физического напряжения начинался изнуряющий кашель и головокружение. Через неделю, когда его уже качало из стороны в сторону, отдали его прибывшему покупателю-бауэру. Оказался с ним и Вацлав. За неделю до этого загорелся их барак, и он получил ожог лица. Лицо особо не пострадало, а глаза повредило. Для восстановления зрения нужны были витамины, - вот и продали его.

Через много лет, уже в Праге, восстановил Иван этот разговор с Вацлавом:

- Вацлав! Почему немцы стали настолько щедрыми, что военнопленных начали отпускать из-под стражи и надзора.

- У них мужиков не осталось, Ваня!

- Всех побили?

- Может быть, и не всех. Кто-то погиб, кто-то воюет, а кто-то у вас в плену.

- Интересно, Вацлав! Как они будут восстанавливать выбывших мужиков?

- А они, Ваня, это уже предусмотрели.

- Как?

- Завозят мальчиков арийской внешности из славянских государств и передают их на усыновление.

- Откуда знаете, Вацлав?

- Хромоногий учетчик проболтался.
- Так они скоро и нас заставят делать детей.
- И это возможно. Но пока наложен запрет.

Дорога была долгой, а бауэр, похоже, был не только без руки, но и глухой. Разговорились и о прошлом. Иван подробно рассказал о себе, и даже о том, как его допрашивали. Вацлав, слушая его, постоянно восклицал: «Как это возможно? Это же инквизиция! Фашисты!» А когда речь зашла о нём, то был до предела лаконичен:

- Родился и вырос в Праге. Вся наша семья – учителя. Я тоже преподавал в гимназии. Как только фашисты заняли Чехию, меня насильно отправили на работу в Германию. Так я оказался на шахте. Дома у меня осталась невеста и, кстати, Ваня, очень много русских знакомых.

Разговор работников прервал хозяин, пригласив их пообедать. Достал из ящика саквояж, термос с водой, мыло и полотенце. На чистую белую тряпицу выложил бутерброды с бужениной и налил по чашечке кофе из свеклы и перемолотого ячменя. Всё это он виртуозно проделывал одной рукой. Это же, но в обратном направлении, проделал он с такой же ловкостью после окончания обеда. К имению бауэра добрались ближе к вечеру.

Расположилось оно по берегу реки Везель, недалеко от города Кассель. Иван своим сельским, цепким взглядом оценил сразу красоту этого места расположения и, в то же время, запущенность хозяйственных построек: разбитая крыша риги, покосившийся амбар и не подготовленный к зиме сад.

Из красивого домика вышли три женщины, держа за руки детей. Старшая, мельком взглянув на прибывших, подошла к хозяину и начала с ним о чём-то громко говорить. Молодые, не скрывая любопытства, рассматривали прибывших работников. От Вацлава не ускользнуло особое внимание к Ивану молодок. Улучшив момент, толкнул

Ивана в бок и шепнул: «Ой, Ваня! Придется тебе делать детей!». Иван от такого неожиданного заявления даже вначале опешил, но быстро опомнился и огрызнулся: «А тебе жениться!».

Разместили работников в чисто убранном флигелёчке, и началась для них новая жизнь со старыми проблемами. Спал ли Иван в эту ночь, или нет – он не помнит, но запела в его душе струна крестьянина, и заспешил он до зари с лопатой в сад. Когда домочадцы проснулись, в саду красовались уже четыре яблони с вырезанными сухими ветками, обкопанные по кругу и с побеленными стволами. Появившийся хозяин долго оценивал работу и, оставшись довольным, поднял кверху палец и проговорил: «Гут, Иван! Гут! (Хорошо, Иван! Хорошо!)».

Все последующие дни для работников проходили по одному сценарию: Вацлав, как знаток немецкого языка, получал с вечера задание от хозяина и передавал его Ивану. А они с утра работали либо вместе, либо врозь. Сам хозяин – Ганс Мюллер, был в работе «на подхвате», но в основном работал снабженцем. Фрау Марта – хозяйка имения, занималась хозяйственными делами по пищеприготовлению и присматривала за детьми. Их дочери: белокурая Софья и темнокудрая Эмма были полными хозяйками скотного двора: четыре коровы, пять свиней, гуси, куры, индейки. При необходимости помогали работникам в саду, на поле капусты и при сборе урожая. Все трудились изо дня в день, как заведённый однажды механизм, даже в кирху ходили строго по часам. Месяца через два Вацлав растолковал Ивану, что хозяин – бывший офицер полевой жандармерии, хозяйка – дочь какого-то музыканта из Вены, а обе дочери с начала войны вдовы, и у них по одному ребенку. К этому он добавил, что дочери не прочь поразвлечься с ними, и он это постарается осуществить, как только представится удобный случай.

- А как же запрет? - со смехом спросил Иван.

- Война, Ваня, война всё отменила и поменяла, - несколько грустно ответил Вацлав.

В том, что Вацлав умеет держать своё слово, Иван убедился уже через три месяца, когда неожиданно наткнулся на них в сеновале. Вацлав с Софьей настолько были увлечены своим делом, что даже не услышали его приход и уход.

От души порадовался Иван за своего товарища, а у самого кошки скребут от неясности:

- Кто он? Каков его статус? Есть ли семья? Может ли он жить по законам природы и подчиняться этим природным инстинктам? Нужно ли руководствоваться своей совестью, а не годами испытаний и жизнью?» Это, и подобное этому, задавал он себе почти ежедневно и не находил ответа.

Все решил случай. Собирала по осени Эмма яблоки с дерева, стоя на площадке приставной лестницы и, потянувшись, зацепилась платьем за ветку, оголив прелести женского тела. Не выдержал этого Иван, подхватил её на руки и отнёс в дальний угол сада. Не меньше часа наслаждались они своей близостью, отдавая друг другу энергию истосковавшихся тел. Они не думали о дне завтрашнем, о разлуке, о последствиях. Они вдохнули глоток жизненного блаженства, который предоставила им война.

К зиме 1944 года хозяйство бауэра преобразилось: всё обновлено, всё отремонтировано и везде идеальный немецкий порядок.

Всё было бы нормально, да только Софья припухать стала животиком. Первой в семье это заметила мать. Оставшись один на один с дочерью, показывая на её живот, спросила:

- Вас ист дас? (Что это?).

- Их бин швангер (Я беременная), - потупив глаза, ответила дочь.

- Майн Готт! Майн Готт! (Боже! Боже!), - всплеснув руками, воскликнула фрау Марта и заплакала.

На следующий день в этом небогатом семействе разразился скандал. Женщины плакали, хозяин, брызгая слюной, грозил Вацлаву кулаком и орал: «Ундерменш! Ундерменш! (Внечеловек! Внечеловек!)» А Вацлав на всё это спокойно заявил: «Закончится война, убьют вашего Гитлера и заберу я с собой в мою Чехию Софью с детьми, а там поженимся! И не надо на меня кричать! А кто из нас окажется «Ундерменш» - мы ещё увидим! Вот так, папаша!» - в наглуую закончил он. «Ну, наглец! Ну и наглец!» - улыбаясь, отметил про себя Иван и вышел во двор. Следом спокойно вышел Вацлав, и они разом облегченно вздохнули.

Дня через три, когда улеглись семейные страсти, во время обеда разговорились:

- Твоя-то не беременная? - ехидненько спросил Вацлав.

- Нет! - механически ответил Иван и, сообразив, что его Вацлав «прихватил», - рассмеялся.

- Что собираешься делать после войны, Ваня?

- Хочу к семье, Вацлав.

- Тебе в России нет места, - категорично заявил Вацлав.

- Объясни, - затревожился Иван, хотя и сам знал это.

- Тебя сразу расстреляют.

- Почему?

- Первый раз по 58 статье, а второй раз за работу на фашистов.

- Каков выход для меня?

- Мы с тобой скоро поедem ко мне на родину. Я там знаю многих русских, если они живы, я тебя с ними свяжу. Вот фамилии их я забыл, но обязательно вспомню.

- Я надеюсь, ты Эмму с собой не возьмёшь? - прозвучал полувопрос.

- Нет! У меня в Сибири молодая жена с детьми. И их нужно оттуда вывезти. Знать бы только, как?

- Могу, Ваня, за особую плату, предложить вариант,- подтолкнув Ивана, заявил Вацлав.

- Выкладывай! - тут же потребовал Иван.

- Всё просто! Приезжает в Россию чех и женится на твоей жене. Официально вывозит её и детей из России и благополучно тебе вручает! Учись у умных чехов, русский, - хохоча над растерянностью Ивана, закончил он.

- А кто этот чех, Вацлав? И когда?

- Это, Ваня, уже моя забота! Война на исходе, Ваня! Скоро домой! Я вчера прочитал в газете, что Советская Армия вышла на рубежи своих границ и движется уже для освобождения других стран от немцев. Потерпи, дружок!

В начале января 1945 года Софья благополучно родила Вацлаву сына, от чего тот был на седьмом небе. Тесть по этому случаю даже раскупорил бутылку «Бургундского». Вацлава после этого поселили в доме, а Иван по-прежнему жил во флигеле.

Эмма после семейного скандала стала остерегаться близости с Иваном, и постепенно их отношения замерли. Правду говорят: «Все хорошо, что хорошо кончается!»

Германия нищала. Всё чаще и чаще стали в хозяйство наведываться сборщики продовольствия для фронта. А фронт был везде. Воевали на суше и на море. Но если где-то это было далеко и не всегда ощутимо, то здесь бомбили ежедневно. Лазареты были переполнены. Требовались дополнительно медсестры. В конце января мобилизовали для этого Эмму. Успела только поцеловать сынишку и тут же укатила. Через месяц забрали и Софью, оторвав мать от младенца. Германия пошла вразнос. Загрустил после этого хозяин, опустил голову. В один из зимних дней Иван предложил ему ликвидировать живность и законсервировать мясные продукты. Для детей и для семьи в этой неразберихе

нужны запасы. Вчерашние рабы Германии, подневольные работники Ганса Мюллера за неделю с этой задачей справились. В хозяйстве оставили одну корову, двух лошадей, одну свинью и десять кур.

Через два дня после этого Софья привезла домой умирать свою сестру. Разбомбили их лазарет, и её тяжело ранило в голову. Так и скончалась она в своей постели, оплатив все векселя войне.

После похорон Софья опять уехала, успев шепнуть Вацлаву, что она опять забеременела. Он и сообразить путем то ничего не успел, а она уже укатила. Постоял, постоял, сражённый известием, Вацлав, а когда всё это дошло до его сознания – побежал к Ивану поделиться новостью. Ивана разыскал на берегу, где он сидел наедине со своими мыслями. На радостное сообщение Вацлава среагировал несколько необычно:

- Жизнь замещается новой жизнью! Таковы законы Природы!

Софью полностью отпустили в конце февраля, а в начале апреля её отец сообщил Вацлаву, что немцы покидают Чехословакию.

...В один из ясных апрельских дней отправились на легковой машине в сторону верховья реки Эльбы семейство Вацлава и Иван. Вацлав, превосходно владея географией земель Германии, благополучно миновал все очаговые бои фашистских войск и третьего мая 1945 года катили они уже по ликующим улицам Праги. Как только переехали мост, Вацлав неожиданно стукнул себя по лбу и, повернувшись к хмурому Ивану, воскликнул:

- Ваня! Я вспомнил фамилию моих русских знакомых! Они Еремеевы!

- Как? Как? - оторопело перепросил Иван и замер в ожидании ответа.

- Ваня! Точно! Они Еремеевы! Она – Варя, а он – Степан! Живут они вот на этой улице! Давай заедем!

- Мгу...у..., - только и смог сказать Иван.

Ещё и лестничный марш не миновали, как сверху слышались до головокружения знакомые голоса и навстречу спускались Варя и Степан: поседевшие, заметно постаревшие, но с такой же уверенной, волевой походкой. Возможно, и прошли бы они мимо уставших, грязных мужчин, да только слезы Ивана заставили их повнимательней всмотреться.

- Ваня! Это ты? - в растяжку спросил Степан, протирая глаза.

- Я! Я это, Степан! Я! - не стесняясь слёз, чуть слышно прошептал Иван, опускаясь бессильно на ступеньку лестничного марша.

- А меня тоже не узнаете? - с ноткой удивления спросил Вацлав.

- Ой! Господи! Это же Вацлав! Степа! Это же Вацлав! - приходя в себя, крикнула со ступенек Варя.

Стоят на лестничной площадке, обнявшись, четыре человека и, перебивая друг друга, говорят, говорят. Слушая со стороны, можно подумать, что разговор у них ни о чём.

- Мои?

- Живы!

- Как вы вместе?

- Под землей.

Невесту увезли!

- У меня жена.

- Пытали?

- Да!

- Кто? Где?

- Не знаю!

Первым опомнился Степан.

- Быстро все в дом! - скомандовал он, подталкивая всех кверху.

- Други мои! Я своих попроведаю и к вечеру заявлюсь с женой и детьми, - взмолился Вацлав, сбегая вниз.

Пока Иван мылся в ванной комнате и приводил себя в порядок, Варя накрыла стол, а Степан из своих запасов достал солдатскую фляжку спирта. Мужчины выпили, закусили, и пошел семейный разговор. Когда Иван дошёл в рассказе до пыток в тюрьме, Степан налил обоим изрядную порцию спирта и, глуша рыдание, кинул в рот. А Иван всё говорил, говорил, говорил. Было такое ощущение, что говорит он не для своих родственников, а для своего внутреннего самоочищения, истребляя накопившуюся от переживаний накипь унижения и зверства над ним.

Варя, слушая его, то вздыхала, то плакала, то, успокаиваясь, гладила по голове, не забывая при этом подкладывать мужчинам закуску. Выпили ещё по одной, и Иван после этого, трезвейшим голосом начал задавать вопросы:

- Где Захар?

- Воюет в русско-хорватском корпусе.

- А дети?

- Не знаем!

- А ваши где?

- Кое-где, - уклончиво ответил Степан и тут же добавил: - Прошел слух, что в партизанах Югославии воюет мой внук Володя. Подробностей не знаю!

- Да! Дети выросли, а родители и обнять-то их не могут, - грустно проговорил Иван и перешёл к изложению плана Вацлава относительно вызволения из России Наталки и детей.

Степан, молча, выслушал, теребя свой когда-то пышный ус, и сказал:

- В принципе план хорош, но нужна перестраховка через Красный Крест.

- Что это? - спросил Иван.

- Сейчас расскажу! Международное движение Красного Креста и Красного полумесяца – гуманитарное агентство с национальными филиалами по всему миру. Штаб-квартира находится в Женеве в Швейцарии. В военное время оказывает помощь жертвам войны по облегчению их страданий, а в мирное время оказывает дополнительную помощь службам здравоохранения. Всё это отражено в Женевской конвенции ещё в 1929 году, и мы воспользуемся этой организацией.

- Как? - по-прежнему волнуясь, спросил Иван.

- В Праге недавно открылось Консульство Швейцарии, а консулом назначен сын Захара и Аксиньи – Женя, спокойно, но с явной гордостью, ответил Степан. - Мы вместе с Вацлавом подберём надежного человека, организуем ему документы Красного Креста, и отправится он в Сибирь за твоим семейством.

- Степан! А может, я сам поеду с этими документами? - всё ещё надеясь на что-то, спросил Иван.

- Если хочешь смерти – езжай! Тебе мало своих приключений? Хочешь и семью загубить? - повысив голос, ответил Степан.

- Не сердись, Степан! Я ведь за соломинку цепляюсь, - тихо произнёс Иван.

- Твоя, Ваня, соломинка – дать полную информацию нашему посыльному и ждать, - ставя точку в разговоре, закончил Степан.

Варя, видя, что мужчинам нужно поговорить наедине, выставила на стол бутылку вина и, извинившись, ушла. Варя поняла всё правильно. Иван рассказал всё, что не мог рассказать при Варе: о женщине в Германии, о бомбёжках, о характеристике большевиков и Сталина.

...Ближе к вечеру шумно прибыл Вацлав с полным набором семьи: мамы, папы, жены, детей. Женщины приня-

лись сервировать стол, а мужчины укрылись в соседней комнате. Долго о чём-то говорили, а когда вышли – лица их сияли.

- Выйди на улицу, там за рулем такси мой двоюродный брат. Он поедет в твою Сибирь в Россию. Подробно растолкуй ему всё. Русским языком он владеет. Его мама – русская, - прошептал на ухо Ивану Вацлав.

Уже и стол накрыт, гости расселись, а Ивана всё нет и нет. Вацлав, не одеваясь, быстренько шмыгнул за дверь. Минут через десять привёл улыбающегося Ивана.

- С Анджеем разболтался, - прокомментировал Вацлав и начал всем разливать по бокалам вино. Разлил и, стоя с бокалом в руке, произнес:

- Я всегда удивлялся силе духа русских людей. Хорошо зная жизнь Вари и Степана, увидел всю эту крепость в поведении Ивана. Он не ломался там, где бы я точно сломался. Есть у них стержень непобедимости! А у сибиряков он ещё более сильный! Я в этом убедился. И вполне закономерно, что они свернули голову Гитлеру и освободили от него нашу Родину! Другим народам это было бы не по силам! Я предлагаю выпить за моих и наших русских друзей стоя!

Софья, ничего не поняв, поднялась и вместе со всеми выпила стоя.

...Три месяца ожиданий. Три месяца переживаний и бессонных ночей для Ивана. Вестей из России нет, как и нет посыльного. А тут ещё и Степан приходит домой озабоченным и хмурым. В конце концов, Ивану удалось его разговаривать:

- В Чехословакии устанавливается власть, аналогично СССР. Ладно бы власть! Органы КГБ копируются. Всех иностранцев и депортированных проверяют. Скоро доберутся и до тебя. Пока не поздно, Ваня, нужно бежать, иначе тебя передадут в руки СССР, а там – смерть!

- Куда бежать, Степан? Я уже набегался!
- Надо, Ваня! Надо!
- Тогда – куда?
- Есть два варианта: Швейцария, Франция. Выбирай!

И тот и другой – реально.

- Проговори и тот и другой.
- Во Франции большая русская диаспора и мои связи.

Помогут по трудоустройству и жилью. В Швейцарии то же самое, но там сильно влияние консула – Жени.

- Как скоро, Степан, нужно бежать?
- Сегодня! Завтра будет поздно!
- А как быть с моими, если прибудут?
- Они сюда придут, как члены семьи Анджея. Отсюда же их тебе доставим! Можешь не волноваться.

- Что советуешь, Степан?

- Одевайся и срочно в дипмиссию Швейцарии. Там за три дня оформишь их гражданство и – вперед!

- Эх! Была, не была! Чекисты в СССР не убили, немцы не угробили, значит, не пришло мое время умирать! Так, Степан?

- Так! Так! - поторапливая Ивана, проворчал Степан.

Насколько же сильна и верна интуиция взрослого, опытного человека. Часа не прошло, как за мужчинами закрылась дверь, и уже требовательно зазвонили. Варя открыла, и в квартиру вошёл представитель чешской полиции в сопровождении двух офицеров Советской Армии с красными околышами фуражек. Проверили паспорта проживающих, бесцеремонно осмотрели все комнаты и направились к выходу. «Был этот недобиток здесь. Был! Надо покараулить», - вполголоса проворчал один из них. Откуда им знать, что русский язык знают не только они.

Через три дня Степан вернулся домой улыбающийся, радостный.

- Уехал! Всё нормально! Хрен им всем теперь, а не Иван! - прокричал он с порога и, обняв, поцеловал Варю.

- Это ещё не всё, Стёпушка! Думаю, что нашу квартиру взяли под наблюдение.

- Откуда такие мысли?

- Дворника заменили. А у него военная выправка.

- Ох, Варюша, у тебя глаз, что алмаз! Подготовимся и мы!

- Что делать?

- Перехватим на вокзале наших гостей. Будем по очереди дежурить. Привлечём к этому Вацлава с его челядью и друзьями! Пробьёмся, Варенька! Не первый раз!

Было утро большого города, без единого облачка и ветерка. В начинающем голубеть небе ощущалась общая умиротворённость, будто его только что промыл тёплый дождь. Пассажирский поезд очень тихо подкатил к перрону вокзала, и так же тихо открылась дверь вагона. Дети ещё спали, и их пришлось нести вместе с вещами. Не договариваясь, Наталка и Анджей, направились к выходу на привокзальную площадь. Здесь уже город сбрасывал свой сон в суете дворников и булочников. На ум пришли ниоткуда строки стиха Ольги Берггольц, прочитанные ещё в Москве:

- Жалуйте, любите, не робейте,

Он упрямый, ласковый, простой.

Но прошу, подруги, не отбейте:

Я сама отбила у другой.

А кого ждала столько лет, к кому мчалась через все препоны – встречать не пришёл. Не разлюбил ли? Как хочется крикнуть: «Ваня! Милый! Я здесь!» И заплакала бы, если бы не услышала от подошедшей старушки: «Анджей! Следуйте тихонечко за мной! Сразу за углом их поджидала машина. Погрузились и помчались по улочкам удивительно красивого города. Наталка невольно сравнивала его с Киевом и нашла, что Прага не хуже.

Подъехали к ухоженному особнячку за кирпичным забором и стукнули в калитку, которая тут же отворилась, и все очутились на выложенной камнем дорожке, ведущей в дом. Дети начали просыпаться и слегка хныкать от дорожной усталости.

- Скоро, скоро отдохнёте, голубки, - на чешском проговорила старушка, пропуская всех в дом. - Анджей! Быстренько за Варей и Степаном. Проверь, нет ли слежки! - опять по-чешски распорядилась старушка.

- Вацлав – это их сын, он друг твоего Ивана. Они вместе были в плену у фашистов, - пояснил Анджей.

Не успела Наталка смыть с детей дорожную пыль и самой привести себя в порядок, как открылась дверь и за порог шагнули Варя и Степан.

- Да! У нашего Ивана губа не дура! Такую кралю отхватил! - заявил сразу Степан и добавил: - Давайте знакомиться!

Пока знакомились, пока приглядывались малые детки к незнакомым взрослым, Вацлав шепнул Анджею: «Меня засекли! Отгони машину и задворками возвращайся!».

Когда за ушедшими закрылась дверь, из спальни вышла с двумя детьми белокурая беременная женщина.

- Это мой немецкий трофей! Моя жена Софья! Она, правда, по-чешски ещё не говорит, но после родов и кричать и плакать будет по-нашему», - улыбаясь и обнимая жену, объявил Вацлав. А когда все разместились за обеденным столом позавтракать, Вацлав сообщил Наталке:

- Ваня твой жив, здоров. Пытались убить, но не удалось! Любит он тебя! Сильно любит! В данный момент он находится Швейцарии. Не спрашивай! Скоро мы тебя к нему доставим! А теперь расскажи о себе, а я буду переводить для моих родителей. И перестань плакать, а то испортишь красоту свою.

Долго рассказывала Наталка всё-всё, будто летопись читала. Её слушали, молча, украдкой вытирая слезы, а она говорила, говорила, блестя своими очами, вовлекая всех в произошедшее с ней и со всеми.

Закончила словами: «Дети со мной! Я им мама! В Россию возврата нет! В России – произвол большевиков! Она – большая тюрьма для всех!». После этих слов тихонько опустила на сиденье и, прикрыв лицо руками, разревелась. Варя и мама Вацлава быстренько увели её в комнату, а Софья, догадавшись, начала угощать детишек сладостями.

Через неделю отправил Анджей свою официальную жену в Швейцарию, где её наверняка ждёт выстрадавшая Любовь и Счастье.

4.

Город жил. Город сражался за каждый уцелевший и разрушенный дом. Город не должен был умирать, ибо за его живучесть отдали жизнь тысячи его защитников. Не было здесь того места, где не пролилась бы чья-то кровь, или миновала смерть. Единственным укрытием для всех были подвалы, да узкие проходы в завалах, словно заячьи тропы: то вверх, то вниз.

Бои шли днем и ночью. Позиции сражающихся менялись непредсказуемо. Все зависело от плотности огня и напора нападающих. Не успеют немцы выбить советские войска с объекта или плацдарма, как тут же эти войска начинают бой с тыла. Ни артиллерия, ни авиация помешать этому не могли. Сталинград подкармливали по Волге: питанием, боеприпасами. Когда фашистские летчики и артиллеристы начали на дальних рубежах топить катера флотилии, сменили тактику доставки грузов. Какой-то смышленный хо-

зыйственник из бывшей бригады сплавщиков леса, предложил вариант доставки грузов в полузатопленных бочках. Затарят бочку в верховьях Волги, укупорят ее, и этакой увязочкой, штукек по десять, отправляют по воде. Около пристани, в установленные боны, этот караванчик бочек улавливают. А те бочки, что на стремнину попали, вылавливают шустрые лодочки.

Выработали тактику ведения огня и приданные войскам фронта снайперы, заранее просматривали условный или реальный плацдарм войск противника, намечали свои позиции и к ночи туда пробирались. На каждого стрелка, как минимум, пять позиций. Сделал выстрел, другой, и срочно на другое место. Враг начинает бить по позиции, а стрелок огонь ведёт уже с другого места. Выбивали в основном офицеров и пулеметчиков. Эту тактику между собой снайперы окрестили – «карусель». Зачастую солдаты сами не доедали, а снайперов кормили отменно. Знали все, что удачных десять-пятнадцать снайперских выстрелов могут остановить продвижение противника на сутки, а иногда и дольше. Многого стоит на фронте остановка на сутки наступление противника: это передислокация частей войск, укрепление позиции, разведка, доукомплектовка частей резервом, эвакуация раненых, да и просто – отдых.

Четыре месяца кружился в этом хороводе смертей сержант-снайпер Еремеев Владимир Иванович. Видно, не судьба – пулю поймать. Четверых своих товарищей похоронил, а у него ни царапинки. О доме не думает. Да и думать-то некогда: бои, бои, бои.

В ноябре созрела зима: снежная с метелями и трехсуточными снегопадами. От гари, копоти и выбросов земли от снарядов и бомб, снег был серо-тёмным, с резкими белыми плешинами и бугорками. Все трудней и трудней становилось снайперам слиться с окружением. Не годились ни белые, ни камуфляжные немецкие халаты. Два дня тому назад

двоих, кто был в белых халатах, «подсекли» немецкие снайперы. Сержант Еремеев, поразмыслив, нашел выход: измазал длинными, прерывистыми, серо-черными пятнами свой белый маскировочный халат и благополучно слился с окружающей поверхностью. Его примеру последовали и другие. За находчивость и крупный счёт убитых фашистов – присвоили досрочно очередное звание и объявили благодарность.

Фашисты тоже не дремали. По опыту русских ввели в войска снайперов, и началась двухсторонняя охота за снайперскими головами.

В один из таких фронтовых дней влетела фашистская пуля прямо в оптику винтовки. Хорошо, что сержант Еремеев был левшой, и поймал его снайпер по блеску стекла оптики. От выстрела вырвало у него оружие из рук, оставив на щеке кровавый след от удара прикладом. Подобрал Владимир своё исковерканное оружие и пополз в общее укрытие.

Разбитая щека кровоточила, залепив полностью глаз, и кружилась голова. Прибывшая походная медсестра сделала перевязку и отправила его, с такими же ранеными, в медсанбат. Напарник, волоча простреленную ногу, успокаивал:

- Не робей, сержант, часа через два доберемся!

- Неужто так далеко?

- Если бы напрямки, то минут через двадцать были бы там. Но мы будем добираться по подвалам зигзагами: вперед-назад.

- А другого пути нет?

- Нет! Не отвоевали еще!

Слова раненого попутчика оказались пророческими. Пробирались по каким-то подвалам разрушенных домов, переползали от воронки к воронке, пока не наткнулись на уложенных штабелем мертвых красноармейцев.

- Теперь уже рядом, - сообщил хромоногий и добавил:
- Сними маскхалат, сержант! Немцы убивают сразу евреев, снайперов, политруков.

- Откуда такие познания?

- Я уже побывал в этой карусели. Хорошо, что ноченька была темной. Сбег. Сними, милый! Не дави форс! Сейчас, перед последним броском, отдохнем и бегом – вперед! Эти двадцать-тридцать метров, сержант, нужно пробежать, а не проковылять. Придется тебе, парень, быть моими ногами!

Видел фашистский снайпер, как из укрытия выскочил солдат, неся на себе друга. Спокойно выцелил и выстрелил. Заметил, что оба упали в расщелину. Движения не последовало. Вознамерился подкараулить ещё жертву, но точный выстрел другого снайпера навсегда остановил это желание.

Чьи-то сильные руки поволокли обоих подранков вглубь окопа, не разжимая рук убитого сверху.

Рану на лице промыли каким-то вонючим раствором и приступили к накладке швов. Боль была такой, что сержант начал с каждым стежком подвывать.

- Потерпи, милоч! Потерпи! - ворчал хирург, ловко работая кривой иглой с ниткой. Глаз закапали, а всё лицо забинтовали, оставив только часть лба и правый глаз. Переправили в смежную полуразрушенную комнату, где вповалку лежали раненные. Слышал сержант, как хирург наказывал операционной сестре:

- У него сотрясение и в лицевой трещине гной. Возможен абсцесс. Отправьте с первым караваном в тыл!

Санитарный караван не прибыл. Обстрелы усиливались, и снаряды рвались совсем рядом. Сквозь хор стонущих, Владимир услышал слова какого-то пораненного офицера:

- Похоже, опять прорвали фронт! Теперь мы все пленные! Приготовьтесь к худшему!

Это «худшее» не заставило себя ждать и появилось в лице немецкого фельдфебеля. «Юден! Комиссарен! Ауф!» - прокричал он и в его руках дважды дернулся автомат.

Всех ходячих по тропинке повели в сторону вокзала и там объединили с такими же. Гнали всё дальше и дальше от сражающегося города, пока не появилась железнодорожная станция. Без еды и отдыха спешно погрузили всех в освобожденные воинские вагоны и под свист паровоза заспешили на Запад. Через сутки пути смиловивились и принесли питьевую воду. И опять – в путь. А навстречу, с малым интервалом, громыхали воинские эшелоны, забитые оружием и свежими солдатами.

Желание уснуть и не проснуться, как покрывалом, накинuloсь на всех, когда с ещё живыми соседствовали уже мёртвые. А колеса вагонов убыстряли свой ход, без всякой тяжести смерти.

Сержанта Еремеева качало из стороны в сторону, даже когда он силился подняться на четвереньки. Из-под бинтов шёл запах гниения и бежала сукровица. На очередной станции, когда выгружали мёртвых и принесли воду с добрым куском ржаного хлеба с картошкой, проглотив всё разом, рванул свою повязку с лица и в свете открытой двери вагона увидел причину своей боли: зелено-красный шматок выделений с остатками ниток. Промыл рану холодной водой и через какое-то время почувствовал облегчение и тут же провалился в сон. Проснулся от гортанного крика конвоя. Началась выгрузка. Построили в колонну и повели в ночь. По плетущимся прошёл вопрос: «На расстрел что ли?». С небольшим перерывом пришёл ответ: «Нет смысла для этого сюда везти!». Впереди стали различимы какие-то сооружения: приземистые серые сараи с маленькими окнами и несколько домиков. Ощущение такое, что это большие гробы на краю большой могилы. В правоте этого мнения многие убедятся уже через сутки.

При более близком рассмотрении стало понятно, что пригнали всех в концентрационный лагерь для военнопленных. Вся территория была огорожена тремя рядами колючей проволоки, по периметру стояли вышки охраны. При подходе ворота лагеря открылись и все, пройдя сквозь коридор из стоявших охранников, оказались на большой утрамбованной площадке. Из репродуктора прозвучала команда на построение. Не успели путём выровняться, как из этого же репродуктора прокричали: «Ахтунг! (Внимание!)» и следом на русском языке:

- Русские военнопленные! Вы прибыли в Арбайтлагерь для работ на нужды Германии и Рейха. Порядок в лагере поддерживается внутренней и внешней охраной. В каждом блоке, куда вас разместят, есть свой староста, которому подчиняться беспрекословно. За всякое нарушение режима – карцер или расстрел. Сейчас вас отведут на санобработку и переодевание. Утром и вечером питание в блоке проживания, а в обед – на рабочем месте. Работать будете по двенадцать часов. За качество работы отвечает каждый из вас индивидуально и бригада в целом. Хождение по лагерю запрещено! Разговоры на работе запрещены! Пререкания с контролёрами и прорабами – запрещены! Переписка и посылки – запрещены! Во всём и везде нужно соблюдать немецкий порядок!

После нулевой стрижки, дезинфекции оброслостей тела, помывки в душе с тёпленькой водицей, переодели в полосатые робы и загнали в охраняемый блок. По всей длине блока были устроены двухъярусные нары с индивидуальными бумажными матрацами, набитыми соломой и с такими же подушками. Всё пронумеровано, и номер соответствовал номеру заключенного. Каждому номеру выдано по два грубых одеяла: одно вместо простыни, другое – для укрытия. Посередине прохода стояли два длинных, грубо сколоченных из досок стола для приёма пищи. Утреннюю и

вечернюю пайку хлеба и кружку эрзац-кофе каждый получал в раздаточном окне пищеблока. В каждом блоке от ста до двухсот человек. На все помещение три лампочки: у входа и над столами. Свет от лампочек слабый, угнетающий и давящий на психику. И везде запах карболки и прелости. За каждый обеденный стол могло разместиться как минимум человек сорок. Но стол всегда пуст. Свою пайку хлеба все едят на своих нарах, а оставшиеся кусочки прячут под подушкой в тряпице.

Голод зачастую заставляет все эти припасы съесть ночью. Хлеб этот с трудом можно было назвать хлебом: голод он не унимал, а вызывал обильное слюноотделение. Происходило это от того, что в хлебном замесе были отходы пивного производства и свёкла. От газовых ночных выхлопов спящих людей к утру дышать было трудно.

Каждое утро начиналось с команды: «Подъем! Приготовиться к работе!» На всё это отводилось сорок минут, за которые нужно было сходить в туалет, вынести парашу, умыться, проглотить свою пайку и бегом на построение. После переклички – построение в колонну и пешком четыре километра до площадки по строительству аэродрома. По объему проделанной работы было видно, что работы ведутся здесь далеко не один месяц, а наличие не менее тысячи работников свидетельствовало о срочности подготовки объекта.

Аэродром был размечен на четыре взлётно-посадочные полосы: две для тяжёлых бомбардировщиков, две – для истребителей. Единственная механизация - трактор-бульдозер для снятия чернозёма и несколько бетономешалок. По прибытию на место работы всех поделили на звенья, и каждое звено получало своё конкретное задание. Контроль за исполнением осуществляли военные и гражданские специалисты.

Опытным взглядом крестьянина Владимир Еремеев определил сразу всю тяжесть работ. Снятый бульдозером до глины чернозём на тачках перевозили в лог и засыпали его. Немного позже он убедился, что лог служил и местом захоронения умерших. Освобождённую глину полосы выравняли по выставленным вешкам такой же глиной и утрамбовывали тяжёлыми деревянными «бабами». Глину возили на тачках по переносному деревянному настилу из расположенного неподалеку карьера. К утрамбованному месту вагончиками по узкоколейке подвозили из каменного карьера щебень разной фракции. Крупная фракция укладывалась на глину и после утрамбовки покрывалась мелкой фракцией. Всё это затем укатывали тяжёлым водозаливным катком. По подготовленной основе укладывали металлическую сваренную ячеистую арматуру и заливали бетоном. Весь этот строительный конвейер работал, как часовой механизм – без остановки и без перебоя. Больных и ослабленных заменяли на других. Разноязыкий был тут народ: русские, поляки, немцы, чехи, югославы, албанцы, сербы. Не было только евреев. На знакомство и разговоры времени не было. Перебрасывались некоторыми фразами только когда толкали из карьера тяжелые тачки с щебнем, или во время обеда.

Самая тяжелая работа была в каменном карьере. Но и здесь был установлен ритм работ. Все работники были поделены на три звена: отбойщики, переработчики, отвальщики. Отбойщики клиньями, кувалдами, ломали, откалывали скальный грунт и складывали в отдельные кучи. Переработчики кувалдами разбивали эти камни на более мелкие части и сортировали на крупную и мелкую фракции. Отвальщики загружали измельчённый камень лопатами в вагонетку и тащили этот груз наверх к укладчикам. Количество людей в отвалах регулировал старый надсмотрщик, у которого было три оценки общего труда: «Гут! Зер гут! Шлехт! (Хорошо! Очень хорошо! Плохо!)».

Стоило только кому-то из пленных присесть от усталости или упасть, как тут же следовал окрик вооруженного охранника: «Ауфштейн! Шнель! Шнель! (Встать! Быстро! Быстро!)». Если же упавший не мог подняться, то охранник вначале «помогал» ему это сделать ногами, изрыгая при этом: «Ферфлюхте швайн! (Проклятая свинья)». На место выбывшего тут же пригоняли другого пленного. Конвейер работал, конвейер должен был работать без перебоев, и не важно, сколько этих пленных останется в логу. Все для Германии! Все для Рейха!

Через месяц такого изнурительного труда, без подкрепляющей пищи, человек превращался в механического робота: без воли, без желаний, без здоровой мысли. Единственное желание – поспать. Но и это не удавалось, ибо голод заставлял просыпаться, и рука невольно нащупывала припрятанный под подушкой засохший кусочек хлеба. Быстрей, быстрей в рот и сосать. Сосать до бесконечности, если бы он не был таким маленьким.

Пленный Еремеев, не смотря на свою природную физическую силу, изнеможение начал ощущать уже через месяц пребывания в лагере. Для лагерников это был и так уже солидный срок. Многих давным-давно поменяли на других, благо дефицита в этом у немцев не было. Когда он дважды споткнулся, толкая тачку с глиной, понял, что это конец. Конец его пребывания в этом лагере, на этом свете. От этой мысли стало жалко себя, и он заплакал. Заплакал от бессилия что-то сделать, изменить.

Но Судьбе было угодно предоставить Еремееву, военнопленному под номером 987, ещё один жизненный шанс. Однажды утром, вместо отправки на работу выстроили всех на плацу и рослый, седовласый мужчина в гражданской одежде объявил: «Германское правительство формирует добровольное воинское соединение для борьбы с большевиками. На сегодняшний день только таких армий сформи-

ровано более десяти. Все вы можете стать составной частью этих формирований. Кто не согласится, тот глупец и погибнет в этом лагере от тяжёлого труда. Согласных прошу выйти из строя и построиться для отправки в военный лагерь!»

Всё это прибывший «сват» повторил на немецком, польском, французском языках.

Строй военнопленных качнулся и большая часть шагнула в его сторону.

Когда остальных увели на работу, началась переписка добровольцев. Пока писарь уточнял фамилии, национальность, род войск и звания, прибывший эмиссар, молча, наблюдал со стороны. Когда же очередной военнопленный назвал фамилию – Еремеев, он вскинул голову и впился глазами в лицо добровольца.

- Еремеев! Подойти ко мне! - властно приказал гражданский. И когда Владимир подошёл, он начал его расспрашивать:

- Как зовут твоего отца?

- Андрей!

- А маму?

- Ольга!

- Ты из Сибири?

- Да!

- Из Сибирки?

- Да!

- Где отец?

- Арестован!

- Где мама?

- Умерла!

После последнего слова седовласый отвернулся, вытер слезы и, повернувшись, обнял Владимира и проговорил: - Я дядя твоего отца, малыш! Назаров Захар Прокопьевич! От меня ни на шаг! Для тебя я тоже буду дядей! Так и считай!

От того, что случилось, Володя начал приходить в себя только часа через два. А когда сообразил всё происходящее и сказанное – заулыбался, засуетился, хотелось куда-то бежать и петь от радости.

Перед отправкой автотранспортом всех отмыли, плотно накормили, дали двухчасовой отдых. После этого: погрузка и путь-дорожка в неизвестное.

Доподлинное осознание реальности и ощущение всем своим существом происходящего вокруг Владимир Иванович Еремеев понял только через неделю, когда они прибыли по железной дороге в воинский лагерь формирования частей. И, тем не менее, не мог он дать себе ответ о правильности своего решения. Единственную и полную надежду возлагал он теперь на дядю Захара. За все дни военного лихолетья и лагерного кошмара сержант Еремеев только здесь опять увидел голубое небо, которое напомнило ему глаза его любимой девушки в далекой Сибири. Всматриваясь в медленно плывущие облака, пытался Владимир вспомнить лицо своей любимой, и от этой мысли оторопел – он не смог его вспомнить, но зато в деталях помнил все ходы по подвалам Сталинграда и барак военнопленных.

...Дядя Захар заявился в военный городок, когда всех прибывших добровольцев переодели в коричневую форму французских солдат и дали трехдневный отдых.

- «Русская Армия», - начал свой рассказ Назаров, - членом которой я являюсь, сформирована за пределами границы из разгромленных частей царской армии. Основная наша задача - борьба с большевизмом во имя спасения России. Когда Германия начала военные действия против Польши, Франции, Чехии – штаб нашей Армии пришёл к решению о мобилизации наших войск для вторжения в СССР. Но не успели мы еще и преодолеть половину намеченного, как фашисты развязали войну с СССР и начали громить войска Красной Армии. Вначале формирования

этих немецких действий – нас многое устраивало, и мы спешно включили свои русские формирования в специальные армии Вермахта. Но когда через год, мы увидели, что немцы творят с военнопленными, евреями и мирными пленными – ахнули.

На всех территориях, занятых их войсками, устроили против всего населения – геноцид. А после того, как погнали их от Москвы и Сталинграда, свирепость на местах возросла. Вся Европа считает немцев культурными, цивилизованными народом. Их законопослушание стало их бедой. Воспользовавшись бедственным положением немцев после Первой мировой войны и уничтожением прежней Германии, Гитлер сумел всем внушить, что есть путь лучшей жизни для немцев, и путь этот – через войну. Необходимо вернуть назад земли Германии, приобщить к ней ресурсы других стран и выкорчевать из умов большевизм. Ему поверили и поддержали. А как не поверить – коль резко возросла промышленность, сырьевая база, занятость населения. Благополучие немцев стало очевидным. Гитлеру на этом фоне удалось вбить в сознание немцев, что они - сверхнация. Глумление над народами захваченных стран, на занятых ими территориях в своём кощунстве, не имеет определения.

В русском армейском движении на фоне этого произошёл раскол. Часть военных считают, что Гитлера нужно поддержать в борьбе с коммунистами и освободить Россию от Советов. Другая часть считает, что участвовать в военных действиях фашистов нельзя, и воинские формирования нужно создавать только для борьбы с Советами и для охраны населения освобожденных регионов от посягательств на избранную власть свободного народа.

- А какова ваша позиция, дядя Захар? - перебил вопросом Владимир.

- К окончательному решению, дорогой мой племянник, пришёл я совсем недавно, после мучительных размышлений. Поделюсь ими.

Мои молодые годы, а затем зрелые были посвящены служению России. Вначале я воевал против германцев, а затем против Советской власти на стороне Белого движения. Был на самом ответственном месте – в разведке. Нас победили, и мы долго скрывались в разных частях Света, сохраняя преданность нашему Отечеству, россиянам. Разные это были методы. Когда Германия напала на СССР, многие наши заграничные россияне обрадовались, считая, что наступает кончина большевистскому владычеству в России. Повсеместно начались воинские формирования россиян, включая и военнопленных. А их сегодня уже около трёх миллионов. Это только сдавшихся красноармейцев. Почти столько же – из других стран. Практически, все армии и корпуса возглавляют бывшие царские генералы и сдавшиеся генералы Красной Армии. Основная их мотивация действия – очистка всей России от большевиков и возрождение Родины. Но война – это смерть! Кто противостоит сегодня фашистским войскам и нашим новоявленным армиям? Кто гибнет в первую очередь? Кто попадает в плен? Ответ: солдаты! А они что, все большевики? Нет! Далекое – нет. Вот и получается, что за все большевистские дела расплачиваются рабочие и крестьяне, которых в свое время коммунисты ловко обманули. Эта несурезица длится у них уже не один год. А Германия повсюду вместо обещанной свободы без коммунистов превращает людей в своих рабов и умерщвляет их непосильным трудом. Ты, Володя, сам свидетель этого по лагерю.

- Зачем они это делают? - опять задал вопрос Владимир.

- Слишком много рабочих рук, которые могут выполнять своей массой работу механизмов. А дармовую силу

можно и не докармливать. Под страхом смерти всё равно будут работать. А если нет – то смерть.

Вот и решил я спасти от гибели хотя бы часть военнопленных через формирование мнимых армий. Вначале я оказал содействие в формировании Русской Народной Армии под командованием генерал-лейтенанта Красной Армии Боярского Владимира Ильича. Сейчас я приступил к формированию Русско-Хорватского горно-стрелкового корпуса. Моя цель: восстановить физические силы всем солдатам и офицерам, научить военному искусству и только после этого, дать возможность каждому избрать свой путь. Только подопечные мои не знают, а я им этого не говорю, что, по решению Правительства СССР, все пленные солдаты и офицеры считаются предателями Родины и должны за это быть судимы.

- Какова моя участь? - растерянно задал вопрос Володя.

- Скорее всего, Вовочка, отправлю я тебя к партизанам в Югославию. Россия и Сибирь для тебя заказаны, - печально закончил Захар разговор с племянником.

Со следующего дня для бывшего сержанта Еременко Владимира Ивановича начались армейские будни.

Молодость и выпавшие на его долю испытания голодом, страшные и нечеловеческие условия в плену толкали его организм восстанавливать тело и утраченные его прежние функции. Через месяц трехразового питания в сочетании с продуманным режимом занятий и отдыха округлили все дряблости и впалость тела, а мышцы опять приняли прежнюю форму.

Здесь не только продуманно кормили, но и прекрасно готовили воевать. Для бывшего сержанта-окопника новыми были занятия по альпинизму при полном снаряжении. Постепенно при походах в горы инструкторы ставили его ведущим. Ему даже кличку дали – «Барс», за выработанные кошачьи движения и прыжки.

Владимир радовался своему возрождению, выданное ему судьбой и дядей Захаром. Он был счастлив. Счастлив тем, что мог ходить, бегать, прыгать, даже петь под чистым небом и пить крупными глотками не зачерненный утренний воздух. Был ли он зол на кого-то или на что-то: об этом он не думал, да и не хотел думать. Предчувствие самой возможности перемен, вызывало в его сознании дополнительное возбуждение и призывало уверенность, что жизнь удалется. В своё время, ещё в плену, слышал он такое выражение: «Чтобы быть счастливым, нужно потерять счастье, а потом найти его половину». Правота этих слов его удивляла и вселяла надежду. Эту надежду на лучшее подкрепляло ещё и присутствие дяди Захара с его лаской и требовательностью.

Месяцев через пять вызвал Владимира к себе в кабинет дядя Захар и после ничего не значащих расспросов выдал ему задание:

- Наступила, Володя, пора действий. Для перехода в Югославию отобрал я двадцать надежных вояк. Возглавлять эту группу доверяю тебе. Отбытие ваше будет скрытным через два дня. Сейчас переоденешься в гражданскую одежду и пойдешь на станцию Кошице, что в десяти километрах от нашей части. Найдешь там диспетчера Андрея или буфетчицу Розу. Наш контактный пароль: «Стучат колеса вагонов». Ответ: «Даже громяхают». Передашь от меня привет и просьбу подготовить для твоей группы проводника. Будь предельно осторожным! У немцев и чехов везде глаза и уши! Кстати, они твои родственники. Но это услышал, и тут же забыл! Вперёд, господин Еремеев! Жду возвращения!

Переодевшись в одежду мастерового рабочего, разложив в заплечный короб плотниcko-столярный инструмент, зашагал на зорьке Владимир в сторону железнодорожной станции. Километров пять шёл с чувством страха и возможных встреч, но затем все это исчезло, и появилась в его

движении легкость и уверенность с каждым шагом. Характерное паровозное пыхтение и клацание буферов вагонов услышал еще издали. Ещё раз придирчиво проверил свою амуницию, натянул до бровей кепку, заткнул за пояс легкие брезентовые рукавицы и направился в сторону виднеющегося вокзала.

Найти «своих» особого труда не составило. Первой на слова пароля откликнулась буфетчица, а через несколько минут за чашечкой кофе подошел диспетчер. Молча, выслушал сообщение и мимоходом произнес:

- К двенадцати завтра будьте рядом на берегу реки. Отправлю вас сопровождающими грузы для Венгрии двумя партиями через Мишкольц, Будапешт, мимо Балатона до станции Надьканижа. Там вас будут поджидать на вокзале проводники-партизаны. С ними уйдете в Хорватию. Дорогой без надобности не высовываться! Привет Захару! Проговорил это он, и, поблагодарив буфетчицу за кофе, удалился.

Первое серьёзное волнение испытали добровольцы на станции Мишкольц, когда проверяли груз и добавляли к составу вагоны. Все обошлось благополучно. В Будапешт прибыли ночью и до утра стояли на запасном пути. За это время дважды подходила смешанная фашистская охрана, но, кроме громких переговоров с поездной бригадой, ничего не произошло.

Ранним утром, когда город начал уже просыпаться, их без лишнего шума отправили по назначению. После станции Секешфехервар долго катили без остановок вдоль берега большого озера Балатон. Через час после Балатона были уже на станции Надькинажа. Передали по описи весь груз станционной службе и отправились на вокзал «оформлять проезд в обратную дорогу». Около вокзала их ждали и по условному сигналу отвели за станционные постройки. Без лишних слов, каждому выдали нож, пистолет, две гранаты и

питание. Так же, молча, поделили на две группы и с большим разрывом повели в сторону гор.

Первый привал сделали на берегу реки Драва, когда обошли все пограничные посты. Перекусили и снова в путь. Следующий привал сделали с ночёвкой часов через десять движения на берегу реки Дрина. Старик-проводник разрешил разжечь костёр и разогреть консервы. Хотя и были отрядники физически подготовлены, но двигаться по пересеченной местности, да ещё и по горам – весьма утомительно. Владимир выставил охрану и дал команду на ночёвку. В скором времени бойцы уснули, и пошёл с переливами храп уставших, измученных службой молодых ещё людей.

Владимир задержался с проводником у костра, с удовольствием прихлёбывая горячий чай из горных трав. Неожиданно проводник заговорил на русском языке:

- Русских я переправляю в Югославию уже не первый год. Вначале это были добровольцы царских войск из Словакии, а затем пошли военнопленные разных стран. Сам-то я родом из Москвы и воевал ещё с японцами юнгой на крейсере «Варяг». После его гибели перебрался на иностранных судах в Черногорию, да тут и остался. А фамилия у меня наипростейшая – Байкалов Федор Федорович.

- А меня зовут Владимиром. Фамилия у меня тоже простая – Еремеев. Родом из Донских казаков, – вставил Владимир.

- А почему тебя, Владимир, бойцы называют «Барсом»?

- Это у меня от мягкого шага при ходьбе. На охоте в Сибири научили.

- Так ты сибиряк?

- Да! Там рос и оттуда ушёл на службу.

- Воевал?

- Пришлось, в Сталинграде! Затем – плен!

- Плен – это скверно! Мы в своё время избежали японского плена благодаря нашему капитану Рудневу и экипажам иностранных судов.

- Как?

- Стоял весь наш Тихоокеанский флот на внешнем рейде Порт-Артура. В ночь с 26 на 27 января 1904 года японцы подошли к нам с потушенными бортовыми огнями и напали. Ведя огонь по всем нашим кораблям и не давая нам в ночи опомниться, японцы сразу серьезно повредили крейсер «Паллада» и два эскадренных броненосца: «Ретвизан» и «Цесаревич». Остальные корабли остались на плаву и на рассвете дали японцам организованный отпор. Наш крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» были заблокированы японцами в корейском порту Чемульпо. Японцы отсемафорили нам ультиматум: сдаться и спустить Андреевский флаг. В ответ на это, командир корабля капитан первого ранга Всеволод Федорович Руднев решил с боем прорваться в Порт-Артур. Когда мы по узкому фарватеру чемульпского порта пошли на бой с японцами, на всех иностранных кораблях нам играли Гимн России. Шесть японских крейсеров почти час расстреливали нас. Мы огрызались, как могли. Когда «Варяг» получил около десятка пробоин и были убиты и ранены более 200 человек, наш капитан принял решение вернуться назад в порт и затопить корабль. «Корейца» экипаж взорвал, а на «Варяге» открыли кингстоны. Всех нас подобрали иностранные моряки и ни одного не отдали японцам по их требованию.

- Что случилось потом с командиром и уцелевшим экипажем?

- Часть экипажа добралась до России, а часть, как я, осели в прибрежных странах. А вот командира через много лет японцы за мужество и воинскую доблесть наградили орденом Восходящего Солнца 2-й степени. Это второй ранг японских наград после Ордена Хризантемы.

Старик задумался, начал подбрасывать в огонь костра сухие ветки, Сделал два крупных глотка чая и продолжил своё повествование:

- Во всех европейских странах сейчас и на Балканах народ поднялся против захватчиков-фашистов и итальянцев. Соппротивление идёт в Греции, Чехии, Польше, Албании, Болгарии, Венгрии, Словакии, даже в Италии. Немцы усилили террор против Соппротивления. Даже дополнительные войска в эти регионы перебросили. Но всё бесполезно! С моря наступают англичане и американцы, а внутри оккупированных стран формируются из разрозненных партизанских отрядов свои управляемые армии. Завтра, сынок, в обед встретит нас командир отряда горных стрелков Милан Николич и поставит перед каждым из вас оперативные задачи! А теперь спать! Спать!

Ещё и светать не начало, а отряд уже шагал вслед за проводником. Старик по-прежнему вел всех непостижимыми путями: то по дорогам то по ложбинам, то по оврагам. Владимиру показалось, что за это утро отряд прошагал раза в два больше, чем накануне. С каждым шагом дорога становилась всё более ухабистой, и стало ясно, что продвигается отряд к горам.

Неожиданно проводник подал сигнал залечь. Впереди с нарастанием раздались голоса. Без бинокля было видно, что по горной тропе идут трое вооруженных людей. Старик шепнул Володе на ухо: «Чечник и итальянцы идут к мосту менять охрану. Без их одежды по мосту к партизанам нам не пройти. Нужно их срочно убрать! Командуй, Барс!»

Змеями скользнули за идущими четверо проворных солдат, держа в зубах ножи. Ни крика, ни стопа. Только тяжёлое дыхание подползающих с одеждой и оружием убитых.

Не зря в народе говорят: «Не всегда все хорошо!». Так и получилось, когда подошли к мосту. Охранники стояли

кучкой, поджидая смену. Когда подошли к ним и начали разоружать, один из них вывернулся и задал стрелка в обратную сторону, паля во все стороны. Одна из пуль достала Владимира. Чиркнула висок, обнажив кожу, и улетела. А кровь – ручьём. Быстро перевязали и бегом на другую сторону, гоня перед собой безоружных охранников, как щит от случайных выстрелов. Сбежавшего охранника обнаружили метров за двести от моста. Видно, достала его чья-то пуля в грудь. Владимир приказал пленным похоронить погибшего и двигаться домой. Проводник что-то буркнул на это, но оспаривать решение не стал. Видел Володя, как страх в глазах обезоруженных охранников сменился на благодарность и уважение.

Дальше двигались по лесистой стороне гор, спускаясь и поднимаясь, пока не втиснулись в ущелье. За очередным поворотом раздался тихий окрик и с двух сторон зацокали затворы винтовок. Проводник назвал пароль и привел всех на открытую поляну, где разместился лагерь отряда с палатками, кухней, лазаретом.

Выстроил Владимир свой отряд и начал докладывать партизанскому командиру:

- Нас двадцать подготовленных бойцов в специальном воинском лагере из бывших военнопленных. Прибыли к вам добровольно. Мы все русские. Бить фашистов будем беспощадно за все, что они заслужили. Прошу, товарищ командир, зачислить нас в ваш отряд, поставить нас на довольствие и выдать оружие. Доклад окончен! Представлял – командир группы Еремеев!

Командир обошел строй, с каждым поздоровался за руку и, обняв за плечи Владимира, спросил: «Есть ли у вас стрелки?».

- Стрелки все, товарищ командир! Снайперов двое: я и Олег Плотцкий.

- Хорошо! Молодцы! Устраивайтесь! А тебе, старшой, на перевязку!

Разный народ был здесь в отряде: молодые и старые, мужчины и женщины, бывшие военные и часть гражданских, верующие и атеисты. Они уходили на задание и приходили, неся с собой убитых и раненых, а порой возвращались с потерями. Гордый и мужественный был этот народ. Они даже при похоронах не плакали, а молча, целовали покойника и тут же, молча, опускали в могилу. Только по глазам в такие моменты можно было понять горе и печаль по близким людям, и ненависть к убийцам. Железный был здесь народ!

Через сутки отдыха вызвал Владимира к себе командир Милан Николич и без всякого вступления говорит:

- Нужна твоя помощь, Барс! У нас вышла из строя рация. Из штаба армии от Броз Тито передали нам новую. Несёт её наша разведчица – Весна Палич. Вот уже третьи сутки скрывается она в горах и выйти к нам не может. Единственную тропу сюда держит под обстрелом итальянский снайпер. Посылал я к ней на выручку людей. Никто не вернулся. Всех уничтожил, гад! Надо его уничтожить и вызволить нашу разведчицу. Это моё задание тебе! Всё ясно?

- Ясно!

- Что нужно?

- Винтовку с цейсовской оптикой и проводника до тропы.

- Всё будет! Собирайся!

...Всё выше и выше в горы по узким тропам вёл проводник Владимира. Вот уже и видимая тропа закончилась, а они взбираются по кручам вверх и вверх. Наконец-то остановились около большого валуна и залегли.

- Вот там впереди стоит отвесная скала, и у её подножья тропка по краю огромной расщелины. Это и есть

наша партизанская тропа. Вражеский снайпер расположился на противоположной стороне и не даёт ходу. За этой скалой скрывается наша Весна. Уничтожишь снайпера – путь свободен. Я буду ждать поодаль, а ты уж постарайся, русский, выручить мою сестру.

Просмотрев несколько раз свое окружение, не высываясь из-за камня, Володя отполз к грядке горной осыпи и, проделав в ней отверстие, приладил винтовку. Убедившись, что он пока еще в тени и оптика не даст бликов, приступил к изучению противоположной стороны. Вот уже, наверное, в десятый раз просматривал он все камни и кусты – снайпера нет. Чисто интуитивно решил ещё раз «прошерстить» стоящее дерево с большой кроной. Результат такой же. Когда же оптикой скользнул к корням, обратил внимание на прямоторчащую небольшую ветку. Присмотрелся – и чуть не расхохотался. Ветка оказалась стволом винтовки, сам же снайпер жертвы свои выцеливал из-за раздвоившегося ствола дерева, у корня. Владимир долго выцеливал его, как бывало в Сталинграде, и выстрелил. По характерному предсмертному вскрику и по звуку падающей вниз по камням винтовки понял – попал. Минут десять ещё «прошаривал» округу и убедившись, что стрелок был одинок, свистнул своему проводнику.

Стонущую разведчицу обнаружили в неглубокой расщелине скалы рядом с убитым партизаном. Рацию, похоже, нес сопровождающий и, падая, прикрыл ее своим телом. Девушка была ранена в грудь и потеряла много крови. Володя почти единым движением стянул с нее козью куртку и осторожно расстегнул кофточку. Залитые кровью девичьи груди заставили его вздрогнуть, а расширенные глаза разведчицы с испугом смотрели на него, объединив боль и стыд. Владимир всё делал профессионально, как учили в тренировочном лагере, и что он видел в медсанбате. Полностью оголил тело девушки, смыл водой кровь, обработал

рану спиртом из фляжки и крепко перебинтовал ранения. Снял с себя тёплую нижнюю рубашу и заменил её девичью сорочку. Одел, влил ей в рот глоток спирта и, взвалив на себя вместе с рацией, зашагал в сторону лагеря. Своего проводника оставил захоронить убитого партизана.

Девушку, боясь причинить боль, нес бережно, как горянки несут кувшин с водой, остерегаясь расплескать драгоценную влагу.

Устал Владимир, пот заливает лицо, начали дрожать ноги. С каждым шагом ноша становилась тяжелей и тяжелей. Внутренний голос диктовал: «Быстрее, сибиряк! Надо спасти эту молодую, отважную девушку, да еще красивую!» Все же во время врачевания успел он заметить эту красоту. Огромные глаза с агатовыми зрачками притягивали к себе, а длинные ресницы и черные брови в сочетании с правильным носиком и пухлыми губками подчеркивали ее природную красоту.

Сверху раздался стон и слабый голос произнес: «Пить... пить...».

- Сейчас! Сейчас, моя хорошая! Потерпи немного! Теперь уже скоро! - обращаясь к девушке, проговорил Владимир и побежал. Упал бы, наверное, со своей ношей, да подспели посланные навстречу партизаны.

После обеда в палатку к Владимиру заглянул командир.

- Спасибо тебе, Барс, за спасённую нашу Весну. Она ведь, Володя, моя племянница. Я только что от неё. Отвоевалась наша разведчица. Смертельного ничего нет, но нужен стационарный лечебный уход. Дня через четыре переправим её через горы в наш основной армейский госпиталь. Сопроводят будут четверо моих ребят. Ты будешь дозорным. Будь готов, товарищ Еремеев! А сейчас иди к Весне. Очень она меня об этом просила! Очень!

То, что Владимир увидел, ошеломило. На белой подушке, разметав длинные кудрявые волосы, лежала девушка необыкновенной красоты. Когда он её перевязывал, успел только мельком разглядеть девичью красоту, но от увиденного сейчас – оторопел. А она, завидев его, замахала пригласительно свободной рукой и, когда он присел к ней на лазаретные нары, притянула его голову к себе и крепко поцеловала в губы. Долго в тот день разговаривала молодость и влюбленность на разных языках. Любовь бежала к ним навстречу! Язык в этом случае не нужен!

Рядом лежали раненые. Ходили медсестры и выздоравливающие, а они этого не видели. Они разговаривали глазами и жестами рук. Ворвавшаяся в их жизнь любовь была всепоглощающей, уничтожающей все жизненные невзгоды. Все оставшиеся дни до отправки были для них райским пребыванием в аду войны. За сутки до отбытия Весне разрешили встать, и они сразу же отправились в горы. Там в безмолвье скал и тишины леса под оглушающий вал ласки стали они мужем и женой. В лагерь вернулись ближе к вечеру и, не разнимая рук, отправились к командиру. Милан Николич был на месте и племянницу с ее спасителем принял радушно. Начал расспрашивать Весну о ее самочувствии, а она в ответ только смеется и жметя к Владимиру.

Внезапно в поведении Милана что-то изменилось, и он начал пристально всматриваться в лица прибывших, а когда догадался, обнял обоих, благословил и заговорил на мешанине сербско-русском языке:

- Ох, и быстрый же ты, сибиряк! И откуда у тебя такая хватка? Самую красивую девушку в округе выбрал себе в жены! Я рад за вас, мои хорошие! Живите долго и счастливо. Нарожайте много, много детей. Сделайте все, чтобы это поколение не испытало ужасов войны. Только, ради Бога, не

вздумайте погибнуть до нашей Победы. Я, возможно, не доживу, а вы обязательно доживите. Обязательно!

После этого присел за импровизированный стол и, сам себе улыбаясь, начал составлять справку-уведомление о регистрации брака между Еремеевым Владимиром и Весной Палич.

- Вот вам, молодожены, свидетельство о браке. Когда закончится война, предъявите в церкви и в органы власти. Там вас и узаконят. Свидетельство отдаю тебе, Весна. Храни его! А теперь, по обычаю нашего народа, давайте выпьем по глоточку ракийки, и пусть ваша семья будет такой же крепкой, как этот напиток.

О многом говорили в этот вечер в штабной палатке, многое и многих вспомнили. В заключение командир распорядился так:

- Завтра отправляетесь в дорогу! Ты, Весна, излечиваешься и потом отбываешь в главный штаб! Ты, Барс, после этой операции срочно отправляешься в штаб к Броз Тито. Будешь готовить снайперов для прорыва нашей Армии из кольца вражеского окружения. Все ли ясно?

- Все! Все!

- Тогда давайте я вас расцелую на прощание и пожелаю доброго пути всегда и во всём!

Командир ещё долго что-то выговаривал Весне, а она только кивала в ответ и, хитровато улыбаясь, поглядывала на Владимира.

Новый день – новые заботы и испытания!

Долго смотрел Милан вслед уходящим. Вот уже и фигуры их превратились в маленькие точки на фоне слепящего снега, а он продолжал смотреть, будто провожал их в последний путь. Не мог он им сообщить, что их освободительная Армия вытеснена со всей территории в горы и окружена. Не мог он им сказать, что если заслоны в ущелье не смогут удержать фашистов, то придется всей Армией

прорываться через горы с большими потерями. Против армии действовали 450 тысяч войск фашистской Германии, царской Болгарии, хорватской Венгрии и войска местного формирования: Павелига, Недига, Михайловича. Большие надежды все возлагали на высадившиеся в Сицилии войска Англии и продвижение в Европу Советской Армии. Надежды надеждами, а вырваться из окружения нужно сейчас. Вот и смотрит командир вслед уходящим, рассматривая их тропочку, как возможный путь движения армейских формирований.

...Владимир никак не мог привыкнуть к местному снегу. В Сибири снежинки редко когда валяться с неба крупными, а здесь – лопухи - лопухами. Но и снег какой-то рыхлый: ни пешком по нему, ни на лыжах. Хорошо, что прибывший на прошлой неделе в отряд Байкалов Федор Федорович соорудил для всех «снегоступы». Правда, продвигаться по камням на них невозможно, а на снежной равнине – вещь незаменимая. Идет Владимир впереди группы с молодым проводником – дорогу прокладывает. Все камушки и кусточки в цейсовский прицел винтовки просмотрит и только тогда дает сигнал на движение вперед. Весна от него ни на шаг. Когда она выбивалась из сил, усаживал он ее к себе «на горбушку» и нес, подшучивая над ней: «Вы неплохо устроились, мадам, на шее мужа. Когда устанете – подайте сигнал!» А она в ответ смеется. Смеется-смеется, а в глазах тоска от скорой разлуки и боль от ранения. Все это замечает Владимир. У самого сердце сжимается, но бодрится, балагурит! Первый привал с ночевкой сделали высоко в горах, в каком-то ущелье. Вскипятили воду, добавили туда овечьего жира и с удовольствием попили, восполняя силы. Уложил Володя засыпающую, уставшую Весну на шерстяной плед и ушел охранять ночной покой всех.

Под самое утро услышал осторожные шаги. Насторожился.

- Устал, небось, сынок? - тихо прозвучал голос Федора Федоровича.

- Устал!

- Давай я тебя заменю. А ты уж иди к своей ненаглядной. Всхлипывает она почему-то. Иди! Иди!

- Я уже побежал, Федор Федорович! И удаляясь: – Спасибо.

...День уже клонился к закату, когда подходили к горному селению полевого госпиталя. Володя на руках внес Весну в приёмную, и, устало, вместе с ней опустился на белоснежный топчан. Подошел чистенький хирург и, не говоря ни слова, только жестом, приказал санитарам унести раненую в операционную. Только через час вышел он из кабинета, и, растолкав уснувшего Владимира, спросил:

- Ты ей кто, служивый?

- Я... Я ее муж!

- Вот что, муж! Грудь пришлось ликвидировать у твоей красавицы. Жить будет и рожать будет! Кстати, отцом ты месяцев через восемь станешь! Гордись этим, парень! Дети войны, как и их матери, – живучи! Приходи через неделю!

Оставленная Владимиром группа на догляд Федор Федоровича ждала его распоряжения. А он, оглушенный известием хирурга, на все вопросы только мычал и улыбался. Стресс прошел только на вторые сутки и то, когда его «хорошенько потряс» Федор Федорович.

- Очнись, командир! - ворчал старик. Настало время решений! Решай!

- Простите меня, друзья мои, товарищи! Счастье моё выбило меня из колеи нашего времени! Отцовством я оглушён, - стоя перед всеми, оправдывался Владимир. Постоял, улыбаясь какой-то своей затаённой мысли и, неожиданно для всех, приказал:

- Мы с Федором Федоровичем отбываем по заданию в штаб Армии! Остальные немедленно отправляются назад в

лагерь, оставляя на обратном пути вещки движения! Всем спасибо! В добрый путь! Не забывайте русских!

...До штаба Армии оставалось километров десять с гаком. Фёдор Федорович пытался разными прибаутками отвлечь Владимира от его черных мыслей. А он всё это время был там – у Весны. Видит её глаза в слезах, открытую грудь с набухающими сосками и слышит её шёпот выученным русским языком: «Вернись, любовь моя! Вернись! Мы будем ждать тебя! Я умру без тебя, Володя!» Слезы закипают от этих воспоминаний.

Федор Федорович, глядя на Володю, на его проявление своей сердечной боли в этой, далеко не сентиментальном времени, позавидовал ему. Он, со свойственным ему оптимизмом понимал, что для того, чтобы жить, а в конечном итоге, обязательно победить хитроумного и жесткого, злого врага войны и недруга Родины, нужно жить и думать о жизни. О том, что так важно, особенно молодым. Война! Она и загадка, она и отгадка...

...Главнокомандующий Югославской Армией – Броз Тито, Владимиру не понравился. Вроде все логично излагает и цели ставит с расстановкой на этапы, а глаза чужие, жесты рук выученные, отрепетированные. Даже прищур глаз и деланный акцент в русской речи – не его. Владимир, после получения задания долго мучился от мысли, что он все это уже видел, знает. А когда догадался – даже ахнул: Тито копирует Сталина!

Второй раз, получая задание, когда уже подготовил первую группу снайперов, убедился в этом: всё было театрально-сталинское, даже медлительно-спокойная речь. Окончательно же убедился Владимир в своём мнении, когда в 1945 году с сатанинской сталинской безжалостностью, Тито приказал расстрелять всех перешедших на их сторону военнослужащих хорватских частей 15-го горнострелкового корпуса.

...Вторую неделю в условиях постоянного передвижения готовит Владимир группу снайперов. К боевым действиям его не привлекают. У него другие дела, другая задача: как можно быстрее подготовить своих стрелков и начать бой с миномётчиками фашистов, от огня которых изо дня в день гибнут люди, и нет этому в горах спасения. Только через три месяца повёл Владимир своих курсантов «на дело». Передвижение вражеских сил и его техники сверху просматривалась, и огнём снайперов надолго могла быть заблокирована на узких горных дорогах. Владимир расположил всех своих снайперов по заранее определенному месту и каждому указал сектор наблюдения и стрельбы. Каждому разрешалось только два-три выстрела, и отход с позиции.

Первая вылазка оказалась настолько удачной, что всех поблагодарили даже прибывший Броз Тито и Рибар. Ещё бы! На два дня остановили продвижение врага, что позволило подготовиться к прорыву из окружения. На эту армию фашисты применили свою: пустили в горы подготовленных горных егерей. Оседлали все партизанские тропы и из укрытий били всех подряд. На перерез им Владимир, по заданию штаба Армии, выдвинул ночью своих снайперов и спокойно занял позиции. Движение егерей началось ранним утром под покровом неплотного тумана. Володины умельцы стреляли выборочно: вначале идущих впереди и сзади, а затем, в созданной суете – всех подряд. Завершали операцию ждавшие в укрытии бойцы Армии.

В ответ на это фашисты применили тактику массированного минометного огня с укрытий. Огонь был такой плотности, что ни взад, ни вперед. Штаб Армии принял решение: зайти группе снайперов с тыла огневых позиций врага. Но для того, чтобы оказаться в тылу, нужно пройти через линию окружения. Как это сделать – командиры не знали. Выручил партизанский кошевар, бывший пастух дедушка Нико, пообещав провести группу по горным козьим

тропам. Перед отправлением заставил всех надеть свитеры из овечьей шерсти, теплые кожаные штаны и мягкую войлочную обувь. Превосходные качества этого обмундирования стрелки поняли уже при первых километрах движения по заснеженным тропам: одежда не цепляется за острые края камней, поступь легкая и бесшумная, тело в тепле, даже на ветру.

До очередного перевала добирались быстро и присели отдохнуть.

- Теперь пойдем вниз через расположение врага. Двигаться только ночью и не разговаривать! - распорядился старик. Повернувшись к Владимиру, добавил: - Всем увязаться друг за друга веревкой на расстояние вытянутой руки. Спереди и сзади, командир, поставь парней подюжей. Сейчас переберемся через перевал и ляжем до ночи. Чтобы нас не увидели в бинокль, надо поплотней прижаться к камням. Пошли, сынки!

Как только в горах засерело на ночь, дедушка Нико повёл свой караван. Как уж он в такой мгле видел тропу, одному Богу известно. Однако шли ходко, изредка пропускавая идущую внизу вражескую технику. Дневали в лесу неподалеку от накатанной дороги.

- Ночью проскочим через дорогу, затем по склону зайдем до реки по лесу, перейдем ее и взберемся вверх. Оттуда все будет, как на ладони, - шептал Нико на ухо Владимиру. – Расставляй, командир, своих бойцов, а я своё обещание выполнил.

Утром все стрелки были уже на своих позициях. Перед рассредоточением Владимир распорядился: - Стрелять только один раз и затаиться до развёртывания огневых точек. Затем выбиваем артиллерийскую и минометную службу. В случае моего выбытия, командование возьмёт на себя Дворжич! С Богом, братцы!

Начало операции предвещало и благополучное завершение. С первых выстрелов загорелись два бензовоза, и огонь змеей пополз на всю транспортную колонну, движущуюся по дороге. Началась паника. Бегающие офицеры стали удобной мишенью для снайперов. Главное, никто не мог сразу определить, откуда так прицельно стреляют. Первыми догадались танкисты и, развернув башни, открыли бешеную стрельбу. К ним присоединились и артиллеристы. Все потонуло в общем грохоте разрывов. Начали отползать, но тут же их прижали плотным огнем крупнокалиберных пулеметов. Внезапно все стихло. Вся армада техники начала спешно пятиться назад в сторону доносившегося боя. Фронт прорвал кольцо окружения и вышел на оперативный простор.

Владимира нашли в лесочке на берегу реки без сознания с окровавленной спиной и головой.

...Очнулся на мгновение от пронизывающей боли в позвоночнике и слов приказа: - На трофейном легковом автомобиле гоните в Австрию на станцию Грац. Там международный госпиталь и наши люди. Этого героя нужно спасти! Спасти любой ценой!

...Второй раз очнулся на больничной койке в гипсе по всему телу. Попробовал спросить, но, кроме мычания, ничего не получилось. «Ранен и контужен», - мелькнуло в сознании, и тут же взгляд уперся в табличку: «Курт Венцель – неизвестный». «Кто этот Курт?» - вяло прошла мысль, и неожиданно утвердительно: «Похоже – я!»

В течение всего месяца, а может быть и больше, ежедневно трижды в день приходил врач с группой медсестер и подолгу колдовали над ним, заглядывая в глаза. А когда он сам начал шевелить ступнями ног и поднимать самостоятельно руки, при этом по-прежнему мыча, глаза медиков засветились радостью и почти в один голос произнесли они: «Гут! Гут! (Хорошо! Хорошо!) Владимир постепенно и сам

стал понимать, что пошел на поправку и, возможно, скоро он сможет стать вполне полноценным человеком.

Вместе с этой верой в будущее все чаще и чаще осознавал он себя изгоем Родины, которой верил и жил ее делами, а теперь в оплату за все – вынужден превратиться в скитальца, да и то благодаря Судьбе и Богу. Подло это все же! Светлел лицом только при воспоминании о своей беременной жене Весне. Возникали перед ним в это время картины из прошлого: первая встреча в горах, первый ее поцелуй и откровения первой супружеской ночи и их расставание со слезами на глазах. Отодвигалась в это время память о детстве, о Сибири и войне. Его счастье было на чужбине!

Вот уже и гипс сняли, заменили на корсет, ходить на костылях разрешили, а речь не восстанавливалась. Пробовал писать, но получались только каракули, да и опасался: он ведь здесь – немец Венцель.

В начале апреля 1945 года неожиданно Владимира навестил очень постаревший дядя Захар. Хотя и плохо, но к этому времени Владимир мог уже говорить, логически строя предложения.

Долгой была их встреча. Говорили о многом, подробно, изредка перебивая друг друга.

- Война, Володя, близка к концу. Германия и её сателлиты пали. Наступает пора раздела территорий и богатств между Англией, Америкой и СССР. Людские жертвы будут увеличиваться. Самое страшное судилище над всеми, кто был на стороне немцев или работал на них, будет в СССР. Поверь мне, дорогой племянник, казни в СССР будут публичными, как фактор устрашения и увод мнения населения о причастности Правительства к массовым жертвам войны. Но война, Володя, начнется теперь между союзниками. Я не политик, но еще способен трезво мыслить и предвидеть. Пройдет совсем немного времени, и победители, поигрывая военными мускулами, сформируют всевозможные военные

соединения. Но войсковые силы должны воевать, и они будут воевать! Ты, племянник, все это увидишь сам.

Захар замолчал, задумался и, взяв руку Володи, продолжил:

- А теперь о нас! То, что ты числишься в этой больнице Венцелем – тебе повезло: спрятал истинное свое прошлое и расчистил себе будущее. Завтра я постараюсь переправить тебя в Швейцарию. Там будешь долечиваться. В твоей медицинской карте будет указано, что ты родом из города Цюрих с указанием адреса. После излечения будешь там и проживать со своей семьей.

Видя недоумение Владимира, успокаивающе проговорил:

- Найду я твою Весну с ребенком. Не волнуйся! Я и из нее тоже немку сделаю по документам.

- А как сам? - заикаясь, выдавил из себя Владимир.

- Я с семьей буду жить во Франции. После смерти твоего деда Степана в Чехии осталась там с детьми моя сестра Варя. Я их тоже заберу с собой. Жить будем в Париже. Поможет мне в этом мой друг Ростислав Александрович Колчак – сын Верховного Правителя России. В 1944 году со своими батальонами перешел к французским партизанам. Теперь он большой начальник. Привез я тебе для проживания с семьей немного золота и драгоценностей! Не округляй глаза! Это мои сбережения! Как только устроюсь в Париже – дам тебе весточку. А теперь, давай прощаться! Напоследок хочу сказать тебе, Владимир, - род казачий не умрёт, как бы его не ломали!

ЭПИЛОГ

Прошли годы. Отшумели парады войск победителей фашизма. Повсеместно прошли судилища над фашистскими преступниками. Американские и французские газеты подробно описывали весь ход Нюрнбергского судебного процесса с перечислением всех лиц, причастных к преступлению против человечества, и приговор международного трибунала. Везде и всюду наступило временное умиротворение. Народы всех стран приступили к восстановлению разрушенного войной.

...По установившейся семейной традиции, ежегодно после Нового года, супруги Назаровы отправлялись на кладбище Сент-Жевьев-де-Буа отдать дань памяти похороненным здесь российским людям и погибшим воинам разных времен. Начало поселения русских эмигрантов в одноименном городке было положено княгиней Верой Кирилловной Мещерской, организовавшей здесь Русский дом. С этого времени появилось и русское кладбище, где вскоре стали хоронить русских дворян из Парижа и других городов Франции. Всего на этом кладбище захоронено более семи тысяч русских эмигрантов.

Вот и сегодня ходит Аксиния от погребения к погребению, крестясь и створяя молитву. Лежат здесь известные писатели, артисты, художники, ученые, политические и государственные деятели России: философ Николай Лосский, писатели – Иван Шмелев, Иван Бунин, Алексей Ремизов, Надежда Тэффи; художники – Константин Сомов, Сергей Маковский, Константин Коровин; балерина Матильда Кшесинская.

Аксиния подолгу стоит у могилы отца – Сергия Булгакова, накладывая крест, вспоминая своих родителей. Капают слезы из глаз на надгробную плиту, как бы закрепляя здесь и их пристанище.

Захар надолго задержался у восстановленной здесь копии памятника русским войскам в Галлиполи. Читает вслух известные имена: Корнилов, Колчак, Марков, Дроздовский, Деникин, Алексеев, Врангель, а мозг диктует еще: Алексеев, Казаков, Юденич, Семенов, Скоропадский, Унгерн, Павлов, Доманов, Еремеев и... всех, кто был выдан американцами и англичанами органам СССР и ими расстрелян. Вспоминая всех своих военных товарищей и сподвижников по защите России, вздрогнул от внезапно нахлынувшего теперь – поразившей его прилюдной казни в СССР. Излюбленный метод – повешение. Приговоренных к смерти, стоя, подвозили в открытом кузове автомобилей к перекладине с петлями, набрасывали её на шею и, после громкого зачитания приговора, автомобиль отъезжал, оставляя за собой дергающиеся тела. Так казнили в Киеве, Харькове, Ленинграде, Пскове, Минске.

Французские газеты утверждали, что в СССР всего по 58-й статье, где предусматривалась высшая мера наказания, было осуждено более трёх миллионов человек. Эти же газеты утверждали, что в Лефортовой тюрьме повесили деятелей Белого движения: атамана Краснова, генерала Краснова, генерала Шкуро, генерала Султан-Гирея Клыча, генерала Доманова, казачьего атамана Гельмута фон Паннвица.

Генерала Власова, по решению закрытого суда, повесили во внутреннем дворе Бутырской тюрьмы в Москве.

...Печальные мысли родителей прервал тихо подошедший сын Евгений.

- Могу вас поздравить, родные мои, папулечка и мамуля! По моим посольским каналам стало известно, что в Сибирке проживают Нефедов Иван с семьёй и Еремеев Андрей с семьёй. По остальным Нефёдовым и Еремеевым всё вы знаете сами!».

Уходили втроём под печальный могильный взгляд надгробий сынов и дочерей России...

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора		4
Предыстория		7
Книга первая	Звёзды блещут в темноте	
Глава первая	Тернистые пути-дороги	10
Глава вторая	Разные судьбы	52
Глава третья	Атаманы	100
Глава четвёртая	Свои – чужие	189
Глава пятая	Странники России	265
Книга вторая	За всё в ответе	
Глава первая	Возвращаясь в прошлое	322
Глава вторая	Копьё судеб	399
Глава третья	Змеиные укусы	459
Глава четвёртая	Дороги жизни	522
Эпилог		639

Литературно-художественное издание

Вольдемар Александрович Горх

СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА

Роман в двух книгах

В авторской редакции